

INSPIRIA

МЕГАН МИРАНДА

«ЖИВОПИСНЫЙ ОТДАЛЕННЫЙ
ГОРОДОК СТАЛ ИДЕАЛЬНОЙ СЦЕНОЙ
ДЛЯ СРЫВА ПОКРОВОВ»

BOOKLIST

ПОСЛЕДНЯЯ ГОСТЬЯ

INSPIRIA

Annotation

Всю свою жизнь Эйвери провела в крохотном городке Литтлпорт, в Мэне. И кто бы мог подумать, что ей суждено подружиться с Сэди, состоятельная семья которой владеет почти всем Литтлпортом.

Каждое лето Сэди приезжает в Мэн, и долгие годы девушки — не разлей вода... До того вечера, как тело Сэди находят под обрывом. Поначалу все кажется очевидным — суицид. Однако, чем дальше движется расследование, тем больше страшных секретов всплывают на поверхность. И как Эйвери добиться справедливости для Сэди, когда она вот-вот станет главной подозреваемой в убийстве?

От автора бестселлеров New York Times: новый захватывающий триллер Меган Миранды сможет свести с ума каждого. Когда сталкиваются два мира — богатый городской и тихий провинциальный — обостряются углы и усиливаются контрасты. Эйвери и Сэди — представительницы этих двух совершенно разных миров, но это не мешало им быть самыми близкими подругами на свете... До того дня, как тело Сэди не находят под обрывом. Эйвери не готова поверить, что это суицид — она знает, что Сэди бы так не поступила. Но помогать расследованию и брать дело в свои руки становится крайне проблематично, когда Эйвери оказывается главной подозреваемой в убийстве.

-
- [Меган Миранда](#)
 -
 -
 - [Лето](#)
 - [Вечеринка «плюс одна»](#)
 - [Лето](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)

- [Лето](#)
 - [Вечеринка «плюс одна»](#)
- [Лето](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
- [Лето](#)
 - [Вечеринка «плюс одна»](#)
- [Лето](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
- [Лето](#)
 - [Вечеринка «плюс одна»](#)
- [Лето](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
- [Лето](#)
 - [Вечеринка «плюс одна»](#)
- [Лето](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
- [Лето](#)
 - [День после вечеринки «плюс одна»](#)
- [Лето](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)

- [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Лето](#)
 - [Первый день лета](#)
 - [Благодарности](#)
 - [Об авторе](#)
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Меган Миранда
Последняя гостья

МЕГАН
МИРАНДА
ПОСЛЕДНЯЯ
ГОСТЬЯ

INSPIRIA
Москва
2021

Посвящается Рейчел.

Лето
2017

Вечеринка «плюс одна»

Я чуть было не съездила за ней. Когда она так и не появилась. Когда не отвечала на звонки. Когда оставила без внимания мою эсэмэску.

Но были выпивка, другие машины, которые заперли мою, и обязательства — мне полагалось приглядывать, как там дела. От меня ждали, что вечер пройдет как по маслу.

И вообще, она подняла бы меня на смех за то, что я вернулась. Закатила бы глаза. Сказала: «Эйвери, одна мать у меня уже есть».

Да, знаю — все это отговорки.

* * *

На высокий берег я прибыла первой.

В этом году для вечеринки выбрали сдающийся в аренду дом в тупике — с тремя спальнями, стоящий в самом конце длинной, обсаженной деревьями улицы, такой узкой, что на ней едва хватало места разъехаться двум машинам. Ломаны дали ему название «Голубая мухоловка» за обшитые внахлест бледно-голубыми досками стены и крышу со скатами, как на птичьей кормушке. Хотя мне казалось, что скорее за то, как он отодвинут от дороги за деревья и видится цветным пятном, если приблизиться к нему вплотную сбоку, но издали его не заметишь, пока не подойдешь.

Место далеко не лучшее, вид из окон тоже — океан слишком далеко, чтобы его увидеть, но достаточно близко, чтобы постоянно его слышать, — зато наиболее удаленное от мини-отеля типа «ночлег и завтрак» дальше по той же улице, вдобавок с патио в окружении густой вечнозеленой растительности, так что при определенном везении никто бы ничего не заметил и не пожаловался.

Так или иначе, все летние дома Ломанов, сдающиеся в аренду, внутри выглядят одинаково. И порой я, показав очередной такой дом потенциальным клиентам, на выходе внезапно терялась: качели на веранде вместо каменных ступеней крыльца, океан вместо гор. В

каждом доме — одна и та же плитка на полу, гранит одинакового оттенка, одно и то же сочетание стилей, рустикального с люксовым. Стены повсюду украшены панорамами Литтлпорта: маяк, лес пляшущих белых мачт на пристани, белопенные гребни волн, бьющихся о скалы на обоих берегах бухты. Так называемый затопленный, или «далматинский», берег — вытянутые, как пальцы, участки суши, поднимающиеся из океана; каменистое побережье в попытках отстоять свои позиции, несмотря на прибой; острова, появляющиеся и пропадающие вдалеке в лад приливу.

Да, до меня дошло — зачем они, эти поездки на длинные выходные из больших городов или временные переселения на лето; откуда статус исключительности у местечка, которое кажется таким крошечным и непритязательным. До этого городка, отвоеванного у нетронутой глуши, с горами по одну сторону и океаном по другую, добраться можно было лишь одним способом: по единственной береговой дороге, набравшись терпения. Он существовал за счет одного только упрямства в чистом виде, оттесняя наседающую с обеих сторон природу.

Вырасти здесь означало жить с ощущением, что закалился и приобрел те же черты характера.

Я выставила привезенные из большого дома остатки спиртного на гранитный кухонный стол-островок, убрала с глаз долой хрупкие интерьерные украшения, включила подсветку бассейна. Затем налила себе выпить и уселась в патио за домом, прислушиваясь к шуму океана. Зябкий осенний ветер зашуршал среди деревьев, я поежилась и плотнее запахнула куртку.

Эта ежегодная вечеринка всегда балансировала на грани — последний бой против смены времен года. Зима, темная и нескончаемая, глубоко укоренялась здесь. Она переходила в наступление, едва только уезжали отдыхающие.

Но сначала предстояло сегодняшнее событие.

Еще одна волна разбилась о берег вдалеке. Я закрыла глаза, отсчитывая секунды. Ожидая.

Мы собирались здесь сегодня вечером, чтобы проводить сезон летнего отдыха, но его уже смыло волнами и без нашего разрешения.

Лусиана явилась, как раз когда вечеринка набрала разгон. Я не видела, как она вошла — только когда она уже мялась в нерешительности одна среди кухни. И выделялась, рослая и неподвижная в самой гуще суеты, словно вбирая ее в себя. Ее первая вечеринка «плюс одна». Такая непохожая, как мне было известно, на вечеринки, которые она посещала все лето, — оказанный ей радушный прием в мире летнего отдыха в Литтлпорте, штат Мэн.

Я тронула ее за локоть, почему-то до сих пор холодный. Она вздрогнула, обернулась и шумно вздохнула, будто обрадовалась мне.

— Не совсем то, чего я ожидала, — призналась она.

Оделась она слишком тщательно, не по случаю. Завивка, элегантные брюки, шпильки. Будто собиралась на стильный банч.

Я улыбнулась.

— Сэди с тобой?

И я оглядела комнату в поисках знакомой светлой головки с пробором посередине, с заплетенными на висках и скрепленными на затылке заколкой тонкими косицами — прическа детища новой эры. Привстала на цыпочки, пытаюсь различить в шуме ее смех.

Лус покачала головой, темные волны ее волос скользнули по плечам.

— Нет, она, наверное, еще укладывает вещи. Меня подвез Паркер. Сказал, что хочет оставить машину у мини-отеля, чтобы нам потом было легче выбраться, — она указала в сторону мини-отеля «Мыс», перестроенного викторианского особняка с восемью спальнями у самого края высокого берега, здания со множеством башенок и огороженной террасой. Оттуда открывался вид почти на весь Литтлпорт — во всяком случае, на его значимые детали, от пристани до песчаной полосы Брейкер-Бич с ее выдающимися в море утесами, где на самой северной оконечности города жили Ломаны.

— Не стоило ему парковаться там. — Я сразу взялась за телефон. Нечего и надеяться на то, что хозяева мини-отеля не заметят, если все будут оставлять машины у них на стоянке.

Лус пожала плечами. Паркер Ломан делал что ему заблагорассудится и никогда не задумывался о последствиях.

Я поднесла телефон к уху. Гудки едва были слышны сквозь музыку, пришлось прикрыть трубку сложенной ладонью.

«Привет, вы позвонили Сэди Ломан...»

Я отключилась, сунула телефон обратно в карман и протянула Лус красный пластиковый стаканчик.

— Держи, — сказала я, хотя вообще-то мне хотелось воскликнуть: «Господи, да расслабься ты наконец», но я и без того уже вышла за рамки моих обычных разговоров с Лусианой Суарес. Она нерешительно взяла стаканчик, а я принялась поворачивать этикетками к себе полупустые бутылки, разыскивая виски, который, как я знала, она предпочитает. Вот это мне в ней по-настоящему нравилось.

Я плеснула ей виски, она нахмурилась и произнесла:

— Спасибо.

— Не за что.

Мы провели вместе целый сезон, а она так и не определилась со своим отношением ко мне — обительнице гостевого дома рядом с загородной резиденцией ее бойфренда. Друг она или враг. Союзник или противник.

Наконец она, похоже, приняла какое-то решение, потому что придвинулась ко мне, словно собираясь поделиться секретом.

— И все же я что-то не въезжаю.

Я усмехнулась.

— Въедешь.

Сомнениями насчет вечеринки «плюс одна» она терзалась с тех пор, как услышала о ней от Паркера и Сэди; ей объяснили, что ради этой вечеринки не уедут вместе с родителями в выходные перед Днем труда, а задержатся еще на неделю после окончания летнего сезона. Одна ночь, последняя для тех, кто пробыл здесь со Дня поминовения до Дня труда^[1] — то есть все недели, составляющие летний сезон, плюс еще одну. Бурный всплеск в жизни тех, кто живет здесь круглый год.

В отличие от вечеринок, на которые Ломаны возили ее все лето, на этой не было ни банкетной службы, ни официанток, ни барменов. Вместо них — пестрая компания оставшихся отдыхающих, которая опустошала комнатные бары, холодильники и кладовки. Никакого сходства. Все не так. Ночь излишеств, затяжное прощание, девять месяцев, чтобы забыть и надеяться, что забудут и все остальные.

Вечеринка «плюс одна» была эксклюзивной и вместе с тем нет. Список приглашенных отсутствовал. Кто знал о ней, тот и пришел. Взрослые, скованные неиллюзорным долгом, к тому времени уже

вернулись к привычной жизни. У детей помладше началась учеба, родители уехали вместе с ними. Так что остался промежуточный возраст. Студенты и выпускники, еще не обремененные жизненными обязательствами. И не изнуренные ими.

Сегодняшний вечер уравнил нас, и теперь по виду уже нельзя было определить, кто местный, а кто в гостях. Такими мы и притворялись: в раздетом виде все мы одинаковы.

За последние пару минут Лус взглянула на свои изящные золотые часики дважды, каждый раз поворачивая их туда-сюда на тонком запястье.

— Боже, — пробормотала она, — что он там застрял.

* * *

Паркер прибыл последним и без труда высмотрел нас еще с порога. Все обернулись в его сторону, как обычно и бывало, стоило Паркеру Ломану войти в комнату. С таким расчетом он и вел себя, оттачивал в себе надменность, предназначенную для того, чтобы держать окружающих в напряжении.

— Машину заметят, — сказала я, когда он подошел к нам.

Наклонившись, он обнял одной рукой Лус.

— Вечно ты загоняешься, Эйвери.

Я и вправду загонялась, но только потому, что он вообще не задумывался, как воспринимает его другая сторона — местные жители, которым нужны и в то же время неприятны такие люди, как он.

— Где Сэди? — попыталась перекрыть музыку я.

— А я думал, ты ее подвезешь, — он пожал плечами, потом посмотрел куда-то вдаль поверх моего плеча. — Меня она заранее предупредила, чтобы я ее не ждал. Наверное, на ее языке это значит «не поеду».

Я покачала головой. Сэди не пропускала тусовки «плюс одна» с тех пор, как мы начали бывать на них вместе, с того самого лета, как нам исполнилось восемнадцать.

Ранее в тот же день она без стука распахнула дверь гостевого дома, позвала меня по имени уже из комнаты, потом еще раз, входя в

мою спальню, где я сидела с открытым ноутбуком поверх белого стеганого одеяла, одетая в пижамные шорты и термофутболку с длинными рукавами, скрутив волосы в пучок на макушке.

Она была уже одета для выхода, а я все еще подбивала задачи по своей работе, которая заключалась в управлении объектами недвижимости в обширной компании Гранта Ломана, занятой застройкой. Сэди в голубом платье-комбинации и золотых сандалиях из ремешков подбоченилась так, что под тканью проступила косточка на бедре, и спросила: «Ну и какого мы об этом мнения?» Платье плотно облегалo каждый изгиб.

Я откинулась на подушки и согнула колени, решив, что она задержится. «Ты ведь понимаешь, что задубеешь?» — спросила я. В последние несколько вечеров температура резко падала — предвестие повального бегства, как называли его местные. Через неделю в ресторанах и магазинах на Харбор-драйв изменится режим работы, ландшафтные дизайнеры переквалифицируются в школьный персонал и водителей автобусов, а молодняк, подрабатывающий официантками и палубными матросами, отвалит на склоны Нью-Гэмпшира вкалывать лыжными инструкторами. Для нас, местных, высасывать лето до последней капли было привычным делом, как запастись водой накануне засухи.

Сэди закатила глаза. «Одна мать у меня уже есть», — напомнила она, но сунулась в мой шкаф и натянула шоколадно-коричневый свитер, кстати сказать, принадлежавший ей. И одним махом превратила свой наряд в идеальное сочетание шика с повседневностью. Легко. И с разгону ринулась к двери, теребя концы волос и расплескивая энергию.

К чему еще она могла готовиться, если не к вечеринке?

В открытые двери, ведущие в патио, я увидела, что Коннор сидит на бортике бассейна, болтая в воде босыми ногами в закатанных джинсах, и его подсвечивает снизу голубоватое сияние. Я чуть было не подошла к нему и не спросила, не видел ли он Сэди, но только потому, что выпивка пробудила во мне ностальгию. Однако даже в таком состоянии я вовремя одумалась. Он заметил, что я глазею на него, и я отвела взгляд. Просто не ожидала увидеть его здесь, вот и все.

Я достала мобильник и набрала Сэди эсэмэску: «Ты где?»

И, пока смотрела на экран, увидела мигающие точки: она пишет ответ. Но точки перестали мигать, а сообщение так и не появилось.

Я отправила еще одно: «???»

Нет ответа. Напрасно проглазев на экран еще минуту, я сдалась и убрала телефон, решив, что она уже в пути, что бы там ни говорил Паркер.

В кухне кто-то танцевал. Паркер смеялся, запрокидывая голову. Творилось волшебство.

На мою спину легла рука, я закрыла глаза, прислоняясь к ней и переставая быть собой.

Так все обычно и происходило.

* * *

К полуночи все вокруг стало бессвязным и туманным, воздух в комнате загустел от жары и смеха, несмотря на открытые двери. Паркер, стоя у самого патио, поймал мой взгляд поверх голов и еле заметно кивнул в сторону входной двери. Предупреждая меня.

Я посмотрела в ту же сторону, куда и он. В проеме открытой двери стояли двое полицейских, и холодный сквозняк, пронесшийся через всю комнату, быстро отрезвил нас. Полицейские были с непокрытыми головами, словно желали слиться с толпой гостей. Я сразу поняла, что с ними придется иметь дело мне.

Дом был записан на Ломанов, но я указана в качестве управляющего. И что еще важнее, от меня ждали умения ориентироваться в обоих здешних мирах, будто я входила и в тот, и в другой, хотя на самом деле не принадлежала ни к одному из них.

Этих двоих мужчин я узнала, но не настолько хорошо, чтобы выудить из памяти их имена. За вычетом летних отдыхающих численность населения Литтлпорта не дотягивала и до трех тысяч человек. Было ясно, что и полицейские меня узнали. Между восемнадцатью и девятнадцатью годами я только и делала, что влипала в неприятности, а судя по возрасту, эти полицейские вполне могли помнить то время.

Я не стала дожидаться от них претензий.

— Прошу прощения, — заговорила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно и твердо. — Я прослежу, чтобы шум был не слишком сильным. — Одновременно я подавала знак убавить громкость, не адресуясь ни к кому конкретно.

Но полицейские пропустили мои извинения мимо ушей.

— Мы ищем Паркера Ломана, — сообщил тот, что был пониже ростом, и оглядел толпу. Я обернулась к Паркеру, который уже начал пробираться между гостями, двигаясь в нашу сторону.

— Паркер Ломан? — спросил полицейский, который был ростом выше напарника, дождавшись, когда Паркер приблизится. Само собой, им и так было известно, что это он.

Паркер кивнул, выпрямив спину.

— Чем могу помочь, джентльмены? — осведомился он, с ходу взяв деловитый тон, хоть на лоб ему падала прядь темных волос, а лицо лоснилось от пота.

— Нам надо поговорить с вами снаружи, — сообщил высокий полицейский, и Паркер, миротворец по натуре, понял, что лучше не спорить.

— Конечно, — кивнул он, но не сдвинулся с места. — Можно сначала узнать, о чем речь?

Он знал, когда можно и побеседовать, а когда надо сразу требовать адвоката. И заранее держал в руке мобильник.

— О вашей сестре, — ответил полицейский, и его напарник отвел глаза. — О Сэди.

Он жестом подозвал Паркера ближе и понизил голос, так что я не разобрала ни слова, но все вдруг изменилось: поза Паркера, выражение его лица, безвольно повисла рука с телефоном. Я подступила ближе, у меня в груди что-то затрепыхалось. И успела услышать обрывок последней фразы:

— ...в последний раз, когда вы видели ее, как она была одета?

Паркер прищурился.

— Я не... — Он обернулся, обвел взглядом комнату, словно ожидал увидеть в ней Сэди, проскользнувшую незамеченной.

Смысл вопроса я не поняла, но ответ знала.

— В голубое платье, — сказала я. — Коричневый свитер и золотые сандалии.

Мужчины в форме быстро переглянулись и посторонились, разрешая мне присоединиться к разговору.

— Какие-нибудь особые приметы?

Паркер зажмурился.

— Подождите! — попросил он, словно рассчитывал повернуть разговор, предотвратить неизбежный ход последующих событий.

— Да, у нее есть — верно же? — послышался голос Лус. А я и не заметила, что она стоит рядом, за спиной Паркера. Волосы она откинула назад, ее макияж слегка поплыл, под глазами появились темные круги. Лус шагнула вперед, взглядами спрашивая подтверждение поочередно у меня и у Паркера. И кивнула уже увереннее. — Татуировка. Вот здесь, — и она показала на своем теле место слева, возле самого выступа тазовой косточки. Пальцем она нарисовала восьмерку, лежащую на боку, — символ бесконечности.

Полицейский сжал челюсти, тут-то твердая земля разом и ушла из-под наших ног.

Мы на время стали сорванными с якоря утлыми лодчонками в океане, я ощутила приступ той самой морской болезни, от которой, особенно ночью на воде, так и не избавилась, даром что выросла на побережье. В сбивающем с толку мраке, начисто лишенном ориентиров.

Полицейский, который был повыше, накрыл ладонью руку Паркера.

— Вашу сестру нашли на Брейкер-Бич...

Вся комната загудела, Лус зажала обеими руками рот, а я по-прежнему гадала, не ослышалась ли я. С какой стати Сэди понесло на Брейкер-Бич? Мысленно я увидела ее танцующей босиком. На спор окунающейся голышом в ледяную воду. Ее лицо в отсветах пламени костра, какие мы разводили из коряг, выброшенных на берег.

За нами вечеринка отчасти продолжалась, но не так шумно. Музыку вырубili.

— Позвоните своим родителям, — продолжал полицейский. — Нам надо доставить вас в участок.

— Нет, — перебила я, — она...

«Укладывает вещи. Собирается. Уже в дороге». Глаза полицейского раскрылись шире, он посмотрел вниз, на мои руки. Они цеплялись за его рукав так крепко, что побелели кончики пальцев.

Я разжала пальцы, отступила на шаг и наткнулась на кого-то. Мигающие точки на моем телефоне — она же писала мне. Полицейские наверняка ошиблись. Я вытащила телефон, чтобы проверить. Но мои вопросительные знаки так и остались без ответа.

Паркер протолкался к входной двери и исчез из виду, огибая дом и направляясь по тропе к мини-отелю. В суматохе нас было не удержать. Мы с Лус бросились следом за Паркером, петляя между деревьями, наконец догнали его на усыпанной гравием парковке и втиснулись к нему в машину.

Проезжая мимо темных витрин на Харбор-драйв, мы слышали лишь время от времени сбивающееся дыхание Лус. Едва мы приблизились к повороту у Брейкер-Бич, я прильнула к окну: впереди мельтешили огни мигалок, въезд на стоянку перегородили полицейские машины. Но за дюнами стоял на страже еще один полицейский, светящимся жезлом подающий нам знаки проезжать мимо.

Паркер даже не сбавил скорость. Он повел машину вверх по склону Лэндинг-лейн и к темному дому в конце улицы, за обложенной камнями подъездной дорожкой.

Остановив машину, Паркер направился напрямиком в дом — или все еще не верил и спешил найти Сэди, или хотел позвонить родителям так, чтобы его никто не слышал. Лус медленно поднялась следом за ним на крыльцо, но, перед тем как скрыться, оглянулась через плечо на меня.

Спотыкаясь, я брела вдоль дома и держалась рукой за стену, чтобы не упасть; свернула за угол, миновала черную калитку в ограде вокруг бассейна и направилась по тропе к утесам за домом. Тропа продолжалась, повторяя очертания края утесов, пока вдруг не обрывалась у северной оконечности Брейкер-Бич. Но оттуда вырубленные в камне ступени спускались к песчаной полоске пляжа.

Мне хотелось увидеть пляж своими глазами, чтобы поверить. Хотелось посмотреть, что делает полиция там, внизу. Выяснить, не спорит ли с ними Сэди. Все ли мы правильно поняли. Но уже тогда я догадывалась, что надежды мало. Этот город только и делал, что отнимал у меня близких людей. А я расслабилась, успокоилась и совсем забыла об этом.

Я слышала плеск волн, бьющихся о скалы слева от меня, и без труда представляла себе, как пенится здесь внизу вода при свете дня. Но вокруг было темно, я ориентировалась лишь по звуку. Вдалеке на мысу периодически вспыхивал вращающийся фонарь маяка, и я брела на этот свет, как в трансе.

Впереди на тропе, выходящей сверху по утесам, задвигались тени. Мне в лицо направили луч фонарика, пришлось вскинуть руку, прикрывая глаза. Черная человеческая фигура шагнула ко мне, послышался треск помех из рации.

— Мэм, вам сюда нельзя, — заявил незнакомец.

Фонарь отвели в сторону, тогда-то я и увидела их мелькнувшими в луче света и почувствовала, как земля качнулась под ногами.

Знакомую пару золотых сандалий из ремешков, брошенных у самого края утеса.

**Лето
2018**

Глава 1

В сумерках поодаль от берега разыгрался шторм. Я узнала о его приближении по грозовому валу туч, нависших над самым горизонтом. Почувствовала его в ветре, дующем с севера и более холодном, чем вечерний воздух. В прогнозе погоды ни о чем таком не упоминали, но летней ночью в Литтлпорте это ничего не значило.

Я отступила от края утеса и, как часто бывало, представила стоящей здесь не меня саму, а Сэди. Ветер трепал ее голубое платье, швырял ей в лицо светлые волосы, она жмурилась. Зацепившись пальцами ног за край каменного карниза, она медленно переносила вес тела. Как рычаг с точкой опоры, на которой балансировала ее жизнь.

Мне часто представлялись последние слова, которые она писала мне, стоя на самом краю: «Есть вещи, о которых даже ты не знаешь».

«Больше я так не могу».

«Помни меня».

Но в конечном итоге молчание выглядело идеальным и трагичным, в духе Сэди Ломан, заставляя всех желать большего.

* * *

Обширные владения Ломанов когда-то казались мне теплым и уютным домом: каменный цоколь, серовато-голубая обшивка досками, белые дверные косяки и наличники, а по ночам во всех окнах загорался свет, и дом словно оживал. Теперь же был низведен до состояния темной и пустой оболочки.

Зимой не составляло труда делать вид, будто все в порядке: отслеживая состояние объектов недвижимости по всему городу, координируя бронирование на будущий сезон, наблюдая за новой застройкой. Я привыкла к затишью мертвого сезона, к его затяжному спокойствию. Но во время летней суеты с постояльцами, из-за необходимости всегда быть на связи, да еще с приклеенной улыбкой, любезным и дружелюбным тоном, контраст с домом становился

слишком уж резким. От осязаемого отсутствия призраков на периферии зрения.

Теперь каждый вечер я шла мимо большого дома по пути к гостевому и краем глаза замечала то, от чего оборачивалась, чтобы присмотреться, — неявное шевеление. И на ужасный и прекрасный миг думала: *Сэди*. Но в темных окнах видела лишь одно — собственное искаженное отражение, глазающее на меня. Мой личный неотвязный призрак.

* * *

Первые дни после смерти Сэди я держалась отчужденно, приближалась, только когда меня звали, говорила, когда ко мне обращались. Смысл имело все и в то же время не имело ничего.

Свои вымученные показания о том вечере я дала двум мужчинам, которые постучались ко мне следующим утром. Следствие поручили тому же детективу, который нашел меня на утесах накануне ночью. Его фамилия была Коллинз, все самые острые вопросы исходили от него. Ему хотелось знать, когда я в последний раз видела Сэди (здесь, в гостевом доме, около полудня), сообщала ли она мне о своих планах на этот вечер (нет, не сообщала), как она вела себя в тот день (как было свойственно Сэди).

Но в своих ответах я неестественным образом притормаживала, словно нарушилась некая связь. Во время допроса я слышала себя будто издалека.

«Вы, Лусиана и Паркер прибыли на вечеринку по отдельности. Еще раз: как это происходило?»

«Я появилась там первой. Следующей — Лусиана. Паркер прибыл последним».

В этом месте возникла пауза.

«А Коннор Харлоу? Мы слышали, он присутствовал на вечеринке».

Кивок. Миг молчания. «Коннор тоже был там».

Я рассказала им про сообщение, показала свой телефон, заверила, что Сэди как раз писала мне, когда все мы уже находились вместе на

вечеринке. «Сколько порций спиртного вы к тому времени выпили?» — спросил детектив Коллинз. Я ответила, что две, имея в виду три.

Он вырвал лист линованной бумаги из своего блокнота, написал в столбик наши имена и попросил как можно точнее указать время прибытия каждого из нас. Для Лус я определила его, сориентировавшись по времени моего звонка Сэди, для Паркера — по времени, когда я отправляла эсэмэску и спрашивала, где она.

«Эйвери Грир — 18:40

Лусиана Суарес — 20:00

Паркер Ломан — 20:30

Коннор Харлоу —?»

Как пришел Коннор, я не видела, и нахмурилась, уставившись на список. «Коннор прибыл раньше Паркера. Но когда именно, не уверена», — сказала я.

Детектив Коллинз повернул лист из блокнота к себе и пробежал взглядом список. «Большой получается разрыв между вами и следующим пришедшим».

Я объяснила, что занималась подготовкой к вечеринке. И сказала, что те, кто в первый раз, всегда приходят рано.

Расследование продолжалось — педантично и по существу, что наверняка оценили Ломаны, с учетом всех обстоятельств. Дом стоял темным с тех пор, как Гранту и Бьянке позвонили среди ночи с известием о смерти Сэди. Когда перед Днем поминовения появились фургоны из клининговой компании и из службы чистки бассейнов — смахивать паутину, полировать кухонные столы, приводить бассейн в порядок, — я наблюдала за ними из-за занавесок в гостевом доме и думала, что Ломаны, возможно, вернутся. Они не из тех, кто заикливается на сентиментальности или неопределенности. А из тех, кто ставит во главу угла обязательства и факты, о чем бы они ни свидетельствовали.

Факты же были таковы: никаких признаков насильственной смерти. Никаких следов наркотиков и алкоголя в ее организме. Никаких расхождений в показаниях. Казалось, ни у кого не было ни мотива, ни возможности причинить вред Сэди Ломан. Все, кто поддерживал отношения с ней, в момент ее смерти находились на вечеринке «плюс одна».

Трудно было одновременно скорбеть и создавать себе алиби. Так и подмывало обвинить кого-нибудь другого, лишь бы выгородить себя. Это было бы так просто. Но никто из нас ничего подобного не сделал, и мне казалось, это свидетельствовало в пользу самой Сэди. Говорило о том, что никому из нас и в голову не пришло бы желать ей смерти.

Официальной причиной смерти назвали утопление, но выжить после падения с такой высоты было бы невозможно — из-за камней и течения, силы удара и холода.

Она могла оступиться, сказала я детективам. В это мне отчаянно хотелось верить. В то, что я ничего не упустила. Не заметила ни сигнала, на который могла бы отреагировать, ни момента, когда могла бы вмешаться. Но обувь сразу же заставила их выдвинуть другое предположение. Преднамеренный шаг. Оставленные золотые сандалии. словно по пути к краю утеса она остановилась, чтобы расстегнуть их ремешки. Сделала паузу, прежде чем продолжить.

Я продолжала сомневаться, даже когда смирились ее родные. Сэди была моей опорой, моей сообщницей, силой, которая столько лет подряд приводила в движение мою жизнь. Стоило мне представить ее, прыгнувшей вниз, и мир вокруг давал опасный крен — в точности так, как другой, давней ночью.

Но позднее тем вечером, после допросов, в ведре на кухне нашли записку. Вероятно, она попала туда вместе с мусором, содержимым опустошенных шкафов, сваленным на столах, — его смахнула в ведро Лус в попытке навести хоть какое-то подобие порядка до прибытия в разгар ночи Гранта и Бьянки. Но, если знать Сэди, вероятнее всего, это был черновик, который она передумала оставлять — из-за приверженности фактам, недостижимой для слов.

Я не заметила никаких предостережений. Никакой причинно-следственной связи, которая привела Сэди к тому моменту. Но я знала, в какой стремительный штопор способно увлечь падение и какой далекой кажется со дна поверхность воды.

Я точно знала, на что способен Литтлпорт.

* * *

Теперь здесь, на утесах, я осталась одна.

И по-прежнему жила и работала в гостевом доме.

Внутри это строение с одной спальней было отделано как кукольный вариант большого дома — теми же стенными панелями и полами из темного дерева. Но стены здесь обступали теснее, потолки нависали ниже, оконные рамы были тоньше, так что по ночам дребезжали от ветра. Панораму океана частично заслоняли деревья.

Я сидела в гостиной за письменным столом и заканчивала последнюю бумажную работу перед сном. Ранее на этой неделе обстановке одного из домов, сдающихся в аренду, был нанесен ущерб — сломали телевизор с плоским экраном, который сильно потрескался и криво свисал с укрепленной на стене подставки, вдобавок разбилась вдребезги керамическая ваза, стоявшая под телевизором. Арендаторы уверяли, что это не они, утверждали, что кто-то проник в дом во время их отсутствия, хотя ничто из вещей не пропало и следов взлома не обнаружилось.

Я отправилась туда сразу же после того, как они в панике позвонили мне. Осмотрела место происшествия, пока они дрожащими руками указывали на нанесенный урон. Этот узкий, потрепанный стихиями дом, который мы называли «Конец тропы», стоял у окраины делового центра города, поблекшая обшивка стен и заросшая тропа к берегу лишь прибавляли ему шарма. Теперь же арендаторы указывали на неосвещенную тропу и удаленность от соседей как на недочеты в системе безопасности, потенциальные угрозы.

Они твердили, что перед уходом в тот день заперли дом. В этом они были уверены, подразумевая, что в случившемся каким-то образом виновата я. Неоднократного упоминания этого факта — «мы же заперли двери, мы всегда их запираем» — хватило мне, чтобы не поверить им. Или задуматься, не пытаются ли они таким способом замаскировать нечто более зловещее — вроде ссоры со швырянием вазы туда-сюда, пока она наконец не угодила прямоком в телевизор.

Что ж, так или иначе, ущерб нанесен. У компании недостаточно оснований, чтобы предъявить иск, тем более семье, которая приезжала сюда в августе на целый месяц последние три года. Что бы там ни произошло в этих стенах.

Прежде чем уйти в спальню, я потянулась на диване и пошарила в поисках пульта. У меня вошло в привычку засыпать при включенном

телевизоре. Под приглушенные голоса из соседней комнаты и негромкое дребезжание оконной рамы.

Я пережила достаточно потерь, чтобы знать, что горе со временем утрачивает остроту, но воспоминания лишь сжимают тиски. Воспроизводятся моменты.

Едва становилось тихо, я слышала только голос Сэди, зовущий меня по имени — так, как она сделала, когда вошла. В последний раз, когда я видела ее.

Иногда в моих воспоминаниях она медлит там, на пороге моей комнаты, словно ждет, когда я замечу нечто.

* * *

Меня разбудила тишина.

Было еще темно, но невнятный шум телевизора пропал. Только дребезжала оконная рама под порывом ветра, налетевшего со стороны океана. Я щелкнула кнопкой лампы на тумбочке у кровати, но ничего этим не добилась. Опять отключили электричество.

В последнее время такое случалось чаще, и всегда ночью, когда мне приходилось искать фонарик, чтобы включить предохранитель на щитке возле гаража. Вот она, расплата за жизнь в таком городе. Да, единственном в своем роде. Но слишком удаленном от мегаполисов и слишком уязвимым для окружения. Инфраструктура на побережье не поспевает за спросом, несмотря на все затраты. Многие держат резервные генераторы для зимы, на всякий случай; хорошего шторма достаточно, чтобы отрезать нас от благ цивилизации не меньше, чем на неделю. Другая крайность — летние отключения электроэнергии: народу становится слишком много, население увеличивается втрое. Все коммуникации едва справляются. Сети перегружены.

Но, насколько я могла судить, сегодняшнее отключение было локальным — только у меня. Пожалуй, стоило бы вызвать по этому поводу электрика.

Послушав завывания ветра снаружи, я чуть было не решила повременить до утра, вот только мобильник почти разрядился, а мне не нравилась мысль, что я останусь здесь совсем одна без электричества, да еще и без связи.

Ночь оказалась холоднее, чем я рассчитывала, и я, сжимая в руке фонарик, рысью направилась по тропе к гаражу. Металлическая дверца щитка была холодной на ощупь и слегка приоткрытой. Она запиралась, но я сама отжала язычок замка месяцем раньше, во время первого такого же отключения.

Я щелкнула общим тумблером и закрыла дверцу, на этот раз проверив, что замок защелкнулся.

Очередной порыв ветра налетел, когда я повернула к дому, и грохот двери, захлопнувшейся в ночи, заставил меня похолодеть. Звук донесся со стороны большого дома по другую сторону от гаража.

Я мысленно перебрала возможные объяснения: ветер опрокинул шезлонг у бассейна или подхватил какой-то мусор и швырнул его об стену дома. А может, я сама забыла об осторожности и оставила незапертой какую-то из задних дверей.

Сейф с запасными ключами прятался под каменным козырьком веранды. Набирая код непослушными пальцами, я дважды сбилась, прежде чем дверца наконец открылась.

Еще один порыв ветра, снова грохот, на этот раз ближе, скрип петель калитки, эхом разнесшийся в ночи, пока я взбегала по ступеням на веранду.

Неладное я заподозрила сразу же, едва вставила ключ в замок — он был уже отперт. Дверь скрипнула и открылась, я зашарила ладонью по стене у двери, отыскала выключатель, и прихожую залил свет потолочной люстры.

Тогда-то я и увидела ее — за прихожей и холлом, в глубине дома. Тень человека на фоне застекленных дверей патио, освещенных снаружи луной.

Ахнув, я попятилась, отступила назад, и как раз в этот момент он сделал шаг вперед.

Этот силуэт я узнала бы где угодно. Паркер Ломан.

Глава 2

— Господи! — Я продолжала водить ладонью по стене в поисках остальных выключателей. — Ты меня до смерти напугал. Что ты здесь делаешь?

— Это мой дом, — напомнил Паркер. — А что здесь делаешь *ты*?

К тому времени свет был включен повсюду. Во всем огромном пространстве нижнего этажа с его сводчатыми потолками и холлом, протянувшимся между Паркером и мной.

— Услышала шум, — и я подняла фонарик, словно в доказательство.

Паркер склонил голову набок знакомым движением, словно согласился с чем-то. У него отросли волосы, а может, он стал причесываться по-другому. Но благодаря этому очертания его лица смягчились, скулы слегка сгладились, и, когда он обернулся, на секунду я увидела в нем отражение Сэди.

Он сменил позу, и Сэди исчезла.

— Не ожидал, что ты все еще здесь, — сказал он. Как будто весь прошлый год их местный бизнес работал исключительно по инерции. Я чуть было не ответила: «Где же мне еще быть?» Но тут он усмехнулся, и я сообразила, что, должно быть, мое появление без стука стало для него нешуточной встряской.

Вообще-то я уже не раз собиралась уйти. И не только из бизнеса, но и покинуть город. Я пришла к убеждению, что в самой его сердцевине скрыта некая отравка, которой, по-видимому, никто не замечает. Но я не просто занималась бизнесом, не просто работала — я строила здесь свою жизнь. И была слишком крепко привязана к этому месту.

И все же порой мне казалось, что пребывание здесь — не что иное, как испытание на выносливость, граничащее с мазохизмом. Я даже не знала уже, что именно пытаюсь этим доказать.

Мое сердце немного успокоилось.

— Я не заметила машину, — сказала я, оглядываясь по сторонам и отмечая перемены: две кожаные сумки у подножия широкой лестницы, связку ключей на столике у входной двери, откупоренную бутылку на

гранитном кухонном островке, кружку рядом с ней и самого Паркера в рубашке с закатанными рукавами и расстегнутой верхней пуговицей, словно он только что вернулся с работы, а не был застигнут в пустом доме среди ночи.

— Она в гараже. Я только этим вечером приехал.

Я прокашлялась и кивнула в сторону сумок.

— А Лус здесь?

Упоминаний о ней я уже давно не слышала, но наши разговоры с Грантом сводились к бизнесу, а в отсутствие Сэди некому было посвятить меня в подробности личной жизни Ломанов. Всплывающие слухи ничего не значили. Я сама нередко становилась предметом безосновательных сплетен.

Паркер встал у кухонного стола-островка так, что теперь его обширная поверхность разделяла нас, взял кружку и сделал большой глоток.

— Только я. Мы взяли паузу, — сообщил он.

«Взяли паузу». Именно так выразилась бы и Сэди — неопределенно, оптимистично и словно речь шла о чем-то несущественном. Но его пальцы, сжавшиеся на кружке, и взгляд, который он отводил, сказали мне об обратном.

— Ну что ж, проходи. Выпьем вместе, Эйвери.

— Мне завтра с самого утра надо на объект, — сказала я, но наткнулась на его ответный взгляд и осеклась. Он ухмыльнулся, достал вторую кружку и плеснул в нее.

По выражению лица Паркера было ясно: ему в точности известно, кто я, и притворяться бессмысленно. Не важно, что в настоящее время я присматриваю за всей недвижимостью его семьи в Литтлпорте. Шести летних сезонов достаточно, чтобы неплохо изучить чей-либо характер.

А я знала его гораздо дольше. Так обстояло дело для тех, кто вырос здесь: среди Рэндолфов из Хоукс-Риджа; Шоров, которые перестроили старинный постоялый двор на углу городской площади, затем принялись заводить романы на стороне и теперь делили свой просторный участок, как ребенка при разводе, никогда не появляясь там одновременно; и Ломанов, которые сначала поселились высоко на утесах, откуда был виден весь Литтлпорт, а затем стали расширяться, пускать ростки по всему городу, пока их фамилия не превратилась в

синоним летнего отдыха. Дома, сдающиеся в аренду, семья, вечеринки. Некие перспективы.

Местные жители прозвали главную резиденцию Ломанов «Брейкерс»^[2] — завуалированный выпад, благодаря которому некогда объединились все мы, остальные. Отчасти это была отсылка к расположению дома возле Брейкер-Бич, отчасти — намек на особняк Вандербильтов в Ньюпорте и уровень обеспеченности, о котором Ломаны и мечтать не могли. На этот счет всегда прохаживались шепотом — в соль шутки были посвящены все, кроме ее героев.

Паркер пустил вторую кружку скользить ко мне по поверхности стола, ее содержимое плеснулось через край. Так бездумно он вел себя лишь в тех случаях, когда был уже близок к тому, чтобы напиться в стельку. Я рассеянно повертела кружку туда-сюда по столу.

Он вздохнул и обернулся, окидывая взглядом гостиную.

— Боже, это место... — произнес он, и я поднесла кружку к губам. Потому что не видела Паркера одиннадцать месяцев, потому что поняла, что он имеет в виду: это место, этот дом. Теперь. Без Сэди. Увеличенный снимок их семьи, сделанный несколько лет назад, все так же висел над диваном. Все четверо улыбались, одетые во все бежевое и белое, а на дальнем плане виднелись не в фокусе дюны Брейкер-Бич. Точно так же, как и Паркер, я видела эти «до» и «после».

Он поднял кружку и чокнулся с моей так лихо, что сразу стало ясно — для него это далеко не первая порция: на случай, если я этого еще не поняла.

— Вот-вот, — нахмурился он. Так всегда говорила Сэди, когда мы готовились к поединку. Стопки в ряд, пей подряд, — *вот-вот*. Подкреплялись, двигаясь она в одну сторону, а я — в другую. Опрокидывались стопки, содержимое обжигало мне горло, горели губы.

При первом глотке я прикрыла глаза, ощущая расслабление и тепло.

— Ну-ну, — тихонько отозвалась я по привычке.

— М-да... — Паркер налил себе еще полкружки. — Вот так вот.

Я села на табурет рядом с ним, обхватив ладонями свою кружку.

— Надолго ты сюда? — спросила я и задумалась, неужели это из-за Лус. Неужели они жили вместе, а теперь ему понадобилось куда-нибудь сбежать.

— До церемонии открытия.

Я сделала еще глоток — размером больше, чем собиралась. Словно уворачивалась от мыслей о предстоящей дани памяти Сэди. Предполагался памятник в виде бронзового колокола, который не звонит, у входа на Брейкер-Бич. «Дабы все души нашли дорогу домой», — должна была гласить высеченная вручную надпись. Ее выбрали голосованием...

В Литтлпорте полным-полно памятников, и я давно пресытилась ими. Скамьи вдоль пешеходных дорожек, статуи рыбаков перед мэрией — мы были отданы в услужение не только отдыхающим, но и усопшим. Моему отцу достался класс в начальной школе. Маме — стена в галерее на Харбор-драйв. Золоченая табличка в обмен на утрату.

Я поерзала на своем месте.

— Твои родители приедут?

Он покачал головой.

— Отец занят. Страшно занят. А Би... пожалуй, для нее эта мысль была бы далеко не самая удачная.

А я и забыла, что Паркер и Сэди называли Бьянку «Би», но только за глаза, а в ее присутствии — никогда. И всегда отстраненно, словно их разделяло огромное расстояние. Я считала это эксцентричностью, свойственной богатым. Бог свидетель, за годы я подметила за ними немало таких причуд.

— Ну, как жизнь, Паркер?

Он повернулся на табурете ко мне. Будто только что сообразил, что я здесь и кто я. Окинул взглядом мое лицо.

— Не очень. — Он обмяк на своем месте. Я знала, что откровенным его сделало спиртное.

Сэди была моей лучшей подругой с того самого лета, как мы познакомились. Ее родители чуть ли не удочерили меня — оплачивали мою учебу, пообещали работу, если я докажу, что достойна ее. Я жила и работала у них в гостевом доме несколько лет подряд, с тех пор как Грант Ломан купил дом моей бабушки. И за все то время, пока мы существовали в одной плоскости, Паркер редко высказывал хоть сколько-нибудь глубокие замечания.

Он дотянулся до свисающей пряди моих волос, легонько дернул за нее и отпустил.

— У тебя волосы изменились.

— А-а. — Я провела ладонью сбоку по голове, приглаживая волосы. Вид моей прически изменился не в результате активных действий, а скорее как следствие движения по пути наименьшего сопротивления. Я выждала год, пока отрастет мелирование и волосы снова станут темно-каштановыми, а затем обрезала их по плечи, сохранив косой пробор. Вот в чем отличие отношений с людьми, с которыми видишься только летом: в переменах нет никакой постепенности. Мы росли скачками. Менялись внезапно.

— Ты выглядишь старше, — и он сразу же добавил: — Ничего плохого в этом нет.

Я почувствовала, как теплеют мои щеки, и поспешила поднести кружку ко рту, чтобы скрыть румянец. Все дело было в спиртном, и в ностальгии, и в этом доме. Как будто все и всегда на грани взрыва. *Летний психоз*, называл это состояние Коннор. И название прикилось без каких-либо стараний с его стороны.

— Мы *и правда* старше, — ответила я, вызвав у Паркера улыбку.

— Может, тогда перейдем в гостиную? — спросил он, а я так и не поняла, над кем он потешается — над собой или надо мной.

— Сбегаю только в ванную, — сказала я. Мне требовалось время. Паркер умел смотреть так, что казалось, будто ты единственное, что в мире достойно внимания. До Лус я видела, как он прибегал к этому взгляду десятки раз с десятком других девчонок. Не хочу сказать, что я о нем никогда не задумывалась.

Я прошла через холл и скрылась за боковой дверью. В этой ванной комнате ничем не закрытое окно, обращенное к океану, находилось прямо над унитазом. Все окна в доме, откуда открывался вид на воду, оставались незашторенными. Будто в противном случае о присутствии океана можно было забыть. Песок и соль, казалось, проникают здесь повсюду — набиваются в зазор между бордюром и проезжей частью, вызывают ржавение машин, непрерывно атакуют деревянные фасады магазинов вдоль Харбор-драйв. Проведя пальцами по волосам, я уловила соленый запах ветра.

Пока я плескала в лицо водой, мне показалось, что под дверью прошла тень. Я закрыла воду и уставилась на дверную ручку, затаив дыхание, но ничего не произошло.

Просто померещилось. Всплыла надежда из давней памяти.

В этом заключалась странность дома Ломанов: ни на одной внутренней двери не было замка. Я так и не поняла, то ли это конструкторский просчет — выбор в пользу гладких круглых ручек в старинном стиле, — то ли он предназначался для того, чтобы подчеркивать элитарность. Для того чтобы перед закрытой дверью всегда приходилось делать паузу, чтобы постучать. И напоминал о неких ограничениях, свидетельствовал, что здесь невозможны секреты.

Так или иначе, по этой причине я познакомилась с Сэди Ломан. Здесь, в этой самой комнате.

* * *

До этого мне уже случалось видеть ее. Шло лето после выпускного, минуло почти шесть месяцев со смерти моей бабушки. Ледяная дорожка, сотрясение мозга, а затем инсульт, в результате которого я осталась последней из Гриров в Литтлпорте.

Меня, необузданную и опасную, пронесло рикошетом через всю зиму. Я доучилась благодаря щедрости клиенток, записывающихся на макияж, и особым обстоятельствам. Становилась поочередно и в равной степени непредсказуемой, и ненадежной. И все же находились такие люди, как Ивлин, соседка моей бабушки, которые время от времени подкидывали мне мелкую работу и следили, чтобы я кое-как перебивалась.

Но тем чаще и ближе я сталкивалась с тем, чего не имела.

Вот она, беда таких мест, как это: все происходит у всех на виду, в том числе и жизнь, которой тебе никогда не видать.

Старайся свести концы с концами, держи все под контролем — и сможешь открыть на набережной лавчонку и продавать мыло ручной работы или же организовать банкетную службу на кухне местного отеля. Можешь зарабатывать себе на жизнь или на подобие жизни вдали от берега, в море, если достаточно любишь его. Можешь продавать мороженое или кофе от магазина, который функционирует в основном четыре месяца в году, и благодаря этому продержишься. Можешь иметь мечту, если готова пожертвовать чем-нибудь ради нее.

Ровно до тех пор, пока остаешься невидимой, как и было задумано.

* * *

Ивлин наняла меня на вечеринку «Здравствуй, лето!» к Ломанам. Я переоделась в форму — черные брюки, белая рубашка, волосы собрала в хвост на затылке. Она предназначалась для того, чтобы не выделяться, оставаться незаметной. Когда я сидела на опущенной крышке унитаза и обматывала основание ладони туалетной бумагой, мысленно чертыхаясь и пытаюсь остановить кровь, дверь открылась и бесшумно закрылась вновь. Сэди Ломан застыла лицом к двери, прижав к ней ладони и наклонив голову.

Когда встречаешь человека, который прячется в ванной, сразу же понимаешь о нем кое-что.

Я прокашлялась и резко встала.

— Извините, я просто... — и я попыталась обойти ее по широкой дуге, прижимаясь к стене и стараясь оставаться невидимой и невзрачной.

Она даже не попыталась разглядывать меня не так оценивающе.

— Я не знала, что здесь кто-то есть, — произнесла она. Никаких извинений, потому что Сэди Ломан ни перед кем и не должна извиняться. Она ведь у себя дома.

Розовый румянец пополз вверх по ее шее — эту реакцию мне предстояло досконально изучить в дальнейшем. Как будто это я ее застукала. *Проклятие светлой кожи*, объясняла она позднее. Как и бледные веснушки на переносице, которые молодили ее, поэтому ей приходилось чем-нибудь компенсировать излишне юный вид.

— С тобой все хорошо? — спросила она, нахмурившись и глядя, как кровь пропитывает туалетную бумагу на моей кисти.

— Ага, просто порезалась. — Я прижала бумагу к ранке, но это не помогало. — А с тобой?

— Да так, сама понимаешь, — неопределенно отозвалась она, помахав рукой. Но я не понимала. Тогда еще нет. Только потом разобралась, что значит этот небрежный жест — *все эти Ломаны*.

Она протянула руку к моей руке, подзывая меня к себе, и мне не оставалось ничего другого, кроме как подчиниться. Размотав бумагу, она наклонилась и поджала губы.

— Надеюсь, у тебя сделана прививка от столбняка, — сказала она. — Первый признак — спазм челюстей, — она сжала челюсти, клацнув зубами. — Жар. Головные боли. Мышечные спазмы. До тех пор, пока не потеряешь способность глотать или дышать. Далеко не самая быстрая смерть — вот о чем я. — Она подняла на меня взгляд ореховых глаз. Стояла она так близко, что я видела стрелки, наведенные под ее глазами, и легкую неровность там, где дрогнул ее палец.

— Это я ножом, — объяснила я, — на кухне.

А не грязным гвоздем. Я считала, что от таких ран бывает столбняк.

— А, вот как, ну все равно. Будь осторожна. Любая инфекция, попадающая в кровь, может привести к сепсису. И если уж речь об этом, тоже удовольствие так себе.

Я так и не поняла, всерьез она говорит или шутит. Но криво улыбнулась, и она тоже.

— Изучаешь медицину? — спросила я.

Она издала короткий смешок.

— Финансы. По крайней мере, таков план. Увлекательно, правда? А разные способы умереть — просто личный интерес.

В то время она еще не знала о моих родителях и о том, насколько быстро или медленно они умерли. Еще не представляла, как часто я думала об этом, потому я и простила ей легкомысленность, с которой она обсуждала смерть. Но на самом деле было в этом что-то почти лестное: незнакомый мне человек, не моргнув глазом сыплющий шутками о смерти в разговоре со мной.

— Шучу, — пояснила она, водя моей рукой над раковиной, под струей холодной воды, приглушающей жжение. У меня в животе все сжалось от смутного воспоминания, которое я не смогла уловить, — внезапного приступа тоски. — Это мое самое любимое место в мире. Ничему плохому не позволено случаться здесь. Я запретила. — Она порылась в нижнем ящике шкафчика и достала бинт. Под раковиной обнаружился целый арсенал мазей, перевязочного материала, швейных наборов и средств для ванной.

— Ого, ты подготовилась к чему угодно, — не удержалась я.

— Кроме вуайеристов, — она кивнула в сторону незашторенного окна и коротко улыбнулась. — Повезло тебе, — заметила она, расправляя бинт. — Чудом вену не задела.

— Ой, у тебя кровь на свитере, — ахнула я, ужаснувшись тому, что нечто принадлежавшее мне запятнало ее. Идеальный свитер поверх идеального платья в этот идеальный летний вечер. Поводя плечами, она стащила свитер, скомкала его и швырнула в фарфоровое ведро. Наверняка стоившее больше, чем мне платили за целый день работы.

Она улизнула так же бесшумно, как вошла, а я осталась в ванной. Случайная встреча, решила я.

Но это было лишь начало. Благодаря неловкому движению ножа мне открылся целый мир. Мир недостижимого.

* * *

И вот теперь, мельком взглянув на себя в то же зеркало и поплескав в лицо водой, чтобы охладить щеки, я почти слышала ее приглушенный смех. Видела взгляд, каким она одарила бы меня, узнав, что ее брат и я пьем одни в этом доме среди ночи. Я уставилась на свое отражение, на запавшие глаза, и вспоминала. «Не делай этого, не надо», — для пущей уверенности громко прошептала я. Сам акт произнесения этих слов призывал меня к ответу, содержал нечто, находящееся во мне.

Иногда помогало представлять, как те же слова выговаривает Сэди. Словно колокольчик звенит у меня в груди, не давая свернуть с пути.

* * *

Паркер растянулся на диване под старинным семейным портретом, рассеянно глядя через незашторенные окна в темноту. Я засомневалась в том, что правильно поступила, оставив его на время.

И решила впредь действовать осторожнее. Выискивать то, что скрыто в глубине слова или жеста.

— Допивать ты же ведь не будешь, — сказал он, по-прежнему уставившись в окно.

Дождевая капля ударила в стекло, затем вторая, вдали от берега вспыхнул зигзаг молнии.

— Мне надо вернуться, пока не началась гроза, — объяснила я, но он отмахнулся.

— Не верится, что у них снова вечеринка. — До него это как будто лишь сейчас дошло. — Церемония открытия памятника, а затем — «плюс одна». — Он сделал глоток. — Типичное явление для этих мест. — Он наконец повернулся ко мне. — Ты идешь?

— Нет, — ответила я, как будто это было мое решение. Не могла же я сказать ему, что в этом году я вообще не в курсе насчет вечеринки «плюс одна» — будет ли она, и если да, то где. До конца сезона оставалось еще недель пять, а о вечеринке — ни слуху ни духу. А Паркер не успел пробыть здесь и пары часов и уже все знал.

Он сразу же кивнул. С точки зрения Ломанов, правильный ответ был возможен всегда. Я быстро убедилась, что вопросы они задают не для того, чтобы выяснить твоё мнение, а чтобы оценить тебя.

Я сполоснула свою кружку, продолжая держать дистанцию.

— Если ты остаешься, я вызову уборщиков.

— Эйвери, подожди, — попросил он, но я не стала ждать, когда он продолжит.

— Выспись, Паркер.

Он вздохнул.

— Пойдем завтра со мной.

Я застыла, держась за гранитный кухонный стол.

— Пойти с тобой — куда?

— На эту встречу с комитетом по поводу церемонии открытия. — Он нахмурился. — Ради Сэди. У них обед на Бэй-стрит. Мне бы не помешало там присутствие друга.

Друга. Можно подумать, мы дружили.

И тем не менее.

— Ладно, — сказала я, впервые за почти год ощущая знакомые признаки лета. Бэй-стрит показалась мне выбором Паркера, а не комитета. Там у Ломанов имелся постоянный столик, хотя, строго

говоря, на Бэй-стрит отсутствовала система бронирования. Как будто он решил своим поступком напомнить остальным, где их место, а где его.

Я думала, шансы пятьдесят на пятьдесят, что утром он об этом разговоре даже не вспомнит. Или пожалеет о приглашении и сделает вид, что его не было.

Но если я чему-то и научилась от Ломанов, то по крайней мере одному: в счет идут даже те обещания, которые были даны в неясном уме. Беспечное «да» — и ты связан им.

* * *

Снаружи, в темноте, слышался ровный стук дождевых капель, стекающих в водосточные желоба. Я втянула голову в плечи, готовясь вымокнуть. Но вдруг в луче фонарика увидела причину, которая привела меня сюда с самого начала. Мусорный бак, задвинутый в нишу возле входной двери, опрокинулся, открывая взгляду его содержимое. Высокая белая решетчатая калитка, за которой он находился, теперь была открыта и хлопала на ветру.

Замерев, я провела лучом фонарика вдоль деревьев, по стене гаража. Снова налетел ветер с дождем, и калитка еще раз скрипнула и ударилась о боковую стену дома.

Стало быть, ветер.

Запру ее утром. Небо разверзлось. Грянула гроза.

Глава 3

На следующее утро телефон зазвонил, как раз когда я выплывала из глубин сна. Давно знакомого сна: с ощущением качки на волнах, полной неустойчивости, будто я очутилась внутри одной из маминих картин — застряла среди мечущихся волн у пристани, глядя в сторону берега.

Когда я открыла глаза, комната закружилась перед ними, екнуло в животе. Спиртное среди ночи и недосып. Я пошарила рукой в поисках телефона, взглянула на часы — ровно восемь. Звонили с незнакомого номера.

— Алло? — Я постаралась, чтобы голос прозвучал бодро, словно и не спала, но по-прежнему смотрела только в потолок, пытаюсь прийти в себя.

— Мисс Грир?

Прежде чем ответить, я села в постели. Обращение «мисс Грир» означало деловой звонок Ломанов, людей того типа, которые ожидали, что в этот час я сижу за письменным столом, а не в постели, скрестив ноги по-турецки, и дышу, распространяя вокруг перегар виски.

— Да. Кто говорит? — откликнулась я.

— Кевин Доналдсон, — сказал мой собеседник. — Из «Голубой мухоловки». Тут кое-что случилось. Кто-то побывал здесь.

— Что, простите? Кто побывал? — спросила я, пытаюсь вспомнить, на какое время вызывала уборщиков и не лопухнулась ли с датой выселения Доналдсонов. Такие люди, как они, не любят, когда кто-то приходит без предупреждения за время их отсутствия, даже если этот «кто-то» — я. Потому они и остановились в одном из наших домов, а не в мини-отеле и не в люксе обычного отеля. Я поспешила к своему письменному столу, задвинутому в угол гостиной, и открывала папки, сложенные стопкой рядом с ноутбуком, пока не нашла нужный дом.

С договором аренды в руке я выслушала его ответ:

— Мы вернулись в дом поздно, около полуночи. Кто-то явно рылся в наших вещах. Но ничего не пропало.

Я пробежалась по списку лиц, имеющих ключ от дома. Чтобы выяснить, нет ли новых сотрудников у поставщиков услуг, к которым мы обращались. Понять, кому звонить, на кого сделать ставку.

— Мне очень жаль слышать это, — произнесла я в трубку.

Моим следующим вопросом должен был стать: «Вы не оставляли незапертыми двери или окна?» Но тогда получилось бы, что я виню самих Доналдсонов, а этого я не хотела, тем более что все имущество осталось при них. И все же полезно было бы узнать подробности.

— А в полицию вы звонили? — спросила я.

— Конечно. Вчера ночью. Сначала пытались дозвониться до вас, но вы не отвечали.

Разумеется. Они, должно быть, названивали мне прошлой ночью, пока я находилась в большом доме с Паркером.

— Из полиции приезжали, взяли у нас показания и быстро провели осмотр.

Я закрыла глаза и сделала медленный вдох и выдох. Правила предписывали сначала созваниваться с Грантом Ломаном, а уж потом обращаться к копам. Заявление в полицию от арендаторов на пользу бизнесу не идет.

— Послушайте, — продолжал он, — не важно, что ничего не пропало. Ясно же, что это в любом случае нервирует. Сегодня утром мы съезжаем и хотим возмещения за остаток срока проживания. За три дня.

— Да, понимаю. — Я прижала пальцы к виску. Хотя до окончания срока по их договору оставалось лишь два дня. Я по опыту знала, что в сфере услуг скандалы по такому поводу не затевают. — Могу отправить чек по почте к нынешнему полудню.

— Нет, мы хотели бы забрать его до отъезда, — судя по его тону, это не обсуждалось. С такими людьми я уже сталкивалась. Половина моей работы заключалась в умении вовремя прикусить язык. — Остаток недели мы проведем в мини-отеле «Мыс», — продолжал он. — Где находится ваш офис?

Мой офис находился там же, где и я, и я не желала, чтобы кто-нибудь являлся по делу на территорию Ломанов. Вопросы с бумагами и финансами мы решали преимущественно в Сети, для всех прочих дел мне служила почтовая ячейка.

— Я лично привезу чек в «Мыс» сегодня, но попозже. Он будет ждать вас у администратора еще до окончания рабочего дня.

* * *

Я отправила Паркеру эсэмэску, чтобы составить план дел на день, но мое сообщение было помечено как недоставленное.

Сегодня я заспалась, однако объезд объектов начинался не раньше десяти. Мне еще могло хватить времени на утреннюю пробежку, пусть даже короткую. А Паркера я решила провести на обратном пути.

* * *

О вчерашней грозе напоминала только пружинистая податливость сырой земли под моими ногами. Утро выдалось свежим и солнечным, как на открытках с видами Литтлпорта из магазинов в центре. Эти дни, будто специально созданные для туристов, и держали нас на плаву: живописные, своеобразные, оберегаемые неукротимой природой, и в свою очередь, защищающие ее.

Сказать по правде, здешние места дики, суровы и подвержены крайностям. От норд-остов, способных запросто набросать снега со льдом в фут толщиной и оборвать половину кабелей, — до летнего затишья с птичьими криками и колокольным звоном бакена, отбивающего ритм в море. От валов с высокими гребнями, способных сорвать яхту с причала, — до мелких волн, лижущих пальцы ног на песчаном пляже. От оживленного многолюдья до полного одиночества. От пороховой бочки до города-призрака.

Пройдя мимо гаража, я заметила, что мусорный бак поднят, калитка заперта. Видимо, Паркер уже встал и выходил, ночной недосып и спиртное никак не отразились на нем.

Едва я поставила ногу на первую ступеньку крыльца, входная дверь распахнулась. Паркер резко затормозил, удивленно и пристально уставившись на меня.

Таким же взглядом он одарил меня при первой встрече. Я сидела по-турецки на светлом покрывале в комнате Сэди, а сама она красила

ногти нам обеим лиловым переливчатым лаком, рискованно пристроив пузырек на своем колене между нами, и за ее спиной и застекленными дверями балкона не было ничего, кроме неба и моря, голубого над голубым вплоть до плавного изгиба линии горизонта.

Ее рука зависла в воздухе, когда в коридоре послышались шаги, она подняла голову как раз в тот момент, когда Паркер вошел. В то время ему было девятнадцать, на год больше, чем нам, он только что отучился первый год в колледже. Что-то остановило его, не успел он шагнуть через порог. Он посмотрел на меня, потом на Сэди, и у него дрогнул краешек рта.

— Отец ищет тебя, — сообщил он.

— Значит, плохо ищет. — Она снова занялась ногтями, но он не уходил. Стрельнул в меня глазами и сразу отвел их, будто не желал, чтобы кто-нибудь заметил, что он на меня смотрит.

Сэди раздраженно вздохнула.

— Это Эйвери. Эйвери, это мой брат Паркер.

Он был босиком, в поношенных джинсах и футболке с рекламой бесплатных объявлений. Такой непохожий на свой тщательный постановочный снимок, висящий внизу. Бледный шрам рассекал край его левой брови. Я помахала рукой, он сделал то же самое. Затем шагнул обратно в коридор и продолжил путь по нему.

Я смотрела в опустевший коридор, когда в тишине прозвучал голос Сэди:

— Не надо.

— Что?

Она покачала головой.

— Просто не надо.

— Я и не собиралась.

Она завинтила крышку пузырька с лаком и легонько подула на свои ногти.

— Серьезно. Ничем хорошим это не кончится.

Таким тоном, будто от этого зависело все, что только могло последовать. Ее внимание, ее дружба, этот мир.

— Я же сказала, что не собиралась. — Я не привыкла к тому, чтобы мной командовали и распоряжались. С тех пор как мне исполнилось четырнадцать, нашу семью составляли лишь я и моя бабушка, а к тому времени ее уже полгода как не было в живых.

Сэди медленно моргнула.
— Все так говорят.

* * *

За годы, прошедшие с тех пор, Паркер Ломан раздался в плечах, стал более собранным и уверенным в себе. Теперь он не стал бы мяться на пороге. Но я вскинула руку точно тем жестом, как тогда, и он повторил его.

— Привет. Я пыталась сначала эсэмэснуть тебе.

Он кивнул и продолжил спускаться.

— У меня номер сменился. Вот, — он протянул руку за моим телефоном и поменял свои контакты. Я задумалась, неужели он сменил номер из-за Лус. Или из-за Сэди. Названивали ли ему люди — друзья с соболезнованиями, журналисты в поисках сюжетов, давние знакомые, только что узнавшие о трагедии. Понадобилось ли ему проредить свои контакты, сжался ли его мир до размеров булавочной головки и теперь разрастался заново — так, как когда-то было со мной.

— В какое время обед? — спросила я.

— Назначен на половину второго. Я уже внес тебя в список. Хочешь, поедем на машине вместе?

Я опешила: он не просто вспомнил о приглашении, но и не забыл внести меня в список.

— У меня есть кое-какие дела, лучше я сама подъеду.

— Ладно, там и увидимся. — Он сделал несколько шагов в сторону гаража. — Съезжу за покупками. В доме шаром покати. Если не считать виски. — Он ухмыльнулся. — Может, сделать еще что-нибудь заодно?

А я и забыла, каким обаятельным он умеет быть, каким обезоруживающим.

— Нет, — ответила я. — Ничего не надо.

— Ну что ж, — ответил он, продолжая улыбаться, — тогда отпускаю тебя на эту твою раннюю встречу.

* * *

Я следовала знакомым путем. Вниз по Лэндинг-лейн, размять при этом ноги. Затем до окраины делового центра, повернуть обратно и под конец выйти на Брейкер-Бич.

Раньше август в Литтлпорте был излюбленным временем года для меня — в обоих мирах. Витало в воздухе нечто особое, слышался гул, город пребывал в постоянном движении. Он был назван в честь семейства Литтл, но все здесь, как местные жители, так и приезжие, воспринимали это название как миссию. В городском центре все должно было оставаться миниатюрным: маленькие деревянные вывески с выписанными вручную буквами, низкие маркизы, узкие доски. Летом отдыхающие сидели за маленькими, как в бистро, столиками на верандах, откуда открывался вид на океан, пили из маленьких узких бокалов и говорили вполголоса. С потолочных балок свешивались маленькие лампочки, будто все мы говорили друг другу: *здесь всегда праздник.*

Это был спектакль, мы все играли.

Стоило только сделать шаг за пределы городского центра, и этой игре приходил конец. Летние домики в два-три этажа возвышались над идеально озелененными дворами, взбираясь все выше по склонам прибрежных гор. Тянулись обложенные камнем подъездные дорожки, дома окружали широкие веранды, панорамные окна отражали небо и море. Прекрасная, великолепная монструозность.

Я выросла ближе к материковой окраине города, в одноэтажном доме с тремя спальнями и одной комнатой, превращенной в мамину мастерскую. Она ободрала с пола ковровин, сняла дверцы стенных шкафов, заставила полки рядами красок и красителей. Комнаты были выкрашены в яркие цвета — все, кроме этой, словно ей требовалась блеклая и нейтральная палитра, чтобы вообразить нечто большее.

Единственным, что мы в то время видели из окна, были деревья, а за ними — катер на подъездной дорожке у Харлоу. Мы с Коннором бегали наперегонки по тропе за нашими домами, пугали пешеходов, лавируя между ними и внезапно тормозя.

Бабушкино бунгало, где я провела подростковые годы, располагалось в более старом районе, у набережной. Привычные мне запахи скипидара и краски сменились там сладким ароматом шиповника по периметру двора за домом, с примесью соленого ветра. Предки нынешних жителей района Стоун-Холлоу поселились в нем

несколько поколений назад, заявили свои права на эти земли еще до повышения цен и теперь цепко держались за них.

Я знала этот город во всех его ипостасях, чуть ли не целую жизнь провела в каждом из его районов. И одно время всецело верила в его волшебство.

Добежав до песчаной полосы Брейкер-Бич, я остановилась. Уперлась ладонями в колени, переводя дыхание, и увязла кроссовками в песке. Позднее днем здесь соберутся отдыхающие, впитывая солнце. Дети будут строить замки из песка или удирать от прибоя — вода слишком холодна даже в разгар лета.

А пока здесь не было никого, кроме меня.

Песок еще не успел высохнуть после ночной грозы, и я видела единственную цепочку следов — она тянулась через весь пляж и заканчивалась у самой парковки. Я направилась по песку к утесам и каменным ступеням, высеченным в стене одного из них. Там следы резко обрывались, словно кто-то спустился этим путем с другой стороны, выйдя из дома.

Я остановилась, касаясь ладонью холодных камней и чувствуя, как нарастает озноб. Смотрела на дюны позади меня и представляла, что там кто-то есть. Следы были свежими, еще не смытыми подкрадывающимся прибоем. Опять у меня возникло чувство, что я здесь не одна.

Отключение электричества прошлой ночью, шум в темноте, следы этим утром.

Я отогнала от себя эти мысли — вечно я забегала на три шага дальше, чем следовало, пыталась восстановить события прошлого и сделать предположение на будущее, чтобы на этот раз предвидеть, что меня ждет. Привычка, сохранившаяся с тех времен, когда я могла рассчитывать только на себя и на то, в чем не сомневалась.

Наверное, это Паркер спозаранку выходил на пробежку. Звонок насчет второго вторжения в дом застал меня врасплох. В памяти еще был свеж зыбкий сон о море, напоминание о том, как мама шептала мне на ухо, пока работала, убеждала меня *вглядеться*, рассказать, что я вижу, хоть увиденное всегда казалось мне одинаковым.

Это место и все, что здесь произошло, неизменно побуждало меня искать что-то такое, чего вообще не существовало.

Именно здесь нашли Сэди. В 22:45 в полицию поступил звонок от мужчины, который в тот вечер выгуливал здесь собаку. От местного жителя, который знал, как выглядят эти места. И заметил в тени кое-что — голубой отсвет в лунном свете.

Ее ногу, застрявшую в камнях и показавшуюся во время отлива. Отступая, океан забыл забрать ее с собой.

Глава 4

Поездка на Бэй-стрит означала, что придется приложить максимум стараний к собственной внешности и при этом выглядеть так, будто никаких стараний тебе это не стоило. Я порылась в шкафу, среди моих собственных вещей и обносков Сэди, представляя, как Сэди вытаскивала бы наряды из него наугад, прикладывала ко мне, касалась пальцами моих ключиц, вертела меня туда-сюда и решала.

В конце каждого сезона отдыха она оставляла мне несколько платьев, или рубашек, или сумок. Сваливала их кучей на мою кровать. Большинство оказывались слишком тесными или короткими, хотя она объявляла, что они сидят идеально, но именно они не давали мне по-настоящему слиться с ее кругом общения. В этом мире потомственной финансовой аристократии было не принято что-либо демонстрировать, выставлять напоказ. Одежда не имела значения — в отличие от деталей и умения носить ее, а я так и не научилась делать это как полагается.

А она, даже когда была одета в точности как я, приковывала к себе внимание.

* * *

Она вспомнила обо мне в следующие выходные, после того как застала меня у них в ванной. Ночью на Брейкер-Бич сложили костер, пара машин укрылась за дюнами, все мы, остальные, прибыли пешком. Сумки-холодильники с яхт загрузили дешевым пивом. Спички поднесли к трухлявым корягам, выброшенным волнами на берег.

Наступившая тишина заставила меня обернуться, и я увидела ее. Ее присутствие я скорее ощутила, чем услышала.

— Приветствую, — произнесла она, словно только и ждала, когда я замечу ее.

Вокруг костра мы собрались целой толпой, но она обращалась только ко мне. Она оказалась ниже ростом, чем мне запомнилось, —

может, просто потому, что была босиком. Шлепанцы она несла в левой руке; края ее свободных джинсовых шортов обтрепались, толстовка с капюшоном была застегнута на молнию от ночной прохлады.

— Значит, нет столбняка? И сепсиса тоже? Ого, да я сила.

Я показала ей руку.

— Похоже, я буду жить.

Она расплылась в широкой улыбке, сверкнув ровными белыми зубами под луной. Отблеск костра дрожал на ее лице, как тени.

— Сэди Ломан, — представилась она, протягивая руку.

Я чуть не рассмеялась.

— Знаю. А я Эйвери.

Она огляделась и понизила голос:

— Я была у себя во дворе за домом, увидела дым, и мне стало любопытно. На такие сборища меня никогда не приглашали.

— В сущности, ты ничего не потеряла, — заверила я, но покривила душой. Эти ночи на пляже означали для нас свободу. Способ претендовать на что-либо. Я рисовалась по привычке, но сразу же пожалела об этом. Все праздновали — окончание учебы, новую жизнь, — и я впервые задумалась, что я здесь делаю. Что привело меня сюда и теперь удерживало здесь. За пределами этого города начинались неизведанные и бескрайние дебри, но для такого человека, как я, «где угодно» могло с таким же успехом означать «нигде».

Мой отец вырос в Литтлпорте; после окончания местного колледжа он вернулся сюда с учительским дипломом, заранее зная, что так и поступит. Моя мать очутилась здесь по чистой случайности. Рулила по побережью, завалив заднее сиденье бэушной машины вещами и припасами — всем скарбом, какой только имелся у нее в этом мире.

Она говорила, что-то в этом месте заставило ее остановиться. Что ее притянуло нечто такое, от чего она не могла отказаться, за чем она гналась. Нечто, которое я позднее видела на множестве набросков в ее мастерской, сложенных на полки. Видела у нее на лице, пока она работала, меняла ракурс, точку обзора и снова вглядывалась. Будто был некий неосязаемый элемент, который она никак не могла уловить.

Красота ее законченных работ заключалась в том, что зритель видел не только изображение, но и ее намерение. Это ощущение чего-

то недостающего и притягивало, заставляло подойти ближе в надежде, что удастся обнаружить его.

Но в том-то и состояла уловка этих мест: они заманивали тебя под фальшивыми предложениями, а потом отнимали у тебя все.

Сэди сморщила нос, оглядев происходящее у костра:

— Будет дождь, знаешь?

Я чувствовала это по воздуху, его влажности. Но погода держалась, и это было особенно приятно. Мы как будто бросали вызов природе.

— Может быть, — ответила я.

— Нет, точно будет. — И как будто она управляла погодой, я ощутила, как тяжелая и холодная первая капля плюхнулась мне на щеку. — Хочешь, вернемся? Мы успеем, если бегом.

Я посмотрела на ребят, с которыми вместе училась. Все поглядывали в мою сторону. Коннор сидел на ближайшем бревне и старательно делал вид, будто не замечает меня. Мне хотелось завизжать: у меня на глазах съеживался мой мир. А я с недавних пор, после всего, через что прошла, никак не могла избавиться от этого ощущения.

— Знаешь, есть короткий путь, — я указала на вырубленные в скале ступени, хотя с того места, где мы стояли, их было не разглядеть.

Она вскинула бровь, и я так и не догадалась, знала она о них с самого начала или я в тот вечер открыла для нее нечто новое. Но, когда я стала подниматься, она последовала за мной, хватаясь за камни по моему примеру. Когда мы добрались до верха утесов, дождь хлынул, и я увидела суматоху внизу, в отблеске костра, — тени разбегались по машинам, похватав холодильники.

Сэди сделала шаг назад и взяла меня за руку.

— Смотри не убейся, — сказала она.

— Что?

При лунном свете я отчетливо видела только ее глаза — большие и немигающие.

— Мы на самом краю, — объяснила она, повела взглядом в сторону, и я посмотрела туда же, хотя внизу был только мрак.

Мы были не настолько близко к краю, чтобы неверный шаг мог оказаться роковым, но я все равно отступила. Она схватила меня за запястье, и мы со смехом побежали под крышу на заднем дворе ее

дома. И рухнули на диван под навесом патио, бассейн светился перед нами, океан шумел позади. Окна за нами не были освещены, она тихонько проскользнула в дом и вернулась с бутылкой какой-то дорожкой с виду выпивки. Я таких никогда не видела.

По периметру их двора горели янтарные лампы, в черной ограде с калиткой у бассейна — скрытая подсветка, и мы видели, как дождь льет стеной, будто отгораживая нас.

— Добро пожаловать в Брейкерс, — объявила она, взгромоздив облепленные песком ступни на плетеный столик перед нами. Будто и забыла, что всего неделю назад я обслуживала здесь вечеринку.

Я смотрела на ее профиль, поэтому заметила, как уголок ее губ загнулся кверху в понимающей улыбке.

— А что? — Она повернулась лицом ко мне. — Разве не так вы называете это место?

Я нерешительно моргнула. Подумала, что, может, это и есть ключ к успеху — извечный оптимизм. Умение проглотить обиду и обратить ее себе на пользу. Принимать все, даже это, и присваивать себе. Вновь присмотреться и заметить нечто новое. В этот момент я полностью уверовала в одно: моей маме она понравилась бы.

— Да, так, — подтвердила я, — просто... я ведь уже бывала здесь раньше.

Ее улыбка разрасталась, пока не достигла глаз, и тогда она чуть отклонила голову назад, как будто смеялась. Я чувствовала, как внимательно она за мной наблюдает. Если она и узнала свитер, который был на мне, то не упомянула об этом.

Она подняла бутылку, направляя ее сначала в мою сторону, потом к океану.

— Вот-вот. — Она отпила из бутылки и отерла губы ладонью.

Я думала о Конноре, который там, внизу, на пляже, меня старательно игнорировал. О бабушкином пустом доме, ждущем меня. Тишина, тишина.

Обхватив губами прохладное стекло, я сделала долгий глоток, мои нервы вспыхнули как в огне.

— Ну-ну, — ответила я ей, и она рассмеялась.

Мы продолжали пить прямо из бутылки, глядя, как сверкают молнии — вдали от берега, но настолько близко, чтобы наэлектризовать воздух. Самой себе я казалась проводом под током.

Потянувшись за бутылкой, она сомкнула пальцы на моих и заземлила меня.

* * *

Оставив без внимания одежду Сэди, висящую в моем шкафу, я остановила выбор на собственном деловом костюме — классических брюках и белой блузке без рукавов, — потому что так и не смогла примириться с мыслью, что Паркер увидит меня в одежде его сестры.

На Бэй-стрит я прибыла первой, потому что всегда являюсь заранее. Пережиток страха с тех времен, когда я только начинала работать на Гранта Ломана, — страха, что за любую оплошность он уволит меня и все будет кончено.

Когда ее родители впервые познакомились со мной, меня восприняли как следствие целой череды неудач, странную вещь, которую Сэди подобрала на пляже и, как хотелось им надеяться, выбросит так же быстро. Все наверняка считали, что я просто такой этап, который Сэди в конце концов перерастет. Точно рассчитанный, управляемый бунт.

Она вывалила на меня это знакомство так неожиданно, что я не успела ни подготовиться, ни отказаться.

— Я предупредила их, что приведу к ужину подругу, — объявила она в первую же неделю, когда мы поднимались на крыльцо.

— Ой, нет, я не...

— Ну пожалуйста! Они тебя любят, — она сделала паузу и сверкнула улыбкой. — Ты им *понравишься*, — поправилась она.

— Или они будут нехотя терпеть меня ради тебя?

— Ну уж нет, не ради меня. Да ладно тебе, это же просто ужин. Прошу, избавь меня от этого однообразия.

Опять этот небрежный взмах рукой. *Все вот это. Моя жизнь.*

— Но я же ничего о них не знаю, — сказала я, хоть это была и не совсем правда.

Она остановилась перед входной дверью.

— Все, что тебе на самом деле следует знать, — что мой отец ум, а мама — сила.

Я рассмеялась, думая, что она шутит. Бьянка была миниатюрной, легкой, с по-детски звонким голосом. Но Сэди только подняла бровь.

— Папа говорил, что строиться здесь небезопасно. И тем не менее, — продолжала она, взмахнув рукой и открыв дверь, — мы здесь. *И потом*, она управляет семейным благотворительным фондом, — она понизила голос до шепота, я безуспешно пыталась понять, что она имеет в виду. — Все должны поклоняться в святилище Бьянки Ломан.

— Сэди? — послышался откуда-то женский голос. — Это ты?

— Началось, — пробурчала Сэди, толкая меня бедром в бок.

Только тогда до меня дошло, что всегда означал ее характерный взмах руки, — ее мать, Бьянку. Грант был всегда в одном и том же настроении, уравновешенный и непреклонный, но хотя бы предсказуемый. От него я узнала, что такое на самом деле власть. А Бьянка могла усыпить твою бдительность похвалой лишь затем, чтобы дожидаться, когда она уснет, и нанести удар. Но сбить спесь с другого может кто угодно, даже я. А вытащить кого-то из одного мира и перетащить в другой — это и есть настоящая власть.

На том первом ужине я подражала каждому движению Сэди, сидела тихо, старалась не высовываться. Но я заметила, как сжимались их челюсти по мере того, как разрастался список моих провинностей: никакого колледжа даже на горизонте, никаких карьерных планов, никакого будущего.

Сэди завоевывала их доверие ради меня, малыми дозами, на свой лад. Я была проектом. К концу лета ее отец предложил мне стипендию на время учебы на ближайших бизнес-курсах — инвестиция в будущее, как он выразился. На следующий год они купили дом моей бабушки и в качестве одного из условий сделки разрешили мне поселиться у них в гостевом доме. Отведать вкус положения Сэди Ломан.

* * *

В конце концов я стала работать в компании Ломанов на полную ставку, управляя их активами в Литтлпорте и присматривая за их

собственностью во время их отсутствия. Я сумела пробиться наверх своим трудом, показать себя.

Но непросто было избавиться от паранойи, которая возникла, когда среди ночи, спустя долгое время после того, как должны были вернуться родители, в дверь позвонили дважды, и я, бросившись открывать, увидела не маму, со смехом роющуюся в сумочке и в то же время отводящую темную челку, упавшую на глаза, — *«опять ключи посеяла!»* — и не отца, с лукавой улыбкой наблюдающего за ней и качающего головой. А полицейских у нас на веранде.

Поэтому я всегда являлась заранее — на встречу, показ дома, к телефону, если договаривалась созвониться. Мною двигала ошибочная надежда, что на этот раз я смогу заранее предвидеть то, что надвигается.

— Столик забронировал Паркер Ломан, — сообщила я администратору. Фамилию Ломанов было неизменно приятно называть и смотреть, как неумовимо меняется выражение лиц, как быстро происходит адаптация. Администратор с улыбкой повела меня к столику, стремясь услужить чему-то большему, чем я.

Я села спиной к стене и лицом к открытому залу и окнам, выходящим на пристань и бухту за ней, — вид с этажа на один выше первого. Но уже через несколько мгновений замерла, увидев, как та же администратор ведет в мою сторону детектива Коллинза. Она взмахнула волосами, указывая на мой столик, и у меня екнуло сердце. Его улыбка при виде меня длилась долю секунды, к тому времени, как он сел, я успела собраться с духом.

— Привет, Эйвери, а я и не знал, что вы присоединитесь к нам, — сказал он.

Я скомкала салфетку у себя на коленях и медленно разжала пальцы.

— И я не знала, что вы входите в этот комитет, детектив.

Впрочем, логично. Если бы я дала себе труд задуматься, я, наверное, догадалась бы о нем.

— Просто Бен, пожалуйста, — попросил он.

Вместе с комиссаром городской полиции Джастин Макканн детектив Бен Коллинз занимался организацией и проведением большинства мероприятий — от молодежных парадов Четвертого июля до фестивалей на Харбор-драйв в День города. Именно его я

встретила на утесах той ночью. Он светил фонарем мне в лицо, ослепив меня. А потом устроил мне допрос. И хотел выяснить все, что только мог, о вечеринке и о том, почему я вернулась к краю утесов.

По общепринятым представлениям он был хорош собой: широкоплечий, с крепким подбородком, ясными блестящими глазами, с первыми признаками зрелого возраста, которые лишь придавали ему притягательности, с точки зрения окружающих. Но я могла воспринимать его только как участок негативного пространства. Как в ту ночь, с фонариком, свет которого отбрасывал на его лицо пугающие тени, так и всегда.

— Ну что ж, — продолжал он, отпив воды из бокала, — рад встрече с вами. Давно не виделись. Где вы теперь живете?

Я не ответила, притворившись, будто изучаю меню.

— И я тоже рада вас видеть, — сказала я.

Трудно было понять, где заканчивается любезная беседа и начинается допрос. До тех пор, пока не нашли записку Сэди, он сидел напротив меня за моим кухонным столом и раз за разом перебирал подробности моего рассказа о том вечере. Как будто заметил в моих первых показаниях нечто насторожившее его.

«С кем вы были? Зачем звонили ей? Писали ей сообщения?» И на следующем моменте всегда заострял внимание: «Но вы за ней так и не съездили?»

Шквал вопросов был стремительным и грубым, так что я порой не могла сказать, вспоминаю я события того вечера или то, что ответила ему в прошлый раз.

«Кто еще там был? Вы знали, что она встречалась с Коннором Харлоу?»

— Хорошо, что вы здесь, — сказал он. — Честно говоря, я как раз сегодня собирался звонить вам.

Я ждала, затаив дыхание. Тот список имен, который он дал мне, был, как я теперь понимала, способом найти пробел в чьих-то показаниях. Вытрясти всю правду. И когда во время допроса он встал, чтобы позвонить, а его напарник отвернулся, я сфотографировала список на свой телефон, пытаюсь понять, что же они увидели. Но оказалось, что напрасно. В тот же день они нашли записку Сэди, и с тех пор остальное уже не имело значения. Но, сидя напротив него

сейчас, я почти ожидала, что он снова начнет цепляться к мелочам, выискивая расхождения.

— Я слышал, какие-то проблемы возникли вчера вечером в одном из сданных в аренду домов, — сказал он.

— Да уж, — я покачала головой. — Но ничего не пропало.

Он разгладил скатерть на столе перед собой.

— Арендаторы здорово перепугались.

Я вскинула голову.

— Вы там были?

Он кивнул.

— Я принял вызов. Зашел, осмотрелся, постарался успокоить их.

— Почему же вы не позвонили мне вчера?

Единственным пропущенным в моем телефоне был звонок от Доналдсонов.

— Не стоило ради этого никого будить, — ответил он. — Честно говоря, я не заметил никаких признаков того, что там побывали посторонние.

— Ну что ж, — я расслабила плечи, — и мы тоже не будем обращаться в полицию. Арендаторы решили съехать. В составлении протокола нет необходимости.

Во время затянувшейся паузы он внимательно смотрел на меня.

— Я знаю, как выполнять свою работу, Эйвери.

Я отвернулась, давние ощущения вновь пробудились во мне. Как будто он искал скрытый смысл в каждом моем слове.

— А вот и Паркер, — объявила я, увидев, как он входит в комнату вместе с Джастин Макканн и еще одной женщиной. Пока они приближались, я узнала ее в лицо, но имени так и не вспомнила. Примерно моих лет, светло-каштановые волосы заплетены в колосок, очки в красной оправе точно в тон губной помаде.

Паркер наклонился и поцеловал воздух возле моей щеки, чем удивил меня.

— Извини, если заставили тебя ждать, — произнес он.

— Вовсе нет.

Он пожал руку детективу и продолжал знакомить присутствующих.

— Джастин, вы ведь знаете Эйвери Грир?

— Разумеется, — с вежливой улыбкой ответила Джастин. Она была старше всех нас по меньшей мере лет на двадцать и уже по одной этой причине приковывала к себе внимание. — Рада, что вы смогли составить нам компанию, Эйвери. А это мой ассистент Эрика Хопкинс.

— Вообще-то мы знакомы, — подала голос Эрика, взявшись за спинку стула. — Если не ошибаюсь, вы с бабушкой жили по соседству с моей тетей Ивлин?

— Точно. Да. Привет. — Только теперь я вспомнила ее. Эрика Хопкинс не училась в школе вместе с нами, а приезжала к тете на летние сезоны. Но я не видела ее уже много лет.

Она скованно улыбнулась:

— Рада снова видеть вас.

— Как ваши родители, Паркер? — спросил детектив Коллинз, когда все расселись за круглым столом.

— В порядке. — Паркер провел ладонью по волосам, а большим пальцем — сбоку по лицу. Нервная привычка, почесывание редкой, как тень, щетины. — Они все-таки собираются на церемонию.

— Замечательно, — хлопнула в ладоши Джастин. Будто можно было извлечь из сказанного хоть какой-то позитив. Дань памяти погибшей девушке. Приезд ее скорбящих родителей, еще недавно готовых возложить вину за случившееся на местных жителей. Я даже не замечала, что качаю головой, пока вдруг не перехватила обращенный на меня любопытный взгляд детектива.

— Но с парой условий, — добавил Паркер, вытирая ладони о брюки под столом. Я увидела, что он превратился в Паркера-бизнесмена. Раскатанные рукава наглухо застегнутой рубашки предупреждали о том, что будет дальше. Легко было бы приписать его позицию одной только клановости, но приходилось признать, что он на диво ловко убедил нас всех, что мы на одной стороне и хотим одного и того же, — и ему известно, что именно нам нужно.

От разговора я отвлеклась, когда они начали обсуждать освещение в прессе новой инициативы Ломанов. Программы профилактики суицидов, ориентированной на работу с населением и предназначенной для оказания психиатрической помощи и проведения обследований. Об этом я уже знала — читала и статьи, и отклики общественности. Каким-то образом смерть Сэди лишь сделала Ломанов более примечательными и достойными. Как будто эта

трагедия облагородила их — убитых горем после смерти Сэди и постепенно восстанавливающихся, возрождающихся из пепла своей прежней жизни. Все это выглядело тошнотворно.

Я сосредоточила все свое внимание на салате с омарами, который подали всем, — легком и сытном, и пыталась вспомнить, когда в последний раз побывала здесь вместе с Ломанами.

И вздрогнула, внезапно вспомнив: в день рождения Сэди. В конце июля прошлого года. С ее родителями, Паркером и Лус. Сэди казалась рассеянной. Дерганой. У нее недавно изменились рабочие обязанности. Мне подумалось, что она чем-то озабочена. «Отчужденная и отстраненная» — так позднее назвала это состояние полиция. Как будто это был первый симптом, который мы проглядели.

— Эйвери?.. — Паркер смотрел на меня так, будто только что задал мне вопрос. — Ты возьмешь на себя статью в газете? Подыщешь подходящую фотографию?

— Конечно, — сказала я. Только теперь мне стала ясна собственная роль. Джастин привела с собой свою ассистентку, а Паркер — свою. Я работала на Ломанов, была деталью декорации, демонстрацией влияния. И даже оделась соответственно.

Мы встали из-за стола, прощаясь друг с другом.

— В ближайшее время я свяжусь с вами, — пообещала Эрика, пока мы выходили, и протянула мне свою визитку. Она спустилась по дощатым ступеням крыльца, опередив нас, всех остальных. Дойдя до своей машины, она обернулась и подняла голову, но выражение ее лица оказалось для меня загадкой.

Оставалось лишь гадать, что наговорила ей Ивлин.

* * *

Паркер стоял рядом со мной, пока остальные разъезжались. Он коснулся моего плеча, я вздрогнула.

— Расстроилась? Извини, Эйвери. Родители прислали меня сюда, считая, что я справлюсь. Но я не могу. Мне правда нужна твоя помощь.

Я перешла через улицу к своей машине, втиснутой между двумя дорогими внедорожниками, и он последовал за мной, подстраиваясь к

шагу.

— Господи, Паркер, может, в следующий раз хотя бы предупредишь заранее? И потом, я понятия не имела, что детектив Коллинз тоже в этом участвует. Боже.

Он положил ладонь на крышу моей машины и склонился ко мне.

— Понимаю. Да, это нелегко.

По-моему, ничего он не понимал. К тому времени как Паркер начал давать показания, рядом с ним уже был адвокат его семьи. И, вероятно, в той же комнате находился его отец, осуществляя общий надзор. Паркер был братом жертвы, к нему относились соответственно. А я — порождением Литтлпорта, пешкой совершенно не на своем месте, и детектив Коллинз не доверял мне с самого начала.

«Кто-нибудь может поручиться за вас и за все это время, Эйвери?»

«Паркер, Лус, полный дом народу. Они видели меня. Я была там».

«Вы могли на время отлучиться. Они не в состоянии отвечать за каждую минуту».

«Но я не отлучалась. И, как я уже говорила вам, она посылала мне сообщения. С ней все было в порядке».

«А что насчет Коннора Харлоу?»

«А что насчет него?»

«Вы заметили, в каком состоянии он был прошлым вечером?»

«Ничего я не заметила. Мы с Коннором больше не общаемся».

— Это будет много значить, — добавил Паркер, — если ты поможешь мне здесь.

Поменял тактику, чтобы привлечь меня на свою сторону.

— Ты же вроде бы говорил, что твои родители не приедут на церемонию, — напомнила я, не сумев скрыть упрек в голосе.

Он смотрел в телефон, отправлял какое-то сообщение.

— Ну, это еще неизвестно. Может, и не приедут.

Внимание, уделенное лишь отчасти. Частичная заинтересованность.

— Но пусть лучше другие думают, что приедут. Так будет легче во всех отношениях.

Паркер всегда говорил людям то, что им хотелось услышать, и я не смогла определить, в расчете на кого из нас он сейчас действует.

Ложь давалась ему безо всяких усилий — как тогда, так и теперь.

И, как мне казалось, составляла всю их жизнь.

Глава 5

Я вошла в мини-отель «Мыс», и мистер Силва вежливо улыбнулся. Летом каждый из нас следил за тем, чтобы его лицо выглядело спокойным и предсказуемым — маска, деталь бесконечного фарса. Ничто в поведении мистера Силва не указывало, что мы с Фейт в детстве бегали наперегонки по здешним коридорам, смеялись в такт топоту наших босых ног, а он кричал нам вслед: «Дети, осторожнее!» Или что много лет спустя ему пришлось вызвать полицию, чтобы выдворить меня из мини-отеля.

— Добрый день, — поздоровался он. Отцу Фейт придавали сходство с рыбаками вечный загар на обветренном лице и руки, узловатые не от перетаскивания ящиков с омарами, а от плотницкой работы, но разницы никто не замечал. Все члены семейства Силва выглядели как единое целое с побережьем Мэна, отчасти порожденное им. В последний раз, когда я видела миссис Силва, ее волосы поседели на висках, но в остальном шевелюра осталась прежней, огненно-рыжей. И морщины у нее на лице обозначились глубже, будто она много лет провела на балконе лицом к ветру, глядя на океан. Оттенок волос Фейт был ближе к каштановому, но они буйно курчавились, а она никогда не удосуживалась приглаживать их — ни на йоту не изменяла себе. Люди судили по внешнему виду и с готовностью покупали все, что бы им ни рекламировали.

Я прошла напрямик к большой дубовой стойке администратора в вестибюле высотой в два этажа и выложила на стойку конверт, на котором моим неразборчивым почерком было написано: «Кевину Доналдсону».

— Здравствуйте, мистер Силва. Кажется, у вас сегодня зарегистрировалась семья Доналдсон? Вы не могли бы передать это им?

Дверь в кухню за стойкой распахнулась, Фейт замерла на пороге. За ее спиной покачивалась на петлях дверь.

— О, а я не знала, что здесь кто-то есть. — Она прокашлялась. Под «кем-то» она явно подразумевала меня.

— Привет, Фейт. С возвращением.

Ее мешковатая футболка спустилась с одного плеча, была видна выступающая ключица. Черные легинсы, черные шлепки и волосы, собранные в конский хвост. Если не присматриваться — все та же девчонка, которая пробиралась ночью в кухню за вкусненьким для гостей, оставшихся с ночевкой, носилась босиком как по дому, так и за его пределами, и каждый ее шаг был пружинистым, будто в ожидании выстрела из стартового пистолета. Но с тех пор, как я видела ее в прошлый раз, она заметно отощала. И судя по ее взгляду, видимо, тоже оценивала перемены в моей внешности.

— Спасибо. — Она поспешно повернулась к стойке. — Маме нужно знать, на сколько человек готовить обед, когда у тебя будет свободная минутка.

Мистер Силва кивнул, и Фейт снова скрылась за качающимися створками дверей. Я слышала, она закончила учебу, вернулась и должна была принять управление мини-отелем сразу же, как только ее родители уйдут на пенсию.

— Наверное, приятно снова видеть ее дома, — сказала я.

— Так и есть. Вам непременно надо как-нибудь зайти в гости, когда она будет не так занята.

— Обязательно.

Обмен любезностями. И он говорил не всерьез, и я тоже.

В коридоре наверху послышались шаги, я инстинктивно подняла голову, но не заметила ничего, кроме тени на стенах вдоль изогнутой двойной лестницы.

Этот дом был огромен и со временем только разрастался; я привыкла воспринимать его как замок. Арочные дверные проемы, укомные подоконники-банкетки, стенные шкафы внутри стенных шкафов. Поручни со стороны высокого берега, сделанные из необработанного дерева. Балконы, опасно нависающие над обрывом, с перилами в вечном налете мельчайших соленых брызг. Фейт тоже жила здесь, на чердаке, переделанном в мансарду, где все мы, когда еще учились в средней школе, впервые выпили, передавая бутылку по кругу.

На секунду мне вспомнился Коннор, каким он был в то время, когда казалось, что сохранять неподвижность он вообще не способен. Как он исчезал, стоило только отвернуться, чтобы вновь появиться, едва его отсутствие замечали. И как создавалось ощущение, что за

время паузы он успевал прожить целую жизнь, а мы, все остальные, будто застревали в замедленной съемке.

Мистер Силва увидел, что я смотрю в сторону лестничной площадки, и пока шаги удалялись, придвинулся ближе и понизил голос:

— Доналдсоны уже устроились на новом месте. Честно говоря, вид у них слегка ошарашенный. Что же там стряслось, Эйвери? — И он указал подбородком в сторону домов, сдающихся в аренду. Все они находились в пределах нескольких минут ходьбы пешком, но не были видны отсюда.

— Не знаю, — ответила я, вновь вглядываясь в сторону пустого полутемного коридора. — Сейчас пойду выяснять.

* * *

Доналдсоны снимали «Голубую мухоловку» — место проведения прошлогодней вечеринки «плюс одна». Я не раз бывала там с тех пор, но никогда не задерживалась надолго. Когда дом пустовал, я старалась, чтобы мои обходы были быстрыми и эффективными. Иначе напоминаний оказалось бы слишком много.

Этот дом не был местом гибели Сэди, поэтому полиция вскоре перестала наведываться туда. Однако ему предстояло навсегда остаться местом, где я в последний раз представляла ее себе живой. Где ждала ее финального сообщения, последних слов, которые она собиралась сказать мне:

«Никто не понимает».

«Мне будет тебя не хватать».

«Прости меня».

Я так никогда и не узнаю, что именно она хотела написать. Полиция пыталась разыскать ее телефон, но GPS был отключен на нем еще до нашего знакомства — пережиток подростковых подозрений Сэди, что родители отслеживают каждый ее шаг. Полицейские обнаружили только, что телефон отключен и, скорее всего, упал в море, когда она прыгнула со скалы.

Тропа от мини-отеля до домов на высоком берегу петляла между деревьями и проходила мимо «Голубой мухоловки». Так же легко я

могла бы добраться до дома на машине, только сделать небольшой крюк до следующего съезда, но мне не хотелось, чтобы кто-нибудь услышал шум и заметил, что я приближаюсь, не хотелось, чтобы мою машину увидели и задались вопросом, что происходит.

Я шагала по той же тропе, по которой бежала почти год назад вслед за Паркером и Лус. Мчалась навстречу тому, что нам было не под силу остановить. Теперь, по прошествии времени, я понимала, что Паркеру не следовало садиться за руль. Как и никому из нас. Ночь имела размытые очертания — вечеринки часто действовали на меня таким образом. Обрывки и отголоски возвращались ко мне неожиданными вспышками во время допросов, трансформировались в неуклюжую хронологическую последовательность того, что я сказала, сделала, видела или слышала.

Стоя на передней веранде, я почти чувствовала по другую сторону двери людей — их возбуждение, смех — еще до того, как все переменялось.

Доналдсоны выполнили условия договора, оставив ключ от дома в конверте, а конверт — в почтовом ящике возле входной двери. Да, не самый безопасный способ, но одна из условностей спектакля. Часть истории этих мест, которую мы преподносили приезжим. В Литтлпорте насчитывалось множество очевидных опасностей, несмотря на то что мы уверяли туристов в обратном. *Здесь совершенно безопасно*, объясняли мы им и, строго говоря, не обманывали — если судить по статистике преступности.

Но других опасностей это не отменяло. Машину в темноте, горный серпантин. Ледяную дорожку на тротуаре. Край утеса, бурное течение, острые камни.

Горы и воду, зимний холод, летнюю беспечность.

Чудом предотвращенные трагедии, не получившие огласки: такие как ушедшие в поход и пропавшие туристы (нашли спустя два дня), женщина, упавшая в ущелье (она ухитрилась вызвать помощь, но лишь потому, что при ней был телефон), недооценившие течение и запаниковавшие гребцы на каяках, которых ловцам омаров приходилось вылавливать одного за другим на протяжении всего сезона.

И немало других случаев, но мы делали вид, что их не было.

Когда я вошла в дом, в нем все еще витали запахи завтрака. Арендаторы оставили посуду замоченной в раковине, будто собирались загрузить посудомойку до прихода уборщиков.

Поначалу я не заметила никаких следов чужого пребывания, как и говорил детектив Коллинз. Неровно стоящие стулья в гостиной оставили скорее всего Доналдсоны. Как и грязные отпечатки пальцев на поверхностях и загнутый угол ковра в гостиной.

Но потом взгляд стал цепляться за мелкие подробности: перевернутую вверх ногами подушку на диване, будто кто-то убирал подушки с него, а потом вернул на прежнее место, но не так, как было. Ножки обеденного стола в столовой уже не совпадали с вмятинами на ковровой дорожке под ним. Вряд ли у Доналдсонов имелись причины переставлять мебель.

Я сделала круг по всему дому — проводила пальцами по подоконникам, дверным косякам, проверяла замки. Все они казались надежными. Я остановилась у второго окна, обращенного назад, за дом, — более светлого и блестящего, чем все остальные. Его заменили после той вечеринки «плюс одна», так как по стеклу разбежалась паутина трещин. Одно из последствий вечеринки, свидетельство того, как рискованно созывать пестрое сборище к себе домой.

Я сама заказывала окно на замену. И теперь провела пальцами по раме — чуть более тонкой, с блестящим замком. Он был заперт. Но не такой модели, как на других окнах, а новее, с язычком настолько тонким, что вряд ли он держался как следует. При попытке поднять раму она легко заскользила вверх, несмотря на замок. Я чертыхнулась. По крайней мере, теперь не придется тревожиться о том, что у кого-то есть ключ.

Для начала требовалось убедиться, что вся наша собственность цела; дома, сдающиеся в аренду, ценными вещами мы не украшали, но лучше было все-таки наскоро все проверить. Судя по перевернутым подушкам, тот, кто побывал здесь, искал какие-то спрятанные ценности. В съемном жилье, где не было сейфа, арендаторы обычно прятали ноутбуки между матрасом и пружинной сеткой кроватей. А драгоценности закапывали под одежду и белье, на самое дно ящиков комода.

Дверь в большую спальню в самом конце коридора осталась закрытой, но я рассудила, что именно там могло быть что-то спрятано

и туда же неизвестный явился на поиски.

Едва открыв дверь, я уловила запах морской соли и лаванды. На белом деревянном комодe была оставлена зажженная свеча. Забытая Доналдсонами при выселении. Напрямую правилами это не запрещалось, но находка заставила меня задуматься, стоит ли вообще держать в доме свечи. Я задула пламя, витая струйка черного дыма поднялась в воздух, отразившись в зеркале, и рассеялась.

В ящиках комода не осталось никакой одежды, в ванной на полках не обнаружилось никаких забытых мелочей. Двухспальная кровать осталась незаправленной, на нее только накинули белое стеганое одеяло, не расправив его. Я открыла сундук в изножье кровати, где мы хранили одеяла, и запах оттуда, затхлый и землистый, напомнил мне чердак бабушкиного дома. По верхнему одеялу шмыгнул паук, я отскочила, по рукам побежали мурашки. Вероятно, эти одеяла весь сезон пролежали здесь нетронутыми. Их требовалось перестирать, а сам сундук — почистить пылесосом и протереть мебельной полиролью; на следующей неделе ожидался приезд еще одной, последней в этом сезоне семьи.

Я выгребла стопку тонких и стеганых одеял, боязливо затаив дыхание, и вдруг что-то привлекло мое внимание в дальнем углу сундука.

Это был телефон. Поначалу я предположила, что его забыли Доналдсоны — потому что спрятали здесь, как сделала бы и я. Но в верхнем левом углу экрана виднелась трещина, телефон казался давным-давно разрядившимся, вероятно, потерянным и забытым какой-нибудь из семей, отдыхавших здесь ранее в этом же сезоне. Я уже собиралась сунуть его в карман, как вдруг заметила красный мазок в углу простого черного корпуса. И сразу поняла, что это лак для ногтей. Телефон был испачкан им в самом начале прошлого лета, когда она набирала сообщения, не дождавшись, пока высохнут ногти.

Все попытки стереть лак только сильнее размазали его. Это придает ему *индивидуальность*, заявила она тогда.

Я села на край постели, у меня затряслись пальцы.

Я знала, что держу в руке телефон Сэди Ломан.

Лето
2017

Вечеринка «плюс одна»

21:00

Это была ошибка.

Я стояла на передней веранде «Голубой мухоловки» и смотрела, как из-за деревьев, окружающих дом, группами по двое и по трое появляются гости — смеются, несут выпивку. Лавируют между деревьями, выбираясь оттуда, где оставили машины, некоторые не удосуживаются дойти до передней двери и вместо этого заходят в дом через патио. Я надеялась, что прибор заглушит шум нашего сборища.

Вечеринка на этот раз должна была пройти в доме Ломанов, но Сэди высказалась категорически против. Они с Паркером долго спорили по этому поводу, Паркер твердил, что так будет по-честному, как будто всегда играл по правилам, а Сэди взывала к его стремлению все держать под контролем: «Ты правда хочешь, чтобы все они завалились к нам домой? Терлись среди наших вещей? В наших комнатах? Да ладно, ты же понимаешь, что из этого выйдет».

Паркер пытался парировать каждый довод, как обычно поступал в бизнесе и в жизни:

— Значит, Эйвери поможет присмотреть за вещами. Значит, закроем доступ в наши спальни.

— М-да? — ехидно переспросила она, вытаращив глаза. — На дверях нет замков, и чем же ты собираешься подкрепить запрет? Забаррикадировать двери мебелью? И кидаться *в драку*, если кто-нибудь не подчинится?

— Не смейся, — сказал Паркер, отворачиваясь, и совершенно напрасно.

У меня невольно напряглись плечи, а Сэди с шумом втянула воздух, придвигаясь к брату.

— Ладно. *Сам* будешь объясняться с папой по поводу его письменного стола, загаженного каким-нибудь пьяным местным. *Сам* скажешь Би, что кто-то блевал у нее на кухне.

Он рассмеялся.

— Господи, да никто не загадит этот гребаный стол, Сэди. Хватит уже вести себя так, будто вокруг одни отбросы. Честно говоря, —

продолжал он, сверля ее взглядом, — хуже, чем от твоих выходов, уже не будет.

В этот момент я решила вмешаться.

— Мы могли бы устроиться в одном из домов, которые сдаются в аренду, — сказала я. — Оба дома на высоком берегу будут пустовать на этой неделе.

Сэди кивнула, ее лицо заметно расслабилось, кулаки разжались. Я видела, что и Паркеру мысль понравилась, он задвигал челюстями, обдумывая ее.

— В «Закатном приюте», там больше места, — решил он.

Но я покачала головой. Никто не знал эти дома лучше, чем я.

— Нет, — возразила я, — «Голубая мухоловка» удачнее расположена. Там нас не заметят.

* * *

Но теперь, стоя на передней веранде, пока вечеринка только набирала обороты, я уже сомневалась в правильности этого решения. Машины выстроились вдоль улицы в обоих направлениях — вероятно, нарушая какие-нибудь нормы противопожарной безопасности, из-за них на улице едва хватало места для проезда. Я вытянула шею, высматривая свою машину, которую оставила в конце короткой подъездной дорожки к «Закатному приюту» через дорогу, передом к выезду, чтобы загородить другим доступ на территорию дома. Кто-то уже запер меня, припарковавшись под углом прямо напротив въезда на дорожку.

Из-за деревьев и сгущающихся сумерек я не могла разглядеть, насколько далеко тянется вереница машин. Уличных фонарей здесь, на высоком берегу, еще не было — только светила лампа на веранде и время от времени по тротуару скользили лучи фар, когда подъезжала очередная машина.

— Все в порядке? — Паркер остановился за моей спиной в открытых дверях. Он хмурился, вглядываясь в темноту поверх моего плеча.

— Да, в полном.

Поводов для беспокойства у меня набирался целый список: количество гостей, которые все еще прибывали, запасы спиртного, а также то, что я, убрав хрупкие интерьерные украшения, не подумала про напольные коврики под ножками мебели, а заменить их будет гораздо труднее.

Но сегодня мне было незачем оставаться собой. Эта ночь — для забвения.

* * *

Я вошла в дом вслед за Паркером и тут же потеряла его в толпе, заполонившей кухню. И очутилась в самой гуще знакомой игры.

Включили музыку, что-то исступленно-буйное, хотя никто не пустился в пляс и не пританцовывал в ее ритме. Но кухонный стол-островок обступила целая компания, а на столе перед ней выстроились стопки.

Я протиснулась поближе к столу.

— Вот-вот, — воскликнула я и с улыбкой взяла одну из стопок.

— Очень вовремя, — отозвался мой сосед. Он показался мне смутно знакомым, но был немного моложе меня, а я давным-давно оставила всякие попытки запомнить имена тех, кто начал приезжать в город в последнее время. — Я как раз собирался рассказать всем про Грегa и Кэрис Фонтейн, — продолжал он.

Грег со стуком поставил свою стопку, изумленно разинув рот.

— Не вздумай отпираться, — с широкой ухмылкой предупредил еще один из мужчин. — Я вас видел. Внизу, в «Логове».

Тогда Грег покачал головой, улыбнулся и опрокинул очередную стопку. И остался в игре.

Отпущение тайн, интрижек и раскаяний продолжалось. Игра без правил и без способа выйти из нее, кроме как выпить еще. Одно чистосердечное признание или один чужой выданный секрет — одна стопка. Время шло, и вскоре уже приходилось придумывать, что бы еще сказать.

И так далее, круг за кругом. Вскоре я уже перестала узнавать большую часть имен.

Шесть лет назад мы с Сэди стояли бок о бок у стола, похожего на этот, на моей самой первой вечеринке «плюс одна». После того дня на пляже мы вошли в состояние непринужденной легкости, провели последующие месяцы тем образом, который казался и неизбежным, и недолговечным, и вечеринка «плюс одна» стала идеальным финалом.

Один из друзей Паркера ткнул пальцем чуть ли не в лицо Сэди и объявил: «Ты была в моем доме. С моим братом». Румянец пополз вверх по ее шее, но, вместо того чтобы возмутиться, она приняла вызов: «Ты прав, была. По-твоему, это я виновата? Смотри, я даже покраснела от одной только мысли об этом».

Это придавало ей смелости — когда кожа свидетельствовала о том, как она сконфужена. Она говорила, что бессмысленно прятаться от самой себя, если лицо все равно выдает все ее тайны.

Я видела, как остаток ночи этот друг не сводил с нее глаз. В то время она была по-детски тоненькой. Почти незаметной на групповых снимках. Но даже тогда она была способна в мгновение ока поработить любого.

Теперь, по прошествии времени, мне ясно: в первую очередь меня привлекло то, что извиняться было незачем. Ни за то, что ты натворил, ни за то, кто ты есть. Из всех перспектив, открывшихся мне в то первое лето, это особенно опьяняло.

— Эй! — окликнул меня Грег, обведя комнату расслабленным взглядом и останавливая его на мне. — А где Сэди?

Грега Рэндолфа я успела узнать за шесть лет, пока вращалась в этом мире. По тайнам, которыми делилась Сэди, по тому, как она могла свести кого угодно к обрывку фразы. Его дом в нагорном районе Хоукс-Ридж был почти таким же шикарным, как у Ломанов. Но отчетливее всего в ее оценке Грега Рэндолфа мне запомнилось первое, что она упомянула о нем, — «гнусная пьянь, как его отец». Раньше он был крепким и мускулистым, но теперь мало-помалу становился рыхлым, черты его лица теряли четкость. Темные, зализанные назад волосы, загар на грани ожога вблизи переносицы. С годами он так и не угомонился, добиваясь Сэди, и она не перестала во всеуслышание отшивать его.

Поскольку мы здесь вываливали всю правду, я не удержалась.

— Где надо, — ответила я, — и встречаться с тобой по-прежнему не собирается.

В толпе вокруг стола послышался приглушенный смех, но пить никто не стал, а темные брови Грега взлетели вверх — он не сумел скрыть эту стремительную вспышку гнева. Но быстро овладел собой, и его губы растянулись в понимающей улыбке.

— Да я в курсе. Когда я в прошлый раз видел твою подружку Сэди, она выбиралась из лодки с тем местным, которого я только что видел, — он указал подбородком в сторону патио, но я не поняла, о ком он говорит. — Только вдвоем на закате. Вот уж не думал, что она падка на такое, но мне-то откуда знать? Я так понял, это была моя очередь откровенничать. Жаль, что она все пропустила.

Я нахмурилась, а сосед Грега уточнил:

— Ты про того парня из яхт-клуба?

Грег рассмеялся.

— Нет, с чего вдруг? Про того, который возит народ на рыбалку, — знаешь?

Коннор. Он имел в виду Коннора. На самом деле Коннор не только рыбалкой занимался. Он почти в одиночку управлял изо дня в день компанией своих родителей. Вел учет, забирал грузы с пристани, следил, чтобы дневной улов развозили по всем ресторанам города, как крупным, так и мелким. А в свободное время и после работы катал отдыхающих, в том числе и на рыбалку. Но для него это был не основной вид деятельности.

— Странно, что ты не знала, — сказал Грег, и я разозлилась, что он так легко прочел это по моему лицу. Он улыбнулся, у меня кружилась голова. Коннор. Сэди и Коннор. Этого не может быть, но здесь он сегодня наверняка именно поэтому. Грег указал на следующую стопку:

— Выпьешь эту за нее?

Я пододвинула стопку к нему.

— Я пас, — сказала я, сделав выбор в пользу равнодушия — тем же способом отшила бы его Сэди.

— Пока мы болтали, — продолжал Грег, ставя локоть на стол, липкий от пролитой выпивки, — я тут задумался... Ну, не я один — все мы вроде как гадаем: что именно ты делаешь для Ломанов?

Он стоял так близко, что на резком выдохе я уловила кислую вонь его дыхания. И машинально отпрянула от нее, а улыбка Грега стала шире: он сделал ошибочный вывод, что задел меня за живое. Слухи до

меня долетали не раз. Что я любовница Гранта. Или Бьянки. Что я состою на службе у чего-то зловещего и тайного, того, что пытаются замаскировать, выставив меня в качестве прикрытия. Как будто сама идея великодушия, или дружбы, или родственных уз, не связанных с обстоятельствами рождения, оказалась слишком невообразимой.

«Зависть, — сказала бы Сэди. — Гадость, гадость». И еще: «Да ты не переживай, мы же из Брейкерс. Им полагается нас ненавидеть».

— Игра так не ведется, — сказала я. Потому что знала: любые оправдания только возбудят их любопытство.

Грег наклонился ко мне, чуть не потеряв равновесия. Вечеринка продолжалась от силы два часа, а он уже успел надраться.

— Игра ведется так, как мне хочется, подруга.

До меня вдруг дошло, что он ни разу не назвал меня по имени. Вообще его не знал или демонстрировал силу в том числе и таким способом? Я отступила назад, обернулась и чуть не столкнулась нос к носу с Лус, карие глаза которой стали неестественно огромными. Она схватила меня за руку ледяными пальцами.

— А я как раз тебя искала, — сообщила она. — Тут кое-что случилось.

— Что? Что случилось? — Но мысленно я застряла в предыдущем разговоре, мой мозг не поспевал за событиями.

— Окно.

Она потащила меня через кухню в угол гостиной. Одно из окон, выходящих во двор за домом сбоку от патио, было разбито. Нет, *почти* разбито. Стекло еще держалось в раме, но его предстояло заменить. Как будто кто-то врезал по нему битой. Я наклонилась, чтобы глаза оказались на уровне точки, в которую пришелся удар, провела пальцами по паутине трещин, расходящихся из центра.

Сквозь стекло было видно, как Коннор спорит с кем-то, стоящим в тени. Я сдвинулась в сторону, пытаюсь разглядеть его собеседника, но на фоне ночного неба через стекло он был виден раздробленным на десятки частиц.

Он обернулся в мою сторону, затем сделал шаг в сторону, за пределы видимости. Я закрыла глаза и медленно вздохнула.

— Надо бы закрепить стекло, — сказала я, — чтобы никто не поранился.

Я знала, что аптечка первой помощи находится в большой спальне дальше по коридору и что в ней есть липкая лента на случай спортивных травм. Лента казалась наилучшим решением — как сдерживающее средство и временная мера до завтра.

Но дверь в большую спальню уже была заперта.

— Черт. — Я хлопнула ладонью по деревянной панели, звук эхом разнесся по узкому коридору. Надеюсь, от неожиданности люди там, в спальне, вздрогнули.

— Видимо, Сэди была права, когда не согласилась устраивать вечеринку у них дома, — заметила Лус.

Я вздохнула.

— Ничего, — сказала я, хоть и чувствовала, что стекло под моими пальцами готово распасться. Ему не доставало единственного усилия, чтобы рассыпаться на осколки и поранить кого-нибудь. Я была готова к тому, что за ночь хоть кто-то свалится в бассейн. Ждала пары опрокинутых стаканов, пятен, для выведения которых придется, возможно, обращаться к специалистам. Но не настолько значительного ущерба.

Какая-то женщина подняла красный стаканчик.

— За лето! — провозгласила она.

Лус в ответ подняла свой стакан, затем заметила кого-то в другом конце комнаты — видимо, Паркера. И ринулась туда, оставив меня стоять одну у входа в темный коридор.

Никто, похоже, не заметил, как я ускользнула через переднюю дверь. Как обошла дом сбоку, дыша одиночеством. Полным отсутствием чего-либо, кроме деревьев и приглушенного шума, который доносился изнутри дома.

Но оказалось, что здесь я не одна. Хрустнул сучок, зашуршал сухой лист, послышался шорох ткани.

— Эй! — позвала я. И добавила: — Сэди?

Именно так она двигалась. Легкой походкой. Самоуверенно. Даже не думая сбавить шаг ради кого-либо.

А потом в лесу все стихло, и когда я посветила фонариком на телефоне, то не увидела ничего, кроме теней, крест-накрест рассекающих темноту.

Лето
2018

Глава 6

Я сидела на краю кровати, уставившись на телефон в руке, а секунды утекали.

Телефон Сэди, который так и не нашла полиция. Телефон Сэди, предположительно утонувший в океане, вылетевший из ее руки в момент падения или заброшенный вдаль за мгновение до него.

Если в ту ночь Сэди была одна, как ее телефон попал *сюда*?

Теперь, представляя мигающие точки в окне сообщения, я мысленно видела окончательный текст:

«Помоги мне...»

Где-то в глубине дома скрипнула половица, я вскочила, сердце заколотилось.

— Эйвери? Ты здесь?

Сунув телефон в задний карман, я вышла из комнаты в короткий коридор. Посреди прихожей у передней двери стоял Коннор и ждал ответа, глядя вверх, в сторону лестницы.

— А-а, — протянул он, обернувшись ко мне.

— Эм-м, привет. — Я никак не могла сориентироваться. В заднем кармане у меня лежал телефон, передо мной стоял Коннор, и мы оба находились в доме, где были все вместе, когда она умерла.

Меня застали врасплох, потому что наши с Коннором отношения вышли из той стадии, когда мы постоянно общались или искали встреч друг с другом. И вот теперь он стоял передо мной и, казалось, сам не понимал, что он здесь делает.

Он был одет для работы, в джинсы и красную тенниску с логотипом компании Харлоу на груди слева. В любом виде Коннор всегда напоминал мне океан. Его голубые глаза поблескивали так, словно он слишком долго щурился на солнце. На ладонях остался налет от соленой воды. Кожа загорела вдвое сильнее, чем у кого бы то ни было — за время пребывания в море, где получаешь двойную порцию солнца: одну сверху, другую — отраженную от воды. За летние месяцы его каштановые волосы выцветали прядями, выбиваясь из-под кепки. Он всегда был худым, скорее жилистым, чем сильным, и

черты его лица заострились уже к тому времени, как мы перешли в старшие классы.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я.

Он ответил не сразу — просто стоял между мной и входной дверью, разглядывая меня. Я знала, что он видит: строгие брюки, элегантные туфли и блузка без рукавов превратили меня в другого человека с иной ролью. А может, все дело было в том, что я застыла как вкопанная, не зная, как быть дальше, словно что-то скрывала. В голове звучали давние вопросы детектива: «А что насчет Коннора Харлоу? Вы заметили, в каком состоянии он был прошлым вечером?»

Коннор нахмурился, словно догадался, о чем я думаю.

— Извини, — сказал он. — Дверь была открыта. Я видел твою машину возле мини-отеля, когда приехал с доставкой. Мистер Силва рассказал мне, что стряслось. Здесь все в порядке? — Он обвел взглядом нижний этаж.

— Все в целости.

— Молодняк?

Я нерешительно кивнула, но не была в этом уверена; мне казалось, мы убеждаем в чем-то самих себя. Если бы не только что найденный телефон, объяснение казалось бы самым логичным. Слишком хорошо знакомым нам, всем живущим здесь. В несезон мы сталкивались с проблемой молодежи. С проблемой наркотиков. С проблемой скуки. С неизбежной, экзистенциальной проблемой. Мы были готовы на все, чтобы скоротать здешнюю зиму. И если зимняя проблема переросла в летнюю, значит, со временем она усугубилась.

В мертвый сезон все мы заглядывали в чужие дома. Из любопытства, скуки, в стремлении искушать судьбу. Из желания посмотреть, насколько далеко мы сможем зайти и многое ли нам сойдет с рук.

Мы с Коннором знали все это так же хорошо, как и остальные. Однажды давным-давно зимой мы с ним и с Фейт стояли возле дома Ломанов: с плеч Коннора я забралась на балкон второго этажа, чтобы проникнуть в дом через окно большой спальни, которое забыли запретить. Мы ничего оттуда не взяли. Нам просто было любопытно. Фейт открыла холодильник, морозильник, шкафчики в ванной, ящики письменного стола — все пустые, — ее пальцы оставили следы на каждой поверхности, мимо которой она проходила. Коннор блуждал по

комнатам пустующего дома, ни к чему не прикасаясь, но словно закладывая увиденное в память.

А я застряла в гостиной, застыв перед снимком на стене над диваном. Уставившись на семью на этом снимке. Мать и дочь — белокурые и тонкие, отец и сын — волосы заметно темнее, одинаковые глаза. Ладонь на плече каждого ребенка. Четыре фигурки из набора, все с улыбками и дюнами Брейкер-Бич на заднем плане. Ближе всех ко мне была Сэди Ломан. Я подошла почти вплотную, вглядываясь в детали. Кривоватый верхний клык, который еще не исправили. Мне представлялось, как ее мать подносит щипцы для завивки к ее прямым, как палки, волосам. Как фотограф ретуширует мелкие изъяны и веснушки пропадают с ее кожи.

Коннор наконец сделал круг по дому и застал меня перед семейным портретом в гостиной. Толкнул меня плечом, шепнул на ухо: «Сваливаем отсюда. Меня здесь прямо жуть берет».

* * *

Сейчас он стоял у противоположной стены комнаты, а я по-прежнему не понимала, что он здесь делает. И почему его так заинтересовало проникновение в дом, сдающийся в аренду, если из него ничего не пропало.

— Кем бы они ни были, попали они в дом через это окно, — сказала я, передергиваясь в ознобе. — Замок не держит.

На миг он встретился со мной взглядом, словно на него тоже нахлынули воспоминания.

— Дать тебе номер ремонта окон?

— Нет, у меня есть. — Я уставилась на окно, представляя себе лицо Коннора, каким видела его той ночью — раздробившимся в трещинах стекла, застрявшим в моей памяти. — Ты помнишь, как оно разбилось в ту ночь, когда погибла Сэди?

От ее имени он вздрогнул и поспешно потер щетинистую щеку, чтобы скрыть это.

— Не уверен. Видел только, как в доме, с другой стороны, стояла девчонка и осматривала стекло. Подружка Паркера Ломана.

— Лус, — подсказала я. Казалось, она следила за каждым моим шагом в то лето.

Он пожал одним плечом.

— Она казалась такой встревоженной, что я, честно говоря, решил, что она его и разбила. А что?

— Да нет, ничего. Просто задумалась.

Потому что телефон Сэди лежал у меня в кармане, и теперь все окончательно запуталось. Я затаила дыхание, желая, чтобы он ушел, не успев обратить внимание на мои руки. Которые я прижимала сбоку к ногам, чтобы они не тряслись. Но Коннор медленно прошелся по комнате, блуждая взглядом по окнам, мебели, стенам.

— Я помню ее, — сказал он, указав на картину на одной из стен.

Это была копия картины, написанной по снимку, который сделала моя мать с лодки отца Коннора однажды осенним вечером, до аварии. Мы тогда учились в средней школе, нам было лет тринадцать, наверное. На выходе из бухты она принялась делать один снимок за другим, фотографировала берег, пока вечер сменялся сумерками, а они — темнотой. Дома на побережье уже не были освещенными и приветливыми, а казались страшными черными тенями, стоящими на страже ночи. Мама продолжала делать снимки всякий раз, когда свет менялся, и так до тех пор, пока не стемнело полностью, так что я больше не видела теней, не могла отличить море от суши и от неба, потеряла всякое чувство ориентации в пространстве, перегнулась через борт, и меня вырвало.

— По-моему, детям уже достаточно, Лина, — со смехом заметил мистер Харлоу.

На картине мама пыталась передать те же ощущения, делая бесконечные эскизы в своей мастерской. Окончательный вариант в синей и серой гамме запечатлел момент между сумерками и ночью. Серый цвет воды бледнел в сравнении с темнотой утесов и исчезал в синеве ночи. Как будто можно было взять изображение в руки и встряхнуть, возвращая в фокус.

Много лет спустя я распечатала ее копии и повесила их на стены гостиных каждого дома, за которым присматривала. Мамина частица присутствовала во всех домах Ломанов, и об этом не знал никто, кроме меня.

Я смотрела на ее картину, не отрываясь, и с трудом сдерживала порыв так и поступить — протянуть руку и схватить ее. Мне хотелось удержать этот момент и встряхнуть, чтобы придать ему фокус. Дотянуться сквозь время и вцепиться Сэди в руку.

Пока не нашли записку Сэди, вопросы детектива Коллинза раз за разом возвращались к Коннору Харлоу, хоть его алиби и подтвердилось. Он был на вечеринке, никто не видел, чтобы он отлучался. И все-таки. Его заметили вместе с Сэди ранее на той же неделе. Сэди никому об этом не рассказывала. Как и Коннор, насколько мне было известно.

— Ты виделся с ней тем вечером, Коннор? — спросила я, пока он смотрел куда-то в сторону.

Он замер, его спина закаменела.

— Нет, — ответил он, точно зная, что я имею в виду. — Я не встречался с ней ни тем вечером, ни когда-либо еще. Так я и объяснил полиции. Много раз.

Злясь, Коннор понижал голос. Его дыхание замедлялось. Словно его организм переходил в некое первобытное состояние, экономя силы для удара.

— Вас видели вдвоем. — Я вспомнила, что Грег Рэндолф говорил о Сэди и Конноре, выходящих из его лодки. — Не надо врать ради меня.

Будто теперь, по прошествии семи лет, между нами еще осталось хоть что-то, с чем требовалось обращаться бережно.

Он медленно обернулся.

— Я бы не решился. Какой в этом смысл?

Я различала напряжение в контурах его плеч, в том, как он стиснул зубы. Но не могла думать ни о чем, кроме списка, который детектив Коллинз положил передо мной. Имена. И время прибытия. И то, что вписать время для Коннора я не смогла.

— Когда ты пришел на вечеринку в тот вечер?

Он переступил с ноги на ногу.

— Зачем ты это делаешь?

Я покачала головой:

— Вопрос нетрудный. Ты ведь наверняка уже ответил на него полиции.

Он уставился на меня в упор вспыхнувшими глазами.

— В девятом часу, — бесстрастно выговорил он. — Ты была в кухне с той девчонкой... с Лус. — Он отвел взгляд в сторону кухни. — Висела на телефоне. Я прошел мимо тебя.

Я закрыла глаза, пытаюсь вызвать в памяти ощущение его близости. Телефон прижат к уху, слышны бесконечные гудки. В тот вечер я сделала лишь один звонок — Сэди, но она не ответила.

— Знаешь, — продолжал он, прищурившись, — я ждал этих вопросов от полиции. И даже от Ломанов. Но *такого*... — он осекся. — Она покончила с собой, Эйвери.

Может, и не стоило нарушать молчание между нами. Потому что все, что мы могли сказать, неизбежно вело туда, куда ни одному из нас не хотелось попадать.

Он покачал головой, подумав о том же.

— Ну что ж, неплохо было пообщаться.

Скрестив руки на груди, я смотрела, как он выходит из дома и идет к своему фургону для доставки, припаркованному на подъездной дорожке. С порога я увидела, как заколыхались поспешно задвинутые тюлевые занавески в доме напротив, через улицу, — в «Закатном приюте». За занавесками я различила тень. Единственная фигура стояла неподвижно, наблюдая, как я запираю переднюю дверь дома, обхожу его, направляясь к дорожке между деревьями, и удаляюсь по ней, скрываясь из виду.

Опаснее всего в Литтлпорте полагать, что ты незаметен. Что тебя никто не видел.

Глава 7

Я не знала, вернулся ли Паркер домой, но не хотела, чтобы он увидел меня, остановил, последовал за мной. От машины до гостевого дома я добралась почти бегом и сразу же заперла за собой входную дверь. Мои руки все еще тряслись от ничем не оправданного выброса адреналина.

У нас с Сэди были телефоны одной и той же модели. Мое зарядное устройство годилось для обоих. Я подключила ее телефон на своем письменном столе и выжидательно уставилась на черный экран. Принялась вышагивать туда-сюда вдоль окон гостиной. Снова услышала ее слова — последнее, что она сказала мне: «Ну и какого мы об этом мнения?»

На этот раз смысловой акцент смещался, пока я не увидела еще одно возможное объяснение: она собиралась встретиться с кем-то. Бледная кожа ее плеч, нервная энергия, которую я по ошибке приняла за предвкушение, беспокойное воодушевление перед приближающейся вечеринкой.

Теперь же я задумалась о еще одной вероятной цепочке событий.

Где-то в моем телефоне хранилась копия того самого списка, который детектив Коллинз составил для меня прошлым летом. Я просматривала снимки, пока не нашла его — чуть размытый, сделанный дрогнувшей рукой в тот момент, когда детектив отвернулся. Пришлось увеличить изображение, повернуть телефон набок, но теперь список был передо мной. Имена: Эйвери Грир, Лусиана Суарес, Паркер Ломан, Коннор Харлоу. И время нашего прибытия, вписанное моим почерком.

Полиция искала в этом списке какое-то несоответствие. Недостающие подробности истории, которая не складывалась. Я вырвала чистый лист бумаги из блокнота, который держала на столе, и переписала список, дополнив его информацией, полученной от Коннора:

«Я — 18:40

Лус — 20:00

Коннор — 20:10

Паркер — 20:30».

И принялась постукивать колпачком ручки по столу, пока от этого ритма мне не стало тревожно. Может, Сэди и Коннор планировали встретиться. Может, она сказала Паркеру, чтобы не ждал ее, только потому, что Коннор должен был подвезти ее на вечеринку.

Я понятия не имела, чем она занималась в тот день, пока я работала. Уже к обеду она была одета и готова, а я весь день утрясала финансовые вопросы по недвижимости, сдаваемой в аренду, и подбивала итоги туристического сезона. Лус говорила, что Сэди укладывала вещи. Паркер — что Сэди сказала ему не ждать ее.

Но каким-то образом ее телефон нашелся в доме, сдающемся в аренду и расположенном в другом конце города, а ее труп вынесло на берег в Брейкер-Бич. Мог ли кто-нибудь спрятать телефон в сундуке сравнительно недавно? Или он лежал там с той самой ночи, когда она погибла?

Едва экран ее телефона осветился, спрашивая пароль, я прижала палец к сенсору. Экран выдал сообщение «Попробуйте еще раз», и у меня упало сердце.

За несколько недель до смерти Сэди наши отношения разладились. А до того мы много лет подряд свободно пользовались доступом к телефонам друг друга. Так что могли проверить сообщение, посмотреть прогноз погоды, сделать снимок. Это была демонстрация доверия. Обещание.

Но мне и в голову не приходило, что она снова отгородится от меня паролем в случае охлаждения между нами.

Я вытерла руку о рубашку, стараясь сохранять спокойствие, но при этом чувствуя пульс на всем протяжении пальцев до самых кончиков. Наконец я затаила дыхание и попробовала еще раз.

Экран ввода пароля исчез — меня впустили.

Темой ее основного экрана была выбрана вода. Этого снимка я раньше не видела, но похоже, его сделали с утесов на рассвете: с небом двух оттенков голубого и янтарным свечением солнца над самым горизонтом. Как будто Сэди уже случалось стоять там когда-то и размышлять о том, что будет дальше.

В прошлый раз, когда я видела ее телефон, фоном служили градиентные оттенки лилового.

Первым делом я открыла ее сообщения, чтобы посмотреть, отправила ли она мне эсэмэску, которая так и не пришла. Но обнаружила только мои собственные сообщения во входящих. В первом я спрашивала, где она. Второе состояло из трех вопросительных знаков.

В ее телефоне я была записана как *Эйви*. Так она звала меня, когда мы выходили на люди, оказывались в толпе, в окружении тел, когда все казалось размытым от выпивки — *ты где, Эйви?* — будто бы она заявляла окружающим, что я принадлежу ей.

Больше там ничего не было. Ни сообщений еще от кого-нибудь, ни нашей прежней переписки. Я не знала, может ли полиция получить доступ к ее давним сообщениям — с помощью телефона или без него, — но мне здесь было не на что рассчитывать. Список вызовов тоже был пуст. Никаких звонков или сообщений не поступало после последних отправленных мной. Я полагала, что телефон утонул и что именно по этой причине его не было в Сети, когда полиция предприняла попытку пинга. Но, снова взглянув на трещину в верхнем углу, я задумалась, роняли его или швыряли и не отключился ли он по той же причине, по которой треснул экран.

Боялась ли Сэди чего-либо, когда стояла на пороге моей комнаты? Было ли выражение ее лица неуверенным, словно она ждала, что я составлю ей компанию? Или спрошу, что случилось?

Я щелкнула по иконке электронной почты, но ее рабочий почтовый аккаунт деактивировали по прошествии года после смерти. Ее второй, личный почтовый ящик был переполнен, но ничего актуального в нем не нашлось: спам, объявления о распродажах, возобновляющиеся напоминания о встречах, шанса отменить которые ей так и не представилось. Все предшествовавшее ее смерти было уже недоступно. Я старалась не сделать с ее телефоном ничего такого, что можно было бы отследить и заметить — например, не щелкала по непрочитанным письмам, открывая их. Но, если просто пошарить в телефоне, от него не убудет.

Затем я перешла к фотографиям — странице миниатюрных копий снимков, которые остались неудаленными. Я села за свой письменный стол и принялась листать фотографии, а телефон тем временем продолжал заряжаться. Пейзажные снимки Литтлпорта: извилистая горная дорога в туннеле, образованном деревьями, пристань, утесы,

Брейкер-Бич в сумерках. Мне всегда казалось, что Сэди не интересуется фотографией, но у Литтлпорта есть свой способ оказывать влияние на людей. Побуждать их видеть больше, открывать душу и вглядываться еще раз.

Просматривая снимки, я увидела среди них несколько более личных: Сэди и океан за ее спиной, Сэди и Лус у бассейна, Паркер и Лус напротив нее за столом, во время ужина где-то вне дома. Чокаются бокалами. Смеются.

Я прекратила листать. На снимке человека, при виде знакомого лица которого у меня замерло сердце.

Темные очки, руки заложены за голову, поза лежачая на спине, голый торс и загар. Коннор на своей лодке. Сэди, стоящая над ним, чтобы щелкнуть камерой в телефоне.

Может, эти снимки как-то попали в руки полиции. Может, поэтому полицейские и расспрашивали так настойчиво про Коннора. Про этих двоих вместе. Он мог отпираться сколько хотел, но вот же он, прямо здесь.

* * *

Сэди знала Коннора по имени почти так же давно, как меня. Но, насколько я могла судить, раньше они никогда не общались. В то первое лето, пока мне открывался мир Сэди, она с безудержным любопытством изучала мой мир.

От моих рассказов у нее загорались глаза, и чем возмутительнее были эти рассказы, тем лучше. Это занятие стало зависимостью — выбирать подробности той мрачной, одинокой зимы и облагораживать их для нее.

Рассказывать, как я провела ту зиму в оцепенении, будто застыло само время. Как напивалась, словно в поисках чего-то, уверенная, что я обязательно найду искомое, если погружусь еще глубже. Как ссорилась с друзьями, отталкивала их, совершала дурацкие, опрометчивые поступки. Никому не доверяла и в ответ теряла доверие всех и каждого.

Долгое время мне все прощали — случилось горе, и разве не стала я шаблонным воплощением трагедии, застряв в замкнутом круге

гнева и горечи? Но окружающие наверняка сообразили, что я слишком скоро поняла: горе не создало ничего нового, чего не существовало прежде. Оно лишь обострило то, что уже имелось. Сняло путы, некогда оберегавшие меня.

Вот тогда-то и появилась настоящая Эйвери Грир.

Но Сэди все воспринимала иначе. А если и так же, то ничего не имела против. Не считала, что меня следует сторониться.

Мы целыми днями просиживали в патио «Харбор-Клуба» с видом на пристань и центральные улицы, заказывали лимонад и смотрели, как люди бродят по магазинам, расположенным ниже по склону. Сэди всегда подсыпала в свой лимонад еще несколько пакетиков сахара, хоть я и видела, что он уже не растворяется и крупинки плавают на поверхности.

Она указывала на кого-нибудь из людей внизу, привлечших ее внимание:

— Стелла Брайант. Наши родители дружат, так что вечно она где-нибудь рядом. Поистине невыносимо.

Или еще:

— Олсен, один из друзей Паркера. Я с ним целовалась, когда мне было четырнадцать, с тех пор он боится даже слово мне сказать. Кстати, я до сих пор не знаю его имени.

Однажды она указала соломинкой поверх перил ограждения, в сторону пристани:

— Кто это?

— Кто?

Она закатила глаза:

— Тот парень, на которого ты поглядываешь.

И уставилась на меня не мигая, и я тоже, пока наконец не вздохнула и не откинулась на спинку моего кресла.

— Коннор Харлоу. Дружба переросла в роман, и оказалось, что очень напрасно.

— А-а, — откликнулась она, оживилась и придвинулась ближе, опираясь подбородком на ладони. — Ну же, продолжай. Выкладывай все начистоту.

Худшее я пропустила — о том, в кого я превратилась прошлой зимой. Не стала рассказывать о себе то, что сама предпочла бы не

знать. Не упомянула, что он был моим самым давним другом, вдобавок самым близким, — это место теперь занимала сама Сэди.

— Обычная история. Переспала с ним разок еще до того, как поняла, что лучше этого не делать. — Я поморщилась. — А потом еще раз, когда уже знала, что не стоит.

Она рассмеялась громко и удивленно.

— А потом, — продолжала я, — поскольку саморазрушению неведомы границы, на следующей неделе он застукал меня на пляже со своим другом.

Она дважды моргнула, у нее заблестели глаза.

— Ну, в таком случае, — здравствуй. Рада знакомству. Я Сэди.

Я засмеялась.

— А потом, — продолжала я, подогретая ее реакцией, — я заявила домой к нашей подруге пьяной. В мини-отель «Мыс» — знаешь такой? То есть в стельку пьяной, и разыскивала его. Убежденная, что они с моей подругой Фейт сошлись на почве моего тогдашнего состояния. А когда Фейт попыталась успокоить меня, я закатила такой скандал, что ее родители вызвали полицию.

Рот Сэди округлился, стал идеально круглой буквой «О». Она была в восторге.

И еще одна подробность, кульминационный момент из моей жизни:

— Полиция прибыла как раз вовремя и увидела, как я толкаю Фейт. Она споткнулась о шланги — ну для бассейна, знаешь? Упала и сломала руку. Черт знает что.

Это признание стоило сделать уже ради того, чтобы увидеть выражение лица Сэди.

— Тебя забрали в полицию? — вытаращив глаза, спросила она.

— Нет. Городок маленький, Фейт не стала подавать в суд. Так что отделалась предупреждением. Несчастный случай, — я изобразила в воздухе кавычки для «несчастливого случая», хотя именно им он и был. Я не хотела навредить Фейт — не то чтобы я была в состоянии помнить детали. И все же, как вскоре выяснилось, местное население в массе не отличается снисходительностью, когда речь идет о рукоприкладстве.

Сэди отпила еще лимонада, не сводя с меня глаз.

— Насколько же твоя жизнь интереснее моей, Эйвери.

— Очень сомневаюсь, — сказала я.

Позднее Фейт назвала меня *чокнутой, долбанутой*, сказала, что мне *лечиться надо*. Если даже самые близкие друзья махнули на тебя рукой, пиши пропало. Но реакция Сэди меня восхищала. И я продолжала делиться подробностями той зимы — безрассудством, неуправляемостью, — сознаваясь в каждой из них. И ощущая нечто вроде облегчения, которым сопровождается передача деталей собственной жизни кому-то другому. Когда мы наконец встали, Сэди схватилась за стол, чтобы не упасть.

— Голова закружилась, — объяснила она. — Кажется, у меня передоз твоей жизни.

Я сделала книксен.

— Мне показалось, честности ради следует подготовить тебя.

Все то, что обычно отталкивало людей, только притягивало ее, и мне захотелось большего. Заставить ее смеяться и качать головой. Наблюдать, как я скатываюсь к размытому краю. Стать всем, что я пыталась забыть, до тех пор, пока через два месяца не кончится сезон и она не уедет. Ненадолго наведается домой, в Коннектикут, а потом вернется в бостонский колледж.

Мы обменивались эсэмэсками. Мы созванивались.

В мае следующего года, когда она наконец вернулась, я ждала ее на утесах, и когда она сказала: «Просто доверься мне», я так и сделала — не думая, не предполагая, что возможны варианты. Она повезла меня прямо в тату-салон в другом городе, находившемся южнее по побережью, через два от нашего, и велела: «Закрой глаза».

* * *

Коннор был моим. Моей историей, моим прошлым. Но с годами границы между жизнью Сэди и моей начали размываться. Ее дом стал моим домом. Ее одежда лежала в моем шкафу. Ключи от машины висели на обеих связках. Появились общие воспоминания. Я восхищалась Грантом по ее примеру, не выносила Бьянку, потому что так к ней относилась Сэди. Мы ненавидели и любили в паре, одно и то же. Я смотрела на мир ее глазами. И думала, что вижу что-то новое.

Но про Коннора она мне не рассказывала, а я не замечала. Меня слишком отвлекла пропажа денег на работе и последовавший за ней скандал. И то, как меня избегали и игнорировали после этого, повторения подобных ощущений я не желала.

Я принялась просматривать ее контакты в алфавитном порядке: *Би, папа, Юниор*. Последнее относилось к Паркеру — так она стала в шутку называть его, чтобы побесить, когда он неожиданно пропустил стадию подросткового бунта.

— Когда-нибудь компания достанется ему, — объясняла Сэди, отвечая на мои расспросы. — Звездный любимчик. Юниор сраный.

— А тебе?

Я знала, что она изучала финансы, стажировалась у отца, сама постигала тонкости работы компании. Бизнес мог бы с таким же успехом и полным правом достаться ей.

— А мне — никогда. Нос не дорос.

Я просмотрела контакты на буквы «К» и «Х», но Коннора в них не нашла и обнаружила его только в самом конце списка. Туда его имя попало потому, что было записано со звездочкой в начале — «*Коннор».

Я так и не узнала, что говорилось в предсмертной записке Сэди. Знала только, что она существовала и что после этой находки дело закрыли — следовательно, она все объяснила.

Но, прежде чем записку нашли, у полиции имелись причины раз за разом расспрашивать меня о Конноре Харлоу, и, видимо, все дело было в намеке на тайные отношения, на то, что стоит скрывать.

И вот теперь — его снимок в ее телефоне, его имя со звездочкой, словно она указывала на него.

Да, врать он всегда умел.

* * *

Я подключила мобильник Сэди к своему ноутбуку и стала перекачивать к себе фотографии.

Копирование еще продолжалось, когда на подъездную дорожку медленно въехала машина. Я выглянула в окно рядом с моей входной дверью как раз вовремя, чтобы увидеть, как Паркер выходит из

машины, не заглушив двигатель, открыть дверь гаража. Я свернула переписанный список имен с указанием времени и старательно засунула его поглубже в сумку.

Мне требовалось поговорить с Паркером. В принадлежащую его компании недвижимость кто-то проникал уже дважды, и незаконность этих проникновений не вызывала сомнения. Шум по ночам, следы на песке.

А еще я думала о том, что с Сэди рядом кто-то был после того, как я отослала ей то сообщение. Некто, который стоял на утесах рядом с ней. Спорил. Может, толкнул ее. При этом телефон упал на камни и треснул. Некто подобрал его, пришел на вечеринку, а когда явилась полиция, спрятал телефон. Некто, который все-таки побывал на вечеринке. Некто, способный ускользнуть с нее и вернуться обратно так, что об этом никто не узнал.

Глава 8

Дверь гаража была открыта, Паркер стоял спиной ко мне, роясь в багажнике своей черной машины.

— Минутка найдется? — спросила я, и он вздрогнул от неожиданности.

Он захлопнул багажник, обернулся, схватившись за сердце, и покачал головой.

— Ты меня до инфаркта доведешь.

Гараж здесь был не менее шикарным, чем большой дом: раздвижная дверь, как в амбаре, наклонный потолок той же конструкции, что и в доме. Внутри — безукоризненный порядок: красные баки с бензином для генератора в углах, инструменты на стенах — вероятно, ими пользовались только ландшафтные дизайнеры, банки с краской на полках — напоминания о том, что двумя годами ранее в доме кое-что перекрасили.

Но на всех вещах здесь виднелся слой пыли, слегка пахло выхлопными газами и химикатами. Позабытое продолжение владений Ломанов.

Я переступила с ноги на ногу.

— Ты не заметил ничего такого с тех пор, как вернулся?

Он нахмурился, вокруг рта обозначились морщины — раньше их не было, а то я бы заметила.

— «Ничего *такого*»? Что ты имеешь в виду?

— Прошлой ночью в гостевом доме отключалось электричество. Так уже бывало пару раз. А мусорный бак ты сам видел. — Я покачала головой, давая ему понять, что не придаю случившемуся особого значения.

На этот раз на его лице возникла знакомая морщинка — между бровями.

— Наверное, ветер. Вчера ночью он ощущался даже в машине, пока я ехал сюда.

— Да, ты прав. Я просто спросила. В большом доме все в порядке?

— Пожалуй. Да мы мало что в нем оставили. Идем, — он жестом позвал меня выйти из гаража. — Хочу его запереть.

Что бы он ни говорил, его как будто точили тревожные мысли. Рука слегка дрожала, пока он задвигал дверь гаража и возился с замком. Паркер, которого я знала, не терял присутствия духа, но утрата проявляется у людей по-разному. В признаках возраста, болезни, боли. В дрожи пальцев, перевозбуждении нервной системы. В медленном заживлении ран.

Летом, после того как погибли мои родители, острая боль скручивала мне ноги каждую ночь, хоть я по всем меркам была уже слишком взрослой для невралгии роста. И тем не менее каждую ночь бабушке приходилось растирать мне икры, пятки, подколенные впадины, а я крепилась, лежа на постели, пока напряжение не ослабевало. Закрыв глаза, я до сих пор могла представить себе прикосновение сухих бабушкиных пальцев, ее сосредоточенность на единственной помощи, которую она могла оказать. К тому времени, как спустя несколько месяцев боли прошли, я уже была убеждена, что заслужила свое место в мире и в этом теле.

Может, смерть Сэди делает Паркера чем-то большим, чем он был ранее. Придаст ему глубины и сострадания. Умения смотреть в перспективу, чего ему всегда недоставало.

Он направился к дому, и я подстроилась к его шагу.

На ступенях крыльца он остановился, повесив связку ключей на палец.

— У тебя все, Эйвери? На этой неделе я работаю удаленно. Надо еще успеть сделать пару звонков.

— Нет, не все. — Я прокашлялась, жалея, что нельзя вернуться в предыдущую ночь, когда мы сидели в доме на диване и Паркер расслабился от спиртного, стал более уязвимым и открытым. — Я тут думала про расследование. И про записку.

Паркер покачался с пяток на носки, под ним заскрипели доски.

— Узнать бы, для кого она была написана. — Я ничего не могла поделать с собой и со своим желанием узнать это. Сообщение Сэди мне так и не прислала. К кому же тогда были обращены ее последние слова?

Хмурые морщины на лице Паркера снова стали глубже.

— Не знаю. В смысле, ни к кому конкретному. Мы же нашли ее в *мусоре*.

— А тебе не кажется, что она собиралась оставить ее тебе?

Он потер лицо ладонью, сунул ключи обратно в карман и сел на ступеньку крыльца.

— Не знаю. Не знаю, чем вообще объясняется половина поступков Сэди.

За все годы, пока я знала их, особой близости между Сэди и Паркером не наблюдалось. Несмотря на одни и те же круги общения, как профессиональные, так и личные, интерес этих двоих к жизни друг друга оставался поверхностным.

Я нахмурилась, присаживаясь рядом с Паркером, и заговорила тихо, тщательно выбирая слова, словно опасаясь нарушить баланс момента:

— О чем говорилось в записке?

— А какая теперь разница? Не знаю, вроде бы о примирении и так далее. Наверное, она была для папы и Би.

— О примирении? То есть? — Он уже не слушал. Оперся ладонями о ступеньку, оттолкнулся, чтобы встать, но я схватила его за запястье, удивив нас обоих. — Прошу тебя, Паркер: что именно было в записке? Это важно.

Он многозначительно уставился на мою руку на запястье, и я медленно разжала пальцы.

— Нет, Эйвери, не важно. С этим покончено. Я не помню.

В этот момент я и поняла, что он врет. Как он мог не помнить? Ее последние слова, которые я пыталась разгадать и вызвать к жизни, глядя на мерцающие точки на своем телефоне, были обращены к нему. Но его они, возможно, не интересовали. Он не видел ее так, как я. Не запоминал ее слова всякий раз, когда она их произносила, не хранил их, не откладывал в памяти, чтобы потом пересмотреть.

— Она еще у тебя?

Он пожал плечами, потом вздохнул.

— Видимо, по-прежнему в полиции.

Мы стояли так близко, что я видела, как напрягся мускул на его челюсти.

— Но если бы записка и вправду была настолько невнятной, с *«примирением и так далее»*, этого оказалось бы недостаточно, так?

Полиция не смогла бы с уверенностью сказать, что она прыгнула сама. Во всяком случае, не на сто процентов.

Он скосил на меня глаз.

— Она была одержима смертью, Эйвери. Слушай, ты ведь тоже это знала.

Я медленно заморгала, припоминая. Да, она не упускала случая упомянуть про то, что могло навредить нам, но я никогда не воспринимала это всерьез. А между тем наше знакомство началось с предостережения насчет столбняка и сепсиса. И эта тема продолжалась, в неожиданные моменты всплывая на поверхность. Как предостережение, шутка, черный-пречерный юмор. Изохренная игра. Но порой я не сомневалась. В том, что это игра. И не знала, то ли я участвую в ней, то ли остаюсь доверчивым зрителем.

Вспышка воспоминаний — как мы дремали на шезлонгах у бассейна, полуденное солнце припекало кожу. Как я почувствовала ее руку на моей шее, пальцы под челюстью. От этого прикосновения я разом открыла глаза.

— А я уж думала, вдруг ты умерла, — сказала она, не убирая руку.

— Я уснула.

— Знаешь, так бывает: мозг вдруг перестает подавать легким сигнал дышать. Обычно при этом просыпаешься, хватая воздух. А иногда — нет.

Я приподнялась, чтобы сесть, и только тогда она отдернула руку. Инстинктивно я прикоснулась к тому же месту, пощупала его, пока наконец не почувствовала биение пульса.

— У тебя, кажется, и впрямь сдвиг на этой почве, — пошутила я.

— Ну, просто я забеспокоилась, что не смогу применить недавно приобретенные навыки сердечно-легочной реанимации, спасти тебе жизнь и тем самым сделать тебя своей вечной должницей.

Улыбка на моем лице стала отражением ее улыбки.

Она никогда не усматривала угрозы смерти в том, что могло действительно навредить нам: в неумеренном пьянстве рядом с глубокой водой, в машинах, на которых мы ездили, в людях, которых едва знали. В том, как мы подначивали и подталкивали друг друга, пока что-нибудь не вмешивалось, и обычно этим вмешательством становилось завершение сезона отдыха, и она уезжала, а зима охлаждала и замедляла все: мой пульс, мое дыхание, ход времени. И

так до тех пор, пока не доходило до крайности, но уже другой, и каждый день превращался в ожидание проблеска весны и обещания нового лета на горизонте.

Паркер назвал это одержимостью, но нет, это была не она.

Одержимость я видела в кипах рисунков в мастерской моей матери, в лодках, выходящих в океан еще до рассвета день за днем. Одержимость была тем тяготением, которое не давало сойти с орбиты, силой, к которой притягиваешься, двигаясь по спирали, даже если смотришь при этом в другую сторону.

— Если говоришь о чем-то, это еще не значит, что так и *сделаешь*, — наконец ответила я. Другой вариант из возможных был слишком мучительным — она звала на помощь, а мы просто отступили подальше и наблюдали.

Паркер тяжело вздохнул.

— Порой она так пристально смотрела на свои вены... — Его передернуло, и у меня учащенно запульсировала кровь. — Неизвестно, что происходило у нее в голове. Если все обобщить, это объяснение выглядит наиболее логичным.

— Но почему они были настолько уверены, что это вообще ее записка?

— Сравнили с образцами ее почерка. — Он наконец поднялся со ступеньки и вытащил ключи от дома.

Значит, я все-таки ошиблась, предположив, что мобильник представлял опасность. Он нашелся там, где ему не следовало быть, но за прошедшие одиннадцать месяцев мог попасть в дом разными способами. Может, Сэди обронила его по пути к краю утеса или оставила рядом со своими золотыми сандалиями. Может, кто-то заехал за ней тем вечером, когда я заезжать не стала. Тот, кто нашел телефон и под влиянием минутного импульса забрал его. В попытке уберечь нечто достойное, что было в нем, то, что следовало держать в тайне.

Теперь, зная о фотографии Коннора и его имени в контактах, я задумалась: неужели это был он? Неужели он каким-то образом заполучил ее телефон и запаниковал, хорошо представляя, что может быть внутри. И потерял или оставил его в суматохе той ночи, когда приехала полиция. Потому и явился в «Голубую мухоловку» сегодня сразу после меня. Будто слышал, что в доме побывали посторонние, и встревожился.

В конце концов, есть способы прищучить человека, не сажая его в тюрьму. Подать гражданский иск о смерти в результате неосторожных действий. Я слышала о таких в новостях — когда виновные доводили кого-нибудь до самоубийства, убеждали совершить его, давили, не давая увидеть другого выхода, и получали заслуженное наказание благодаря родственникам покойного.

Существует столько видов правосудия. В том числе вызывающих больше удовлетворения, чем вид неподвижного бронзового колокола с меланхоличной надписью, бесконечно далекого от всего, что отличало Сэди при жизни.

Мне представилось, как она поспешно царапает записку. Комкает ее. Глядит в окно. Сжимает зубы.

Сэди не так уж часто писала от руки. Записи она вела в своем мобильнике, посылала эсэмэски и письма по электронной почте. Ноутбук на ее письменном столе всегда был открыт.

— Паркер, — сказала я, когда ключ был вставлен в замок, — а с какими образцами они ее сравнивали?

Его рука замерла.

— С ее дневником.

Но я снова покачала головой. Бессмыслица.

— Сэди не вела дневник.

Дверь со скрипом открылась, он шагнул через порог и обернулся.

— Значит, вела. Значит, ты многого не знаешь. Неужели это так странно — что она не стала посвящать тебя в подробности своего дневника? Она далеко не все тебе рассказывала, Эйвери. А если ты считала иначе, значит, ты слишком много мнила о себе.

Он захлопнул дверь и так нарочито резко повернул ключ в замке, что я услышала, как отозвался щелчок в деревянной раме.

Подумать только, а ведь я чуть было не показала ему телефон Сэди.

* * *

Паркер с самого начала не желал видеть меня здесь. И ясно давал это понять как словесными, так и прочими способами, даже когда решение уже было принято. Гранту нужна была недвижимость моей

бабушки, которой я так или иначе рисковала лишиться. Ипотеку удалось выплатить благодаря небольшой сумме, полученной по страховке жизни моих родителей, — ее все равно не хватило бы надолго, зато она подарила мне ощущение места, которое я с полным правом могла назвать своим домом. Так что главной проблемой стал не остаток ежемесячных выплат. А все сопутствующие расходы — страховка, налоги, коммунальные услуги. Пришли последние счета за лечение бабушки, и вдруг все обязательства свалились на меня. Но все-таки у меня был дом. А больше мне было некуда податься. Из-за приезжих цены взлетели и вытеснили нас с рынка жилья, так что самое большее, на что я могла бы рассчитывать, — это лишь квартира на расстоянии нескольких миль от побережья.

На дом нашлись и другие покупатели — жители Стоун-Холлоу, не желающие, чтобы участок отошел под строительство недвижимости, сдающейся в аренду, — однако Ломаны предложили мне не просто сделку. Но и шаг в их мир, жизнь на их территории, возможность стать частью их круга общения. И я продала Ломанам дом, а вместе с ним и душу.

Когда Грант посулил мне их гостевой дом, а я сказала, что этот пункт должен был закреплен в письменном виде — опыт научил меня не верить на слово никому, несмотря на все благие намерения, — он запрокинул голову и расхохотался, как сделала бы Сэди. «А ты не пропадешь, детка», — вот что он мне сказал. Compliment был ничтожнейший, но я помню, как в тот момент меня окатила теплая волна тепла. И я поверила, что и впрямь не пропаду, что и он разглядел это во мне.

Но позднее, после того как Грант оформил бумаги, я слышала их спор. Паркер говорил слишком тихо и невнятно, но я слышала, как Сэди упрекала его в эгоизме, а Грант ровным тоном объяснял, что все уже решено и это не обсуждается.

После этого Паркер прекратил спор, но только он один никак не помог мне с переездом.

Бьянка взяла на себя практические вопросы — помогла мне завести почтовую ячейку и указала свой адрес в качестве физического местонахождения, так что теперь мое существование было официально связано с ними: Эйвери Грир, для вручения по адресу Лэндинг-лейн, дом 1.

Сам Грант помогал с вещами в бабушкином доме, нанял нескольких грузчиков для перевозки коробок, осмотрел участок, общую конструкцию дома, состояние комнат. Изучал все досконально, оценивал, решал, постоит дом еще или пойдет под снос.

Сэди тоже приезжала, заявляя, что иметь дело один на один с Грантом Ломаном никому не посоветует, но я с благодарностью принимала его деловую хватку со всем ее грубоватым отсутствием сентиментальности.

Мне казалось, в его руках я обретаю форму. Там снятая стружка, тут деталь, признанная излишней и отброшенная. И так до тех пор, пока от тебя не остается лишь то, что стоит сохранить. Жестко и эффективно, как он подходил в равной мере и к проектам, и к людям.

В конечном итоге у меня остался только штабель коробок, помеченных красным маркером Сэди. С витиеватой «П» — «продать», с наклонной «О» — «оставить». Вся моя жизнь, упорядоченная ее умелыми руками.

Четыре коробки — с собственными моими вещами, которые стоило сохранить. Еще одна — набитая вещами моих родителей, бабушки и дедушки. Свадебные альбомы, памятные реликвии. Семейные портреты, записная книжка с рецептами из бабушкиной кухни, обувная коробка с перепиской, которую дедушка вел с бабушкой из заграницы. Папка с документами, согласно которым все некогда принадлежавшее им переходило в мое владение. Как будто переезжала не только я, но и вся моя предыстория. Все люди, которые привели меня к этому моменту во времени.

Мне представилась Сэди с маркером в руке и колпачком в зубах.

Тот момент, когда она выпрямилась и обвела взглядом мой пустой-пустой дом. Место одинокого существования, которое я собиралась оставить ради чего-то нового. Грант стоял под окном, отвернувшись от него, поставив одну ладонь на бедро, а другой держа телефон возле уха. В доме было тихо. Сэди словно оторопела на миг, сжала губы, будто эмоции могли выплеснуться в любую секунду. Казалось, она впервые увидела меня не так, как прежде. «Все будет хорошо, Эйвери».

И в тот момент — в выпотрошенном доме, который я чуть было не потеряла, чувствуя себя так, будто я наконец пробила себе путь хоть куда-то, — я ей поверила.

В то время все они казались такими великодушными. Но весь прошлый год я провела здесь, на утесах, совсем одна, и компанию мне составляли лишь призраки. Сэди на моем пороге, как в последний раз, когда я видела ее. Моя мама, шепчущая мне на ухо, спрашивающая, что я вижу.

Так я и продолжала вглядываться в прошлое, пытаюсь понять, в какой момент все пошло наперекосяк. При этом я всякий раз начинаю с самого начала.

Вижу, как Грант и Бьянка смотрят на Сэди, которая привела меня к себе домой. Представляю, как они заводят расспросы в городе, упоминают мое имя, слушают, что им рассказывают, узнают все, что только можно узнать. Наблюдают, как нить, связывающая меня с Сэди, становится тугой и прочной. Интересно, боялись ли они, что их дочь затянет в мой мир точно так же, как в их мир затягивало меня. Наверняка они понимали, что единственный способ не дать дочери сбиться с пути и сохранить контроль над ней — перетащить к себе и меня.

Вот что упускали из виду все остальные, гадая, чем я занимаюсь в доме Ломанов. Слухи, которыми они обменивались, были заблуждениями — впрочем, как и мои оправдания. То, в чем я поначалу усматривала великодушие, со временем начало восприниматься как попытка контроля. Как истинный вкус положения Сэди Ломан. Красивой марионетки на ниточках. Нечто способное подтолкнуть ее к краю.

А что для этого требуется — купить твой дом и поселить тебя здесь. Спонсировать твою учебу, в некотором роде руководить тобой. Дать тебе работу, следить за тобой, проложить тебе путь.

Мой дом — твой дом. Твоя жизнь — моя жизнь.

Здесь не будет ни замков, ни секретов.

Глава 9

Перед уходом я внесла в телефон Сэди лишь одно изменение. Выполнила только одно удаление, рассудив, что его не заметят.

Прежде чем отключить телефон, я удалила из настроек один из отпечатков пальцев.

* * *

Вести машину до полицейского участка — почти то же самое, что и до пристани. Дорожные заторы из машин и пешеходов в центре города. Толпы зевак повсюду, откуда виден океан, и в озелененной зоне отдыха. Пришлось пробираться сквозь все это, чтобы достичь здания на склоне холма у самой окраины района пристани.

Я свернула на парковку, с которой была видна пристань внизу — сплошь гладкий белый камень и оконные стекла в здании администрации порта.

Детектива Коллинза я спросила в вестибюле у изогнутой стойки, которая подошла бы скорее отелю, чем полицейскому участку. Женщина за стойкой взялась за телефон, назвала мое имя, попросила меня подождать и указала на ряды стульев у окна. Она была обманчива, эта открытость, эти гудящие яркие лампы — все они внушали мысль, что тебе нечего утаивать.

Едва успев устроиться на жестком сиденье, я вдруг сообразила, что женщина даже не спросила, кто я, — она и так знала. Не то чтобы я удивилась этому. Мое имя в округе упоминалось в разной связи с тех пор, как мне исполнилось четырнадцать.

«Произошел несчастный случай».

Так просто и безобидно было названо то, что перевернуло всю знакомую мне жизнь.

Темная дорога в горах, крутой поворот — и моя жизнь вмиг изменилась, пока я спала. Меня отвезли в больницу, провели в маленькую приемную. Дали еды, к которой я не притронулась, и газировки, которая шипела у меня в горле, так что я поперхнулась. Так

я и сидела там, верила лишь наполовину и изо всех сил пыталась вспомнить, как в последний раз виделась с родителями.

Папа крикнул мне из прихожей: «В холодильнике осталась пицца», мама сунулась ко мне в комнату, обутая в одну туфлю — вторую она держала в руке: «Не сиди допоздна». Я показала ей большой палец, не отводя мобильник от уха. Разговор с Фейт продолжался, и мама, заметив это, одними губами беззвучно выговорила: «Пока». Это последнее, что мне удалось вспомнить о них. Они отправлялись на выставку в городок на расстоянии нескольких населенных пунктов от нашего и брали с собой мою бабушку.

Я уснула перед телевизором. Даже не подозревая, что случилось страшное.

Женщина-полицейский положила мне руку на плечо, пока я сидела в больнице и глядела на шипящую газировку: «Есть еще кто-нибудь, кому мы можем позвонить?»

Сначала они пытались дозвониться до Харлоу, но в конце концов за мной приехала миссис Силва. Я просидела в пустом номере минителя, пока следующим вечером не выписали мою бабушку. На ней не было ни царапины, только из-за удара о дерево на нее надели шейный ортез. От этого столкновения весь перед машины сложился гармошкой. Поначалу все думали, что и бабушка погибла. Так утверждал полицейский, попавший на место аварии первым. В статье говорилось о том, как он, новичок на этой работе, случайно наткнулся на место аварии и как был потрясен и перепуган — видимо, эта встряска разом перенесла его в действительность.

Статью я прочитала всего один раз. Этого было более чем достаточно.

Полиция объяснила, что отец даже не попытался затормозить, съезжая с дороги, и, скорее всего, дремал за рулем, как и бабушка на заднем сиденье. Я часто думала о том, как всех нас угораздило той ночью уснуть. Как вообще можно нестись в темноте на автопилоте, не сознавая, что делаешь и куда едешь.

Четыре года спустя меня привезли в участок после скандала с Фейт. К тому времени единственным человеком, кому можно было позвонить по поводу меня, осталась соседка моей бабушки, Ивлин.

— Эйвери? — Детектив Коллинз ждал у входа в вестибюль. Он кивнул, я встала. — Рад снова видеть вас. Пойдемте, — он провел

меня в тесный кабинет в дальнем углу вестибюля, занял место за своим столом и жестом предложил мне сесть напротив. Кабинет был скудно обставлен, поверхность письменного стола пуста, в застекленное внутреннее окно за моей спиной просматривался вестибюль. Глядеть здесь было не на что, кроме как на самого Коллинза. — Вы насчет церемонии открытия? — спросил он, откинувшись на спинку кресла так, что пружины протестующе скрипнули.

Я сглотнула пересохшим ртом.

— И да, и нет, — и стиснула руки, чтобы они не тряслись. — Я хотела спросить у вас про записку Сэди.

Он замер, прекратил покачиваться в своем кресле.

— Предсмертную записку, которую она оставила, — пояснила я.

— Помню, — подтвердил он и не добавил больше ни слова, ожидая продолжения от меня.

— Что было в этой записке? — спросила я.

После паузы он выпрямился и придвинулся ближе к столу.

— Боюсь, это касается только ее семьи, Эйвери. Так что лучше спросите кого-нибудь из ее родных. — Он как будто знал, что я уже предприняла такую попытку и ничего не добилась.

Я смотрела на стены, на стол — куда угодно, только не ему в глаза.

— Я тут опять подумала о том, что случилось той ночью. Все точно уверены, что это ее записка? То есть уверены всецело и полностью?

В комнате стало так тихо, что я услышала его дыхание и еле различимое тиканье его часов. Наконец он втянул ртом воздух.

— Ее, Эйвери. Мы установили сходство.

Я небрежно отмахнулась:

— Я слышала, с дневником. Но у нее не было дневника, детектив.

На моем лице сосредоточился взгляд его глаз — зеленых, а я раньше этого не замечала. В нем не чувствовалось неприязни, он, пожалуй, даже симпатизировал мне.

— Возможно, вы знали ее не так хорошо, как вам казалось.

— Или же, — подхватила я громче, чем собиралась, — может, это чья-то чужая записка. В том же доме гостила Лусиана Суарес. Записку

мог написать кто-нибудь из клининговой компании. Ее мог оставить кто угодно.

А полицейские могли поспешить, сравнивая записку с образцами ее почерка, — потому что хотели поскорее получить результат. Действовали методом подгона, подбирали наиболее похожие фрагменты, а не наоборот.

В прошлом году эти известия застали меня врасплох, поэтому я ни о чем не расспрашивала. Меня ошарашило то, как глубоко я заблуждалась в своей оценке происходящего. Как уже во второй раз не заметила что-то жизненно важное.

Детектив неторопливо, палец за пальцем сложил руки на столе. Его ногти были подрезаны под корень.

— Послушайте, совпал не только почерк. — Он покачал головой. — Как и в дневнике, там были свидетельства ее внутренней, душевной работы. Вдобавок очень мрачные.

— Нет, — возразила я. — Она не в том смысле.

То же самое я сказала Паркеру. А что, разве это не правда? В день нашего знакомства она перечисляла грозящие мне опасности так, словно видела их — подбирающиеся к нам, всегда готовые нас поглотить. Эта повседневность смерти — она заигрывала с ней. «Смотри не убейся», — сказала она, когда я остановилась слишком близко к краю в темноте. Будто уже тогда отчетливо представляла это себе.

Он печально покачал головой:

— Эйвери, не только вы что-то упустили, понимаете? Никто ничего не замечал. Порой знаки становятся очевидными лишь по прошествии времени.

У меня перехватило горло. Он потянулся через стол, его широкая ладонь помедлила возле моей и отдернулась.

— Год прошел. Все я понимаю. Как возвращаются воспоминания. Но через такое прошли мы все. Дело закрыто, сегодня мы вернули Паркеру ее личные вещи.

Так вот на что, должно быть, смотрел Паркер в своей машине, когда я неожиданно окликнула его в гараже, — на вещи, привезенные из полиции.

— Все сходится. Напишите статью, приходите почтить ее память на церемонию открытия памятника и живите дальше.

— Сходится не все, — возразила я. — Она должна была встретиться с нами там. Но что-то случилось. — Я сунула руку в сумочку, вынула ее мобильник и положила перед детективом.

Он не прикоснулся к нему, только уставился во все глаза. Такого он не ожидал.

— Что это?

— Телефон Сэди. Я нашла его сегодня в «Голубой мухоловке» — доме, который сдается в аренду и в котором все мы были в ночь ее смерти.

Он не сводил глаз с телефона.

— И вы *только что* нашли его.

— Да.

— Год спустя, — он недоверчиво прищурился, словно я его разыгрывала. Как быстро изменилось его поведение. А может, это я изменилась в его глазах.

— Он лежал на дне сундука в большой спальне. Я нашла его, когда вынимала оттуда одеяла, чтобы освежить их. Сколько он пролежал там, не знаю, но она не теряла его перед смертью. — Я сглотнула, с нетерпением ожидая, когда он сам сделает качественный скачок в выводах: если они ошиблись в одном, значит, могли ошибиться и во всем остальном.

Он покачал головой, по-прежнему не прикасаясь к телефону.

Однажды, несколько летних сезонов назад, Сэди пыталась добиться, чтобы ее арестовали. По крайней мере, так мне тогда казалось. Я повезла ее на пристань среди ночи, хотела кое-что показать ей. Мир, в который она сама ни за что не получила бы доступа, — как способ продемонстрировать, чего я стою. Я знала, как пройти через контору на пристани, еще с тех пор, как таким путем ходил Коннор: поднять ручку, одновременно как следует толкнуть дверь, рассчитывая угол удара, а затем взять ключи его отца из кабинета в глубине конторы, отвязать лодку, оттолкнуть ее от причала и запустить мотор.

Но кто-то, наверное, заметил, как мы проскользнули внутрь. Я не успела пройти через контору, как вдруг в окно посветили фонариком, и я метнулась в обратном направлении, к задней двери, которой пользовались редко. А Сэди застыла на месте, уставившись в освещенное окно. Я дернула ее за руку, но к тому времени

полицейский уже вошел — я знала его в лицо, но не по имени. Впрочем, это не имело значения, потому что мое-то имя он знал.

Он вывел нас наружу, к своей машине. И не стал задавать мне вопроса, которого я привыкла ждать, — кому позвонить насчет меня: он уже знал, что я отвечу.

— Ваше имя? — спросил он у Сэди, но она не ответила. Ее глаза были широко раскрыты, она крепко сжала губы и покачала головой. Полицейский попросил ее сумочку, висящую через плечо. Вытащил оттуда ее бумажник, посветил фонариком на водительские права.

— Сэди... — начал читать он и осекся. Прокашлялся. Сунул права обратно в бумажник, вернул Сэди сумочку. — Слушайте, девушки: это предупреждение. Проникновение незаконное, и в следующий раз, когда мы вас поймаем, оформим нарушение и привод, понятно?

— Да, сэр, — ответила я. С облегчением, как от первого глотка выпивки, согревающего кровь.

Он вернулся к себе в машину, Сэди стояла посреди парковки и смотрела, как он уезжает.

— Что должна натворить здесь девчонка, чтобы ее забрали в полицию? — спросила она.

— Сменить твою фамилию, — ответила я.

Ее фамилия имела вес. Но она не козыряла ею. В этом не было необходимости.

До меня дошло: пока я с ней, мне обеспечена такая же степень защиты.

* * *

Ее фамилия до сих пор имела вес, и детектив по-прежнему не прикасался к ее телефону, лежащему у него на столе. Существовали дела, в которых требовалось соблюдать осторожность, — не важно, умер кто-то или нет. Поколебавшись, детектив взялся за свой телефон.

— «Прошу прощения. Хотелось бы мне, чтобы такое не понадобилось», — наконец сказал он и взмахом руки выпроводил меня из кабинета.

— Что? Какое «такое»?

Он покачал головой.

— Это ее записка. Так в ней было сказано.

Глава 10

«Прошу прощения. Хотелось бы мне, чтобы такое не понадобилось».

В середине Харбор-драйв я ударила по тормозам: какая-то женщина вышла на пешеходный переход, не оглядевшись. И теперь стояла перед моей машиной, всматриваясь сквозь ветровое стекло. Мои руки тряслись на руле. Машина остановилась на расстоянии считанных дюймов от незнакомки.

В зеркало заднего вида все еще просматривался полицейский участок на вершине холма. Женщина выставила ладонь барьером между собой и моей машиной, беззвучно выговорила губами «осторожнее!» и двинулась через улицу. Как будто я не заметила, насколько близко подъехала. Как будто она не осознала, как близко подошла *она*.

В этот момент я увидела Сэди, стоящую на краю утесов. Голубое платье трепетало на ветру, бретелька соскользнула с плеча, под глазами расплылась тушь, руки дрожали. Увидела, как она обернулась и на этот раз посмотрела на меня широко открытыми глазами...

Стой.

* * *

Мне требовалось кому-нибудь позвонить.

Но не детективу, который только что смотрел на мобильник Сэди так недоверчиво. Не Паркеру, который даже не сказал мне о только что привезенных из полиции личных вещах Сэди. И не Коннору, который отмалчивался, хранил секреты от всех...

Пока я размышляла, зазвонил мой телефон. Еще один номер, которого не было в моем списке контактов. Неужели детектив Коллинз уже решил позвать меня обратно? Потому что в ее телефоне что-то нашли или им понадобилась моя помощь, чтобы выяснить, что означает некая находка? Я включила громкую связь.

— Это Эйвери?

Судя по голосу, девушка. Женщина. Особа промежуточного возраста.

— Да, кто говорит?

— Эрика Хопкинс. С обеда.

— А, привет.

Она прокашлялась.

— Джастин просила меня созвониться с вами. Статья о Сэди нам понадобится завтра, самое позднее — к полудню.

Вчерашний день казался далеким прошлым.

— Статью я смогу переслать вам по электронной почте сегодня вечером, а вот фотографию в цифровом виде — скорее всего, не получится. У меня нет доступа к сканеру.

Не могла же я обратиться к Гранту или Бьянке с просьбой дать мне снимок их покойной дочери в высоком разрешении, хоть и следовало бы выбрать один из принадлежащих им, которые некогда висели на стенах в Брейкерсе. В сущности, более подходящего варианта я не видела.

— У нас назначена встреча с Паркером Ломаном на месте проведения церемонии завтра, около одиннадцати. Прямо у входа на Брейкер-Бич. Может быть, там вы и передадите нам фото?

Где-то в доме находились личные вещи Сэди Ломан, только что привезенные Паркером из полиции. Паркер говорил, что сегодня работает из дома, и со стороны подъездной дорожки я видела свет у него в кабинете, на верхнем этаже.

Завтра около одиннадцати он уедет. Дом будет пуст.

— Почему бы вам не заехать ко мне после встречи? — спросила я, ставя машину возле гаража. — Буду ждать вас у гостевого дома. Только отправьте мне эсэмэску, когда будете в пути.

В большом доме сейчас находится дневник, возвращенный Паркеру. Предмет, с помощью которого установили подлинность якобы последних слов Сэди Ломан. Свидетельство, на основании которого закрыли дело.

И мне требовалось увидеть его.

Нечто зловещее и коварное прокралось сюда. Казалось, я только что привела в движение силы, которые теперь была не в состоянии остановить.

У себя в спальне гостевого дома я открыла дверцу стенного шкафа и вытащила оттуда единственную коробку, которая так и осталась нераспакованной, — ту, что Сэди пометила своим почерком буквой «О» — «оставить». Остальные я со временем разобрала, все мое немногочисленное имущество, которое стоило привезти с собой. Но эта последняя коробка содержала вещи моих родителей и бабушки.

Хоть сам этот дом и не принадлежал мне, я знала, что никто не посмеет даже прикоснуться к этой коробке. Сколько раз Сэди ни заглядывала ко мне в шкаф, до коробки она не дотрагивалась.

Я вынула свадебный альбом родителей и бабушкины письма, бережно отложила их в сторону. И продолжала разбирать вещи, пока не дошла до маленькой обувной коробки.

Внутри хранились снимки Сэди, ранее расставленные и развешанные по всему дому Ломанов. С каждым годом к ним прибавлялись новые. Но и прежние Бьянка не убирала — просто вставляла очередные снимки в те же рамки поверх старых, так они и накапливались. Как наслоения краски, они медленно росли в толщину, пока я не вынимала наиболее давние и не убирала их к себе на хранение.

Поверхности снимков немного попортились оттого, что к ним прилипли новые фотографии, уголки обтрепались, от соприкосновения с рамками на них появились пятна. Там, где раньше красовались детские портреты, появились снимки с выпускного бала. Выпускные фото сменились сделанными на каникулах: Сэди у Эйфелевой башни, Сэди в красном горнолыжном комбинезоне на фоне гор, Сэди рядом с Паркером где-то в тропиках, у берега океана.

И вот теперь я перебирала эти забытые снимки, подыскивая среди них подходящий для статьи. Господи, как взбесилась бы Сэди. На каждом фото она выглядела или слишком юной, или чересчур счастливой. Имела вид, никак не сочетающийся с целью статьи. Нужен был снимок, вызывающий симпатию у всех и каждого — как у посвященных, так и у остальных. Сэди должна была казаться и открытой, и в то же время недосыгаемой.

Наконец я остановила выбор на фотографии с ее выпускной церемонии в колледже. Держа в руке диплом, она слегка запрокинула

голову, словно готовясь рассмеяться. Воплощение Сэди. Воплощение трагедии.

Этот снимок запечатлел какое-то начало. Оно было уже совсем рядом, но его прервали. Начало смеха, ее жизни. То, что, как мне теперь казалось, отняли у нее.

Потом я сложила остальные снимки обратно в коробку и спрятала в шкаф, где они остались вместе с памятью о других людях, которых я потеряла.

* * *

«Сэди Дженетт Ломан будет удостоена памятника в Литтлпорте».

Я барабанила пальцами по краю клавиатуры, ожидая, когда найдутся слова. И смотрела на фото Сэди в выпускной мантии, на фоне голубого неба над куполом здания.

«Несмотря на то что девять месяцев в году Сэди Ломан проводила в Коннектикуте, именно Литтлпорт был ее самым излюбленным местом во всем мире».

Это она сама сказала мне при первой встрече. А теперь ей предстояло стать частью истории Литтлпорта.

Мы обладали давним для такого маленького города прошлым, живущим в нашей коллективной памяти. Его населяли призраки — как из давних легенд, так и из сказок на сон грядущий. Рыбаки, пропавшие без вести в море, первый смотритель маяка — их крики разносились эхом в ночи, вплетенные в завывания ветра. Скамьи в память о ком-нибудь и в честь кого-нибудь; коробки, перевозимые из дома в дом. Здесь мы носили свои утраты с собой.

Приют рискованных людей, благосклонный к смелым.

Я пыталась найти для Сэди место в этой истории. То, к чему она была причастна.

Да, смелой она была — это безусловно. Но не это хотелось услышать людям. Скорее, что она любила океан, своих родных, эти места.

Вот что бы я сказала, если бы решила открыть правду.

Сэди взбесило бы все происходящее — от колокола до надписи и дани уважения. Она уселась бы на утесах, глядя вниз, на пляж, где

собрались бы мы все, держала бы в руке бокал и смеялась. Литтлпорту были чужды сочувствие и извинения — точно так же, как и ей. Она была таким же порождением здешних мест, как любой из нас.

Возможно, она потребовала бы, чтобы о ней забыли. В качестве противовеса за осознанную ошибку. В глубине души она наверняка понимала, что зашла слишком далеко.

Но Сэди Ломан ни за что не стала бы просить прощения. Ни за то, кем являлась, ни за то, что сделала.

* * *

«Прошу прощения. Хотелось бы мне, чтобы такое не понадобилось».

Два простых предложения. Найденная записка. Скомканная, среди мусора.

Каковы шансы, что все это была ошибка? И что полицейские и ее родные увидели одно, а поверили в совсем другое?

Какова вероятность, что выбор Сэди пал на те же самые слова, к которым я прибегла ранее тем летом — те, которые записала сама на листе бумаги, сложила его пополам и оставила для нее на письменном столе?

Лето
2017

Вечеринка «плюс одна»

21:30

Случилось все сразу. Со светом, звуком, атмосферой.

Отключилось электричество. Пропали музыка, свет в доме, голубая подсветка под водой в бассейне. Повсюду стало темно.

Внутри набилось слишком много народу. Мои уши все еще гудели от музыки. Кто-то наступил мне на ногу. Я услышала звук разбитого стекла и понадеялась только, что это не окно. Остались только звуки и запахи. Приглушенный шепот, нервные смешки, пот, шлейф запаха средства для ухода за волосами от кого-то, проходящего мимо, а потом — пряный аромат одеколona.

На мое плечо легла ладонь, дыхание овеяло шею. Я замерла, сбита с толку. А потом услышала вопль. Все прекратилось — шепотки, смех, толкучка. Комнату озарил луч фонарика в телефоне, затем другой, а потом и я вынула свой телефон из заднего кармана и тоже посветила.

— С ней все в порядке! — крикнул кто-то снаружи. Вся масса людей качнулась в сторону задних дверей.

Я пробилась сквозь толпу, глаза постепенно привыкали к темноте. Снаружи тучи заволокли звезды и луну. Одинокий луч света от маяка рассекал небо над головами и тонул в нем.

К ней, конечно, уже подоспел Паркер, обоих обступили полукругом зрители. Поначалу я видела лишь темный силуэт, скорчившийся на руках у Паркера. Он растирал ей спину, она выкашливала воду. «Ну-ну, все с тобой хорошо», — говорил он ей, а потом она повернулась лицом к свету. Элли Арнолд.

Сэди знала ее всю жизнь и считала приставучей. Говорила, что Элли на все готова, лишь бы привлечь к себе внимание, поэтому в первых моих мыслях о случившемся не было ни великодушия, ни сочувствия.

Но, когда я присела на корточки рядом с ней, она была так потрясена, выглядела такой несчастной, что я поняла: она не нарочно.

— Что случилось? — спросила я.

Она промокла насквозь и дрожала, одежда облепила тело.

— Она ничего не видела, — ответил за нее Паркер. — Оступилась.

— Меня *толкнули*, — поправила Элли, обхватив себя обеими руками. — Когда в бассейне погас свет. — Она закашлялась и снова всхлипнула. Длинные волосы липли к ее лицу и шее.

— Все хорошо. С тобой все в порядке, — повторила я вслед за Паркером и усмехнулась, радуясь, что вокруг темно. Глубина бассейна не превышала четырех футов — реальная опасность Элли вообще не грозила, несмотря на ее нынешнее состояние. Все, что от нее требовалось, — нащупать ногами дно и встать.

Гораздо больше меня тревожили ее вопли, далеко разнесшиеся в ночи.

Одна из подруг Элли наконец-то пробралась сквозь толпу.

— Боже мой! — ахнула она и зажала рот ладонью. Потом схватила Элли за руку.

— Уведи ее в дом, — распорядился Паркер, помогая Элли встать. Ее слегка пошатывало, она оперлась на руку подруги, толпа расступилась перед ними.

— В ванной под раковиной полно полотенец, — сказала я. — Наверняка найдется и банный халат.

Паркер оглянулся на дом. В окне мелькнул янтарный язычок пламени — чья-то зажигалка, язычок коснулся фитиля свечи.

— Пойду посмотрю, — сказала я. Отсюда трудно было судить, отключилось электричество во всем городе или только на нашей улице. Если только на нашей, придется звонить, и вечеринке конец. Вариант получше — если отключение произошло во всем городе. И самая большая удача, если в доме сработали предохранители, вырубив сразу колонки и свет из-за перегрузки.

В доме кто-то уже разыскал остальные свечи и выстроил их в ряд на подоконниках и в пирамиду — на подставке в центре кухонного стола. Парень с зажигалкой закончил обход нижнего этажа, и повсюду образовались тускло освещенные уголки. Лица по-прежнему прятались в тени, но я видела, куда иду, направляясь к электрощитку.

Дверь в большую спальню в дальнем углу прихожей была приоткрыта — по крайней мере, суматоха выманила оттуда гостей.

Щиток находился внутри стенного шкафа в прихожей, я посветила себе телефоном. И сразу испустила вздох облегчения:

проблема оказалась из тех, которые я могла устранить сама. Все цепи были разомкнуты, тумблеры в положении «отключено». Я перекидывала их один за другим, глядя, как снова загорается свет, а люди оглядываются, на миг теряясь и не вполне понимая, где очутились.

С последним щелчком неожиданно взревели колонки, и у меня екнуло сердце.

— Скажи кому-нибудь, чтобы убавили громкость, — попросила я парня, стоящего неподалеку. Того самого, который обвинил Грегга Рэндолафа в интрижке с Кэрис Фонтейн. — И выключили хотя бы некоторые лампы.

— Слушаюсь, мэм, — криво ухмыльнулся он.

Я направилась в большую ванную, где над Элли хлопотали две ее подружки. Сама Элли была явно напугана и сгорала от стыда, и я впервые усомнилась во впечатлении, которое у меня сложилось о ней по рассказам Сэди.

— Привет, — заговорила я, — у вас здесь все хорошо?

Кто-то из них нашел полотенца, половина которых уже лежала кучей на полу, рядом с мокрой одеждой Элли. Она куталась в пушистый банный халат цвета слоновой кости и сушила волосы таким же полотенцем. Под ее глазами остались темные следы от потекшего макияжа. Пол был скользким, весь в лужицах, зеркало запотело. Видимо, Элли наскоро приняла душ, чтобы согреться.

Элли покачала головой, не встречаясь со мной взглядом.

— Шутник сраный, — она крикнула в открытую дверь: — Пошел ты на хер!

— Вот ведь... — еле слышно пробормотала я, хотя в спальне по соседству никого не было, никто ее не слышал.

Та из подруг Элли, что была повыше ростом, переглянулась со второй, вытаращив глаза.

— Эл, угомонись.

— Электричество отрубилось, — объяснила я. — Никто ничего не видел. Это наверняка вышло случайно.

Впрочем, я понимала, что все попытки вразумить человека, который неизвестно сколько выпил, —дохлый номер.

Но Элли закрыла рот, сжала губы. Ее плечи поникли, запал угас.

— Я просто хочу домой.

Я оглядела всех троих, соображая, есть ли среди них хоть кто-нибудь достаточно трезвый, чтобы доставить ее домой, и решила, что нет.

— Сейчас поищу кого-нибудь, кто тебя отвезет.

Выражение ее лица не изменилось. Она смотрела в стену невидящим взглядом, пока я не сообразила, что под «домом» подразумевалось некое место за пределами Литтлпорта, куда она направится завтра.

— Да ладно, — невысокая подружка обняла ее за плечи. — Переоденешься в сухое — сразу полегчает. У нас с Лив половина вещей уже в багажнике. Пойдем, поищем что-нибудь для тебя.

От этих слов Элли слабо улыбнулась и покинула ванную вместе с остальными, хоть и была одета в один банный халат.

Может, Сэди все-таки права насчет нее.

Я принесла из кухни несколько мусорных мешков и запихнула в один мокрую одежду Элли, которую она бездумно оставила на полу. В другой мешок отправились уже использованные полотенца в пятнах какой-то грязи, затем я достала с полки из-под раковины еще несколько, чтобы вытереть лужи и грязные отпечатки ног с пола.

— Ни к чему это, Эйви. — Обернувшись, я увидела, что в дверях ванной стоит Паркер, глядя на меня. — Брось.

Его глаза потемнели, лицо блестело от испарины, волосы упали на лоб. От него слабо пахло хлоркой, рубашка прилипла к груди, на ней сохранился отпечаток мокрого тела Элли.

— Кто-то же должен, — отозвалась я, ожидая, что он уйдет. Но вместо этого услышала щелчок закрывшейся двери.

Он забрал у меня мусорный мешок и затолкал в него последние полотенца, которые предстояло выстирать. Мы стояли совсем рядом. В душной и влажной атмосфере ванной было трудно дышать и рассуждать здраво.

— Думаешь, я хороший человек? — спросил он, приблизив лицо к моему вплотную, так что я видела его частями: глаза, шрам через бровь, выступы скул, очертания рта.

Все в Паркере было предположительным — до таких моментов, как этот, когда на его маске появлялась трещина. Когда он показывал мне мельком какой-нибудь свой изъян и смотрел, как меня уносит. Я ни разу не сталкивалась с недостатком, в который не смогла бы

влюбиться. Скрытая незащищенность, кратковременная нерешительность. Колебания под прикрытием высокомерия.

Вот ведь какая штука: поначалу Паркер был не нужен мне. Не нужен ни разу за все годы, пока я знала, кто он такой, но еще не успела познакомиться с ним, не нужен, когда я впервые увиделась с ним в доме его родителей. Не нужен нисколько, пока Сэди не сказала, что мне его не заполучить. Я понимала, что это штамп, что я ничем не отличаюсь от множества других. Но было в этом нечто, была некая универсальная притягательность в том, что недоступно. Именно та, которая в людей определенного типа вселяет и усиливает вдвое желание.

В такие моменты, как этот, восприятие обострялось, словно я видела нечто такое, что он скрывал от всех остальных. То, чем он делился только со мной.

Я отвела волосы от его лица, он потянулся к моей руке.

— Извини, — пробормотала я, но он не отстранился. Так мы и замерли на расстоянии всего нескольких дюймов, в слишком душной комнате, где на периферии зрения я все видела размытым.

Кто-то постучал в дверь, и я вздрогнула. Представила, как Лус увидит нас здесь.

— Занято! — крикнула я и выпрямилась.

Кто-то застонал по другую сторону двери — нет, голос мужской. Но шока хватило, чтобы мы опомнились.

Пальцы Паркера ослабели на моем запястье, он медленно вздохнул.

— Когда-нибудь я, наверное, женюсь на Лусиане Суарес, и у меня будут красивые дети — порой гаденыши, но в целом хорошие люди.

— Ну ладно, Паркер. — Я отступила, у меня прояснилось в глазах. Мне казалось, ему не следовало обсуждать, насколько он хороший человек, стоя вплотную ко мне в ванной комнате, пока женщина, жениться на которой он собирается, находится по другую сторону двери. Но в этом заключалась часть его шарма.

— Ах да! — Он встряхнул головой. — Я же пришел передать тебе: какой-то парень ищет тебя, — он кивнул в сторону двери. — Иди первая. А я уберу остальное.

Я приоткрыла дверь, убедилась, что никто не ждет с другой стороны — там, где слухи могли возникнуть и разлететься мгновенно.

Увидев, что комната пуста, я выскользнула из ванной.

Прежде чем я закрыла дверь, Паркер сказал мне вслед:

— Будь осторожна, Эйвери.

**Лето
2018**

Глава 11

Утро пятницы, без четверти одиннадцать, а машина Паркера все еще возле дома. По крайней мере, я так считала. Я не видела, как она выезжает из гаража, а следила за его дверями с тех пор, как проснулась.

Правда, он мог уйти пешком и добраться по Лэндинг-лейн до входа на Брейкер-Бич. Если так, из гостевого дома я бы не увидела, как он уходит. Я открыла окна в гостиной, ближайšie к моему столу, и старалась прислушиваться, чтобы уловить, как закрывается дверь или как затихает вдалеке хруст гравия на дорожке.

Я отложила до понедельника встречу с генподрядчиком по поводу одного из новых домов. Отменила ремонт окна в «Голубой мухоловке», объяснив мастеру, что время придется согласовать заново. Мои письма в электронной почте остались без ответа, телефонные звонки я пропускала и не перезванивала. Мне не хотелось отвлекаться и упустить свой шанс.

К одиннадцати я так и не услышала, как уходит Паркер, и уже начинала гадать, был ли он вообще дома этим утром. Но в пять минут двенадцатого дверь гаража наконец скрипнула, отодвигаясь, с негромким шумом завелся двигатель, колеса прошуршали по подъездной дорожке, и вскоре все звуки затихли вдалеке.

Я выждала еще пять минут, просто чтобы убедиться, что он уехал.

* * *

Ключ от наружного сейфа со всеми запасными ключами от дома по-прежнему был у меня. Я могла бы юркнуть в любую из дверей — переднюю, заднюю или боковую, но решила, что наименее подозрительно буду выглядеть, если войду прямо с переднего крыльца. И заранее придумала, как буду оправдываться, если меня увидят: несколько раз отключалось электричество, вот я и проверяю его, чтобы потом вызвать мастера из ремонтной службы.

Войдя в дом, я заперла за собой дверь. Дом выглядел так же, как сразу после приезда Паркера. Почти нежилым. Присутствие единственного человека не налагало на него отпечатка. Дом подпадал под определение обширного, с открытыми пространствами большой площади. Где можно было сидеть и смотреть на воду.

Я рассудила, что легко замечу на нижнем этаже коробку с вещами Сэди.

На первый взгляд мне показалось, что Паркер не оставлял ее вещи ни в одной из общих комнат внизу. Его кофейная кружка стояла на кухонном столе, рядом с пустой картонкой из-под яиц.

Аккуратно сложенная стопкой почта занимала угол кухонного стола, большинство писем были адресованы благотворительному фонду семьи Ломан. Паркер, должно быть, получил их сегодня — местную корреспонденцию Ломанов всегда хранили на почте до их возвращения. Конверты были разрезаны, чеки и благодарственные письма за «вашу непрерывную поддержку» разложены по стопкам. В том числе от всех местных организаций — от строительного фонда полицейского управления, проекта восстановления исторического центра Литтлпорта, программы охраны природы. Вся щедрость Ломанов сводилась к бесплодной кучке бумажек.

Кроме почты, только одна деталь нарушала совершенство интерьера — смятые декоративные подушки на диване, где Паркер сидел, когда мы говорили с ним в его первую ночь здесь.

Я направилась вверх по лестнице, изогнутой широкой дугой. В спальню Паркера в правом конце коридора я заглянула прежде всего. Комнаты наверху были обращены окнами к океану, широкие двери от пола до потолка вели на отдельные балконы.

У Паркера все выглядело как всегда — постель не заправлена, в шкафу пустые чемоданы, ящики комода не до конца задвинуты. В стенном шкафу коробки с вещами не нашлось. Только две пары обуви и слегка покачивающиеся плечики, потревоженные моим приходом. Под кроватью и на комодке тоже ничего не было. Я выдвинула несколько ящиков комода, но увидела в них только летнюю одежду, которую Паркер привез с собой.

Следующей комнатой была родительская спальня, и все в ней, как и ожидалось, выглядело нетронутым. И тем не менее я бегло осмотрелась в поисках каких-нибудь перемен. Но все пребывало в

безукоризненном порядке, в том числе отдельная гостиная зона с яркосиним креслом рядом со стопкой книг, казалось, выбранных по принципу скорее оформления, чем содержания, — все обложки были выдержаны в оттенках голубого и слоновой кости.

Комната Сэди находилась по другую сторону верхнего коридора, дверь осталась приоткрытой, и я предположила, что здесь недавно кто-то побывал. Но все в этой комнате было как будто на своих местах и в порядке. Я знала, что полиция провела здесь тщательные поиски, и задумалась, что еще они забрали. Трудно понять, что пропало, если не знаешь, что вообще ищешь.

Покрывало на кровати — гладкое, несмятое; тот угол изголовья из древесины бука, на который Сэди обычно вешала сумочку, пустовал.

Я полагала, что родители увезли ее личные вещи вместе с одеждой обратно в Коннектикут. Но по затылку вдруг побежали мурашки. От Сэди осталось достаточно, чтобы я до сих пор ощущала ее присутствие. Могла, оглянувшись через плечо, представить ее заставшей меня здесь. Как она подкралась бы ко мне легкими шагами, закрыла мне руками глаза — *не зевай*. И как мое сердце ушло бы в пятки, несмотря на ее веселый смех.

Я обернулась, и воздух, казалось, шевельнулся. Эффект планировки. И акустики. Проекта, который подчеркивал чистоту линий, но вместе с тем выявлял любое присутствие.

В первый раз, когда я ночевала здесь, меня разбудил звук двери, закрывшейся где-то внизу, в прихожей. Сэди спала рядом со мной, закинув одну руку за голову, совершенно неподвижная. Но мне показалось, будто за стеклянными балконными дверями мелькнул свет. Я выскользнула из постели и почувствовала, как под моими ступнями спружинила половица.

Я остановилась перед окном так близко к нему, что почти прижалась к стеклу носом и выглянула наружу. Мой взгляд был устремлен в темноту за моим отражением, напряглся в поисках чего-то плотного и осязаемого. Тогда я и заметила бледную тень за моим плечом — за секунду до того, как ощутила ее.

— На что смотришь? — Сэди стояла за моей спиной, повторяя мою позу, словно отражение.

— Сама не знаю. Мне показалось, я что-то заметила.

— Невозможно, — она покачала головой.

Отступив на шаг, я поняла, что она имела в виду. Единственное, что я могла разглядеть через окно в ночи, — я сама.

А когда я всматривалась в те же окна теперь, мне казалось, что ее тень оттуда наблюдает за мной.

В ванной, прилегающей к ее спальне, по-прежнему было полно всяких средств, шампуней, кондиционеров. Щетка для волос. Тюбик зубной пасты. Ряд стеклянных флаконов — скорее для украшения, чем для дела.

Ее письменный стол, значительно изменившийся за последние два года, был задвинут в нишу, где раньше находилась зона отдыха. Прошлым летом она начала работать удаленно на полную ставку, и теперь стол имел ухоженный вид и был снабжен розетками для подключения ноутбука и принтера. Именно здесь я когда-то оставила записку для нее — вместе с коробкой ее любимой помадки, которую добыла после часа езды по побережью. Извинение и примирительный дар.

В начале прошлого лета Сэди была, строго говоря, моим начальством. Или по крайней мере человеком, перед которым я отчитывалась. Еще до того, как Грант решил, что со всей логистикой, относящейся к недвижимости в Литтлпорте, я справлюсь сама, и поручил дочери другую задачу.

В данный момент ее письменный стол был совершенно пуст. Ничего лишнего на нем я не увидела.

Последней комнатой, в которую я решила заглянуть, был кабинет — ранее принадлежавший Гранту, а теперь Паркеру. Если не считать прачечной и ванной — единственная наверху комната с окном, выходящим во двор перед домом. Окно здесь прикрывали жалюзи, чтобы не бликовал экран компьютера, который и теперь стоял на письменном столе и светил красным огоньком.

Я заметила, что Паркер мало-помалу меняет кабинет под себя — все здесь выглядело чуть иначе, чем запомнилось мне. *Юниор сраный*, называла его Сэди. Письменный стол остался прежним и стоял на красном ковре с узором, но порядок вещей на столе изменился. Желтый блокнот сбоку от ноутбука, единственная ручка, небрежно нацарапанный список, половина пунктов вычеркнута. Грант держал все необходимое в ящиках, всякий раз перед уходом методично и

неизменно освобождая стол как в буквальном, так и в переносном смысле.

Кожаный портфель Паркера был задвинут под стол. Я заглянула внутрь, но увидела лишь несколько папок с бумагами, над которыми он, должно быть, работал. Экран ноутбука был черным, но сразу становилось ясно, что Паркер убегал в спешке, наверное, потеряв счет времени. Я осторожно выдвинула ящики письменного стола, но они были в основном пусты, если не считать мелочей, скорее всего, заваливавшихся в них с прошлого лета: стопки свежих блокнотов и коробки с ручками.

Самый нижний ящик справа оказался запертым, но относился он к тем, в которых обычно хранят папки, — я не рассчитывала, что в нем спрячут коробку с вещами Сэди. И все же я открыла верхний ящик — проверить, нет ли там ключа, и обнаружила один в кучке флешек с логотипом «Недвижимости Ломана»; эти флешки раздавали клиентам в подарок вместо брелоков. Как вещь, которую с большей вероятностью будут использовать и ценить.

Но этот ключ оказался слишком большим для замка в ящике стола. И слишком маленьким для замка в двери дома.

Я сидела в кресле Паркера и оглядывала комнату. Стенной шкаф располагался у окна, в самом углу. Раньше я никогда не уделяла ему внимания, у меня не было причин подолгу задерживаться в этой комнате, а вот теперь я заметила, что ручка на дверце шкафа — единственная во всем доме, в облике которой отсутствует старомодная обтекаемость. А под самой ручкой, в металлической пластинке на двери, виднелась замочная скважина. Похоже, только здесь во всем доме обеспечивалась приватность.

Ключ подошел идеально, замок открылся.

Открывая дверь, я ожидала увидеть коробку с вещами Сэди. Тайны, достойные того, чтобы их хранить. Подробности, которые стоит скрывать. Но на полках лежали стопки толстых папок с этикетками, напечатанными жирным шрифтом — по одной на каждый объект недвижимости, сдающийся в аренду, с контрактами и чертежами внутри; еще одна папка была помечена словом «Благотворительность» — в нее неизбежно должны были попасть письма, которые я видела внизу; еще одну снабдили этикеткой «Медицина». И ничего принадлежащего Сэди. Только обычные

документы, предназначенные для хранения и убранные с глаз долой. А в документах — ничего тайного.

Была еще вероятность, что коробка с вещами Сэди до сих пор стоит в багажнике машины Паркера. Я застала его врасплох, и он передумал доставать ее, оставил надежно запертой за дверями гаража.

Убирая папки обратно в шкаф, я услышала хруст гравия под шинами. Круто обернувшись, я заметила, как солнце отразилось от металла, и блик скользнул между пластинками жалюзи. Я подошла поближе. Темная машина направлялась по дорожке к гаражу, вторая следовала за ней, но остановилась, не доезжая до гаража. Кто-то вышел из машины с водительской стороны. Каштановые волосы ниже плеч, бежевый тонкий свитер. Красные очки. Эрика.

Черт. Она поднесла руку к глазам, повернувшись к дому, и я отскочила, надеясь, что она не заметила мою мелькнувшую тень. Она ведь должна была сначала отправить мне сообщение, предупредить заранее.

Я заперла дверцы стенного шкафа и бросила ключ в верхний ящик стола, разворошив флешки и надеясь придать их кучке естественный вид. Быстро обвела взглядом комнату, чтобы убедиться, что оставляю ее такой же, как до моего прихода. Поправила кресло, убедилась, что портфель под столом закрыт. И бросилась вниз, затаив дыхание и прислушиваясь к звукам, доносящимся снаружи. Голос Паркера слышался откуда-то со стороны фасада, разобрать смысл этой половины диалога мне не удалось.

Попытавшись выскользнуть через дверь в патио в глубине дома, я рисковала попасться: меня могли застукать у черной чугунной калитки. И я сделала выбор в пользу боковой двери возле кухни за прихожей.

Я вышла наружу, тихонько притворила дверь, бесшумно вставила ключ в замок и убедилась, что дом вновь надежно заперт. Слышался голос Эрики — то тише, то громче, и смех Паркера ей в ответ. Но меня заслоняли мусорный бак и решетчатая калитка. Дождавшись очередного смеха, я метнулась к гаражу, прячась за деревьями и надеясь, что никто меня не заметит.

Десять секунд, чтобы успокоить дыхание, — и я вышла из-за гаража с другой стороны, помахав поднятой рукой.

— Всем привет! О, Эрика! Значит, ваши голоса мне не слышались.

Оба обернулись ко мне, их лица были непроницаемыми. Эрика улыбнулась первой.

— Извини, я как раз собиралась отправить тебе сообщение.

— Ничего страшного, — отозвалась я. — Ну так что? Пойдем в дом?

* * *

Эрика застыла посреди гостиной, даже не пытаясь скрыть, что оценивает мое обиталище.

У меня по-прежнему колотилось сердце, я открыла холодильник, чтобы охладить щеки.

— Дать тебе что-нибудь попить? — спросила я.

— Нет, спасибо. — Она демонстративно взглянула на часы, пока я доставала питье. — Мне уже пора обратно в офис.

Я взяла снимок Сэди с моего стола и протянула ей, не глядя.

— Этот подойдет?

Неподвижным взглядом Эрика впиалась в снимок, который держала так близко к глазам, что я видела его отсвет в ее очках. И надеялась, что фотография ее разочарует.

— Да. Хороший. — Она сунула снимок в свою сумочку и прислонилась к моему столу, выглядывая в окно. — Да, надо признать: здесь, наверху, чудесно, — сказала она. Будто продолжала разговор, начало которого я пропустила.

— Так и есть. Ты теперь постоянно живешь в Литтлпорте?

Она кивнула, все еще глядя в окно.

— Переехала после того, как в мае получила диплом. Решила пожить у тети, пока сама не встану на ноги. А она тем временем подыскала мне эту работу.

— Тебе обязательно надо посмотреть, каков вид из большого дома, — сказала я.

— Уже видела, — ответила она и обернулась ко мне, поставив руки на бедра. — Так ты, значит, и правда не помнишь.

Я покачала головой, распахнув глаза и изо всех сил стараясь припомнить, где и когда могла видеть ее у Ломанов.

— Да, вижу, что не помнишь. Я работала вместе с тобой здесь на той вечеринке. Сразу после твоего школьного выпускного.

— А-а! — Я невольно поднесла руку ко рту. И вспомнила. Не саму Эрику, а то, как Ивлин распределяла обязанности между нами: «*Эрика — в патио, Эйвери — на кухню*». Но потом эти моменты были вытеснены гораздо более яркими: кровь, ванная, Сэди. — Извини, давно это было.

— Да ничего, тетя рассказала мне, что тогда случилось. И предупредила, чтобы я держалась подальше — без обид. — Эрика прокашлялась и отвела взгляд. — Но ты, похоже, неплохо устроилась.

Я кивнула. Что можно сказать, когда сталкиваешься нос к носу с напоминанием о постыдном прошлом? Мне хотелось отмахнуться, сказать, что это было давным-давно, так что я и сама уже не помню толком. Что со стороны ее тетки это была явная гиперопека, попытка раздуть из мухи слона.

Но вместо этого я зацепилась за ее слова, чему научилась у Сэди, потому что она объяснила, что прятаться от себя бесполезно. Особенно здесь.

— Скверное было время, — сказала я.

Она моргнула разок и кивнула.

— Ну, мы же все-таки выросли.

— Твоя тетя была добра ко мне, когда я этого не заслуживала. Представить себе не могу, кто еще согласился бы нанять меня в то время, да еще на такую работу.

Она криво улыбнулась, словно припоминая какую-то шутку.

— Не стоит перехваливать ее. В тот раз она была готова исполнить все, о чем только попросят Ломаны. Да и теперь, наверное, тоже.

Я покачала головой, не понимая ее.

Эрика ткнула большим пальцем через плечо, в сторону дома Ломанов.

— Сэди Ломан — твоя подруга, да? Так вот, она звонила перед вечеринкой, просила прислать к ним тебя и называла тебя по имени. А я думала, ты знаешь.

— Да нет же, — ответила я. Этого не могло быть. Эрика все выдумала задним числом. — Я с ней как раз в тот день и познакомилась. На вечеринке.

Эрика склонила голову набок, словно пытаюсь уловить некий смысл в моих словах.

— Нет, я точно помню. Потому что эта просьба мою тетю совсем не обрадовала. Она просила меня приглядывать за тобой, проверять, справляешься ты или нет. — Она пожала плечами. — Но, как ты сказала, это было давным-давно.

Таким тоном, словно это оправдывало мой провал в памяти.

Но нет. С годами тот эпизод только прояснился, стал отчетливее. Эрика ошиблась. Тогда Сэди меня еще не знала. Все вышло случайно. Сэди застала меня в ванной, где я пряталась, пытаюсь остановить кровь.

Случайная встреча, благодаря которой мой мир изменился к лучшему.

— Ну, я пойду. — Эрика похлопала по своей сумочке, где лежал снимок. — Спасибо за фото, Эйвери.

Она направилась по дорожке к своей машине, а я застыла в дверях, провожая ее взглядом, пока она не уехала. Наверняка она ошиблась. Что-то напутала. Подменила одно расплывчатое воспоминание от приезда в Литтлпорт другим.

Я уже собиралась закрыть дверь, как кое-что привлекло мое внимание. Паркер, стоя у гаража, наблюдал за мной.

Я вздрогнула. Прижала ладонь к груди. Смущенно улыбнулась.

— Смотри, привыкнешь, — предупредила я, решив свести ситуацию к шутке. Я понятия не имела, сколько он там простоял.

Но он не улыбнулся в ответ.

— Ты в дом заходила?

У меня снова учащенно забилося сердце, я почувствовала, как щекам становится жарко, и порадовалась, что он стоит довольно далеко.

— Что? — переспросила я в попытке выиграть время и придумать оправдание получше. Неужели я умудрилась наследить в доме? Или они установили систему наблюдения? И камера с ноутбука в его кабинете записала, как я шарю по ящикам стола?

— Задняя дверь, — пояснил он, подходя ближе. — В патио. Она была открыта.

Я помотала головой. Это точно не я. Я к ней не прикасалась.

— Может, ты забыл запереть ее, — предположила я.

Он сжал губы.

— Вообще-то она даже прикрыта не была.

По моему телу пробежал холодок. Пока я осматривалась на нижнем этаже дома, все в нем выглядело в точности так, как и должно было.

— Если не запереть дверь, иногда она открывается сама собой. Или от ветра, — сказала я. Но мой голос дрогнул, и я не сомневалась, что и Паркер это заметил.

Он встряхнул головой, словно думая, что от этого в ней прояснится.

— Это я знаю. Мне показалось, я ее запер. Просто... я не помню, когда в последний раз выходил через ту дверь. А у кого-нибудь еще есть ключ? Я имею в виду, кроме тебя?

Я провела пальцем по волосам, пытаюсь разобраться в его словах — упрек в них был невнятным, но уместным.

— В клининговой компании знают шифр к наружному сейфу. Но в настоящий момент ключ у меня. Еще с той ночи. С отключениями. Я принесу его тебе.

В доказательство честности своих намерений, чтобы продемонстрировать, что я не злоупотребляла своим положением и не намерена злоупотреблять впредь.

Он отмахнулся:

— Да нет, не надо. Я только хотел выяснить. Если бы знал, что это ты, не стал бы злиться.

Но, вспомнив, каким было его лицо, когда я только заметила его стоящим у гаража, я не поверила.

И теперь думала о том, что кто-то побывал здесь, на утесах, вместе с нами. Проник в дом так же, как я. Это постороннее присутствие я ощущала, стоя в комнате Сэди. Присутствие неизвестного, который чуть не попался и, убегая в спешке, забыл прикрыть дверь.

У кого зародились те же мысли, что и у меня, и кто тоже что-то искал.

Глава 12

Кто-то шнырял по территории Ломанов. И уже не в первый раз. Судя по ночным звукам, отключениям электричества и сегодняшнему дню, когда Паркер, вернувшись домой, обнаружил, что задняя дверь открыта.

Что бы ни искал неизвестный, мне требовалось найти предмет его поисков первой. И теперь я была почти уверена, что знаю, где искать.

Гараж всегда держали запертым. Для него имелся свой, отдельный ключ, который Ломаны могли оставить ландшафтным дизайнерам и не беспокоиться о доме. Попасть в гараж сама я никак не могла. Логичнее всего было заглянуть в багажник машины Паркера, выведя машину из гаража.

— Паркер! — окликнула я, когда он был уже на полпути к большому дому. Я чуть ли не бегом догнала его и еще издалека заговорила: — Разреши пригласить тебя куда-нибудь сегодня вечером, — я преподнесла приглашение как желание извиниться. И поприветствовать его с приездом. Тем более что надвигался вечер пятницы. — Тебе обязательно надо развеяться.

Он медленно окинул меня взглядом.

— А я, между прочим, как раз собирался. Здесь, наверху, всегда так тихо.

Я вдруг сообразила, что он никогда не оставался в этом доме один. Обычно Бьянка проводила в Литтлпорте все лето. А когда в конце сезона уезжала, вместе с Паркером задерживалась Сэди.

— В восемь? — спросила я. — Могу сама сесть за руль.

— Нет, я за рулем, — решил он. Я заранее предвидела, что так и будет. Он просто не мог допустить, чтобы его заметили на пассажирском сиденье моей старой колымаги, за долгие годы изрядно потрепанной снегом, льдом и соленым ветром. — В «Логове»?

Я не бывала в «Логове» почти год. Раньше это место было излюбленным у нас с Сэди. Часть нашего мира, одно из заведений, которые открывались только в летние месяцы, как кафе-мороженое.

Теперь же я если и бывала в барах, то лишь в тех, где собирались в основном местные. Ближайшими из моих знакомых были люди, с

которыми я работала в том или ином качестве. Инспектор по недвижимости Джиллиан. Генподрядчик Уэс, — впрочем, я, как представитель компании Ломанов, так и не могла понять, в каких мы с ним отношениях. Но могла в любое время послать ему эсэмэску, договариваясь о встрече, и он приезжал. Однажды после такой встречи я предложила перебраться к нему и продолжить, и он согласился. Больше я инициативу не проявляла, и он тоже.

Кроме того, я поддерживала контакты с разными поставщиками со всего города, и они, встречаясь со мной где-нибудь, держались дружелюбно, но никогда не проявляли желания сблизиться.

Все прочие отношения не выдержали проверку временем. Ни с Коннором, ни с Фейт я так и не помирилась. От нашей компании отдалилась, когда начала учиться на курсах бизнеса в муниципальном колледже, — отговаривалась и отнекивалась, отклонила предложение снимать вместе квартиру в другом городе. Меня готовили к работе в Литтлпорте. И никакой другой город в эту картину не вписывался. Эта перспектива была самой заманчивой из всех известных мне. Нигде больше я не смогла бы видаться с Сэди.

* * *

В седьмом часу мне позвонила женщина, назвалась Кэтрин Эпплтон и сказала, что живет в «Шиповнике» — небольшом коттедже внизу, у Брейкер-Бич, неподалеку отсюда. Она объяснила, что коттедж взял в аренду ее отец, но отдыхает там она. Я терпеть не могла, когда люди так делали — арендовали жилье на свое имя для кого-нибудь другого. Но смотрела на это сквозь пальцы, пока все выглядело пристойно. Пока речь шла не о компании студентов, не питающих уважения к чужой собственности и способных нанести ей больше ущерба, чем приносила прибыли аренда. Ломаны специально оговаривали правило, запрещающее сдавать дома тем, кто не собирался жить в них сам, но я далеко не всегда придерживалась его. Меня интересовала скорее возможность непрерывной аренды, то есть практическая сторона. А как я разберусь с остальным — мое дело. И я всегда оставалась на связи, даже в пятницу вечером в последнюю неделю августа.

— Я нашла ваш номер в бумагах, — продолжала Кэтрин, как мне показалось, неестественным, натянутым тоном.

— Да, я менеджер компании. Чем могу помочь, Кэтрин? — Я прижала пальцы к вискам, надеясь, что дело, каким бы оно ни было, сможет подождать.

— Кто-то зажигал наши свечи, — сообщила она.

— Что?..

— Кто-то. Зажигал. Наши. Свечи, — повторила она, подчеркивая и отделяя каждое слово. — А никто из наших этого не делал. Так они говорят, — в трубке фоном слышался смех.

Пьяны. Только зря отнимают у меня время. А мне звонят, потому что никто не признается, — на спор: «А ну колитесь живо, не то позвоню хозяевам». Но тут я вспомнила свечу, оставленную зажженной в «Голубой мухоловке», и запах морской соли и лаванды.

— Так, Кэтрин, минутку. Нет ли в доме каких-нибудь следов проникновения со взломом?

— Ой, да я даже не помню, запирали мы дверь или нет. Извините.

Снова голоса на заднем плане. Кто-то просил дать ему телефон, Кэтрин пропустила просьбу мимо ушей.

— Что-нибудь пропало? — спросила я.

— Нет, кажется. Все вроде на месте. Просто жутко стало из-за свечей.

Я никак не могла понять, чего они хотят от меня. Зачем звонят в пятницу вечером, почему не заканчивают разговор.

— Просто мы... мы тут задумались, — продолжала Кэтрин. Фоном в трубке снова засмеялись. — С этим домом не связано никаких легенд о призраках?

Я медленно поморгала, пытаюсь въехать в суть вопроса.

— Так вы звоните из-за легенд о призраках?

В пятницу вечером мне случалось принимать и более нелепые звонки, но этот был достоин занять одно из первых мест в списке. Да что это с людьми, если первым делом им в голову приходят призраки, а не какие-нибудь здравые объяснения? Так или иначе, я рассудила, что порадоваться следует уже тому, что эти жильцы не грозились уехать и не требовали ни возврата уплаченных денег, ни срочного принятия мер с моей стороны.

Слушая невнятный смех в трубке, я подумала, что кто-то из этой компании наверняка устроил розыгрыш. И если я заеду к ним, то найду перенаселенный дом, надувные матрасы на полу и переполненный мусорный бак.

— Буду у вас утром, — пообещала я. — Проверю, что с замками.

* * *

Закончив разговор, я вытащила пачку действующих в настоящее время договоров. Завтра придется объездить все сданные в аренду дома — просто на всякий случай. О двух явных проникновениях я уже знала, а теперь еще вот это.

В любом случае арендаторы чаще всего менялись в субботу, если только семья не задерживалась еще на неделю. Все, кто собирался уехать завтра, должны были выселиться к десяти. Я договорилась с клининговыми компаниями, чтобы уборку провели в первую очередь в тех домах, где ожидалось вселение новых жильцов на предстоящую неделю. Суббота обычно становилась днем хаоса: у нас в запасе было всего шесть часов, чтобы вычистить дом и подготовить его к следующему заезду.

Я просмотрела список домов и составила расписание для себя. В настоящее время я присматривала в Литтлпорте за двадцатью двумя объектами недвижимости, восемнадцать из которых сейчас были заняты. На следующей неделе таковых должно было насчитываться шестнадцать.

Снова пройдясь по списку, я задумалась, не напутала ли чего-нибудь. Среди занятых в настоящее время домов «Закатный приют» не значился. В нем никто не жил на прошлой неделе и не должен был вселиться на предстоящую.

«Закатный приют», расположенный напротив «Голубой мухоловки», — тот самый, где я видела, как колышутся занавески, заметила, как кто-то наблюдал за мной после того, как я нашла мобильник Сэди.

Но там не должен был находиться никто.

У меня екнуло в животе. Кто-то следил. Не просто за домом Ломанов. Не просто за домами, сдающимися в аренду. А за мной.

Глава 13

Мы с Паркером шагали от парковки к «Логову», и меня вдруг пронзил острый трепет. Темнота, ожидания, мужчина рядом со мной. Заведение, где раньше я бывала постоянно, только подновленное. Вечер пятницы, полно народу. Предвкушение того, что я надеялась узнать, и уже чувствовала, что оно витает совсем рядом.

В этом баре создавалось ощущение типично местного кабака — искусственно состаренные деревянные балки, столешницы из толстых спилов дерева, закатанное в пластик меню. Но это была одна показуха. Цены, бармены, вид из окон — все выдавало заведение, рассчитанное на приезжих. Хозяева знали, что делают. Тайное сокровище, путь к которому ведет по шаткой и хлипкой деревянной лесенке, упрятанной под потемневшей от непогоды вывеской. Оставшийся на виду балкончик над каменистым пляжем, обещание самого настоящего Литтлпорта, доступного далеко не каждому.

Вот в таком ключе его и преподносили клиентам. Получив основную прибыль за четыре месяца, хозяева к октябрю заколачивали окна и балкончик и перебазировались обратно в свое главное помещение — забегаловку с бургерами и пивом в двух милях дальше от берега.

Внутри все держались шумно и разухабисто, но притихли, как только за нами закрылась дверь. Эту реакцию вызвал Паркер. Его не видели здесь все лето, и теперь завсегдатаи один за другим потянулись засвидетельствовать почтение. Девчонки в джинсах и облегающих топиках. Парни в шортах-хаки и теннисках. Все на одно лицо, не различишь. Клади ладони ему на плечо, пожимали руку выше локтя. Сочувственно улыбались. Ластились.

«Я в порядке».

«Спасибо, что помните нас».

«Ага, приехал на открытие».

В последовавшей тишине один из парней поднял стопку и объявил:

— За Сэди.

Паркера утянули к угловому столику. Он оглянулся на меня через плечо, поднял два пальца, и я стала пробираться к стойке.

Бармен коротко взглянул на меня, потом продолжал вытирать стойку.

— Чего вам? — спросил он отсутствующим тоном, словно знал, что мне здесь не место.

Пока я заказывала — бурбон со льдом для Паркера и слабоалкогольное разливное пиво для себя, — какой-то мужчина подсел ко мне, и я почувствовала, как он пялится на мой профиль. Болтать я была не в настроении, но он постучал по стойке, привлекая мое внимание.

— Тук-тук, — добавил он на случай, если я не заметила, и продолжал, когда я наконец повернулась к нему: — Привет.

Грег Рэндолф, который с таким смаком рассказывал мне в прошлом году на вечеринке про Сэди и Коннора.

— Помнишь меня?

Я приветственно кивнула, вымучив улыбку.

Вопрос был задан таким тоном, словно за последние семь лет он ни разу не видел меня в городе. Будто и не знакомился со мной возле бассейна Ломанов много летних сезонов назад, на вечеринке, которую Бьянка устроила с целью сбора средств на благотворительность. Одета в одно из платьев Сэди, я как раз одергивала его подол, внезапно показавшийся мне дюйма на два короче, чем следовало бы, когда Грег Рэндолф встал между мной и Сэди в попытке развлечь ее какими-то пошлыми сплетнями, которыми она, похоже, ничуть не интересовалась. И делал паузы, чтобы вежливо поздороваться с каждым взрослым, проходившим мимо.

«Смотри не купишь на хорошие манеры этого славного малого, — предупредила Сэди, как только он отвернулся. — На самом деле он гнусная пьянь, как его отец».

Она даже не понизила голос, и я невольно вытаращила глаза, опасаясь, что кто-нибудь ее услышит. Может, отец Грега, который вполне мог оказаться одним из взрослых в компании позади нас, или сам Грег. Но Сэди только улыбнулась, заметив выражение на моем лице: «Никто не прислушивается так старательно, Эйви. Кроме тебя». И она небрежно и неопределенно взмахнула рукой, как будто происходящее значило так мало. Все вот это вот. Несущественное.

Я так и не узнала, что произошло между Сэди и Греггом.

Бармен выставил напитки на стойку, я оставила свою карту, чтобы открыть счет.

— Это мне? — Грег указал подбородком на стакан для Паркера.

— Нет, — отрезала я, отворачиваясь.

Он схватил меня за руку, при этом содержимое стакана плеснулось мне на большой палец.

— Стой, стой. Не уходи так сразу. Я же тебя целое лето не видел. Не то что раньше.

Я чувствовала, что бармен наблюдает за нами, но, когда оглянулась через плечо, он уже отошел и теперь протирал дальний конец стойки.

Выразительно посмотрев на пальцы Грега на моей руке, я поставила напитки обратно на стойку, как будто давая понять, что не желаю скандала.

— Извини, но ты хотя бы знаешь, как меня зовут?

Тогда он загоготал, громко и самоуверенно.

— Конечно, а как же. Ты чудовище Сэди.

В нем бесило все. От того, как он произнес ее имя, до его похотливого тона.

— Что ты сказал?

Он ухмыльнулся, не спеша ответить. Было очевидно, что он упивается происходящим.

— Она же создала тебя. Мини-Сэди. Чудовище по ее образу и подобию. А теперь ее нет, а ты здесь. Все еще здесь, живешь ее жизнью.

Паркер стоял всего в нескольких шагах от меня. Я понизила голос:

— Отвали.

Грег засмеялся, а я снова взяла стаканы.

— Это для Паркера? — спросил он, когда я уже собиралась отойти. — А, теперь ясно. Значит, от одного Ломана к другому.

Я отошла, будто и не слышала.

Паркер улыбнулся, когда я поставила напитки на высокий столик, рядом с которым он стоял.

— Удачная мысль, — сказал он. — Спасибо.

Я сделала глоток и передернулась, стряхивая с себя воспоминания о разговоре у стойки.

Едва Паркер успел поднести свой стакан к губам, как к нему подошли три девчонки.

— Паркер, как приятно видеть тебя здесь.

Элли Арнолд. В прошлый раз я видела ее на вечеринке год назад, трясущуюся после падения в бассейн. А теперь ее длинные светлые волосы падали волнами и блестели, макияж был умело наложен. Идеальный маникюр на пальцах, обхвативших руку Паркера, лак изысканного оттенка розового. Две подруги Элли стояли между нами, выражая соболезнования и всем видом давая понять, чего он лишался.

Момент настал. Я похлопала себя по карманам.

— Паркер, — перебила я всех сразу, — извини, я, кажется, забыла телефон в машине. Можно мне на минутку ключи?

Он рассеянно протянул мне связку, и я, пробравшись через толпу, толкнула дверь. Пока я шла к его машине, вокруг было тихо, только один раз дверь бара распахнулась, оттуда вырвался взрыв шума, луч света, и кто-то вошел внутрь.

Я сняла блокировку, сигнал рассек ночную тишину. Отперла пассажирскую дверь, выудила свой телефон из подстаканника. Там, где оставила его нарочно, — на случай, если Паркер увяжется за мной.

Оглянувшись через плечо, я обошла вокруг машины, нажала кнопку на ключе, открывая багажник, и зажмурилась, не подготовившись к тому, что внутри загорится свет.

Потом быстро огляделась, но стоянка была безлюдна.

Пока я поднимала крышку багажника, у меня от нетерпения тряслись руки. В дальнем углу виднелась единственная коробка. Она была прикрыта пледом — судя по виду, из тех, какие возят в багажнике на всякий случай. Наверняка это и была коробка с личными вещами, возвращенными из полиции.

Сдернув с нее плед, первым делом я увидела сандалии Сэди. Те самые, которые остались той ночью на краю утеса.

Я провела по ним пальцами. Эти сандалии она особенно любила, и недаром. Золотые, но потертые сверху. Со стежками там, где ремешки оторвались от подошвы. С растянутым отверстием возле застежки, с обломанным краем замысловатой пряжки на левой сандалиии. При виде низкого каблука звук ее шагов эхом отдался в моей памяти.

За моей спиной снова открылась дверь бара, выплеснувшиеся звуки на миг затопили стоянку. Я обернулась посмотреть, но, насколько могла судить, наружу никто не вышел. Некоторое время я вглядывалась в темноту, выискивая любые признаки движения.

Наконец я снова повернулась к багажнику, отодвинула сандалии в сторону — и увидела его. Дневник. Лиловый, в черных и белых чернильных разводах. Угол обложки оторван, видны захватанные страницы под ней.

Сердце ушло в пятки, поле зрения на периферии стало размытым. И вдруг все обрело смысл. Почему записку сравнивали с дневником. Почему этот дневник насторожил полицию. Я не видела его уже несколько лет. Знакомые, в сердцах выдавленные ручкой линии на обложке, обтрепанные углы, потемневшие края.

Я быстро затолкала его в свою сумку, закрыла багажник и трусцой проделала обратный путь до бара, стоя на ногах так же нетвердо, как в ту ночь.

Да, почерк в записке и в дневнике полностью совпадал. Потому что оба они принадлежали мне.

Глава 14

Паркер уже ждал меня, когда я наконец вернулась. Элли с подружками оставили его в покое.

— Нашла? — спросил он.

Я вернула ему ключи и показала мобильник.

— Он у меня. Спасибо.

К нашему столику подошел Грег, удерживая между пальцами три стопки.

— Вот, прошу, — объявил он так, словно они оба ждали меня.

— Нет, мне нельзя, — ответила я. — Я за рулем.

Но Паркер выбрался в люди не для того, чтобы просто развеяться и предаться воспоминаниям — как, очевидно, и я.

— Всего одну, — и он придвинул ее ко мне, не сводя с меня глаз.

Я подняла стопку, как сделали и они.

— Вот-вот, — подхватил Паркер, глядя на меня в упор, пока мы чокались.

Стекло стопки звякнуло о мои зубы. Пока спиртное скатывалось вниз, мне в горло, по рукам пробежали мурашки, хоть в баре и было тепло.

Я ответила Паркеру пристальным взглядом, гадая, что ему известно.

— Ну-ну, — отозвалась я.

* * *

Три часа спустя мы наконец направлялись к дому. Хотя я больше и не пила, самой себе я казалась иссохшей, обезвоженной из-за бесконечной болтовни и бессмысленного смеха.

— Так в чем там было дело? — спросил Паркер, откинув голову на спинку пассажирского сиденья, пока я вела машину.

— С чем? — спросила я, невольно затаив дыхание. Моя сумка лежала на заднем сиденье, дневник был внутри, и мне стало страшно, что Паркер обо всем догадался.

— Не знаю, но ты вела себя как-то странно с тех пор, как мы туда приехали.

— Из-за того типа, — выкрутилась я. — Грега.

— А что с ним не так?

— Вел себя как сволочь, — сквозь зубы пояснила я.

Паркер коротко хохотнул.

— Грег Рэндолф и *есть* сволочь. Ну и что?

— Сэди его терпеть не могла.

— Сэди много кого не терпела, — пробурчал он.

«*Чудовище Сэди*». Я поерзала на сиденье.

— Он давно на нее запал, — сказала я, и Паркер нахмурился. Я видела, как он обдумывает услышанное. Да, тех, кто обожал ее, было немало. Но заполучить ее все они не могли.

* * *

Когда я свернула к дому, свет на веранде не горел. В темноте утесы казались далекими тенями. Я включила фары, Паркер отодвинул дверь гаража. Хоть он и напился, ему хватило ума поставить машину под замок.

Я завела его машину в гараж и подождала снаружи, пока он задвигал дверь обратно и запирал ее, компанию мне составляли только ночные тени.

— Спокойной ночи, Паркер.

— Зайдешь? — спросил он, неустойчиво переминаясь.

— Поздно уже, — ответила я. — Хочешь — верь, хочешь — нет, но если у тебя выходные, то мне с утра на работу.

Но он спрашивал о другом, и мы оба это понимали.

— Сэди больше нет, Эйвери. — Значит, и он был в курсе предостережения, которым Сэди удерживала меня на расстоянии. Может, точно так же она поступила с ним. Стоило Сэди сказать мне «*не надо*», и я больше не могла думать ни о чем другом, кроме него. Всякий раз, когда проходила мимо его комнаты, когда видела его тень в окнах.

Прямой запрет — это уже что-то, чем можно заняться, на чем сосредоточиться. Игра нового рода, такая непохожая на готовность

поддаваться порыву, к которой я привыкла. Я закалялась, приобретала прочность, позволяя напряжению натягивать меня туго, как проволоку.

А теперь Сэди нет, и Лус нет, и Паркер здесь, так разве осталось хоть что-нибудь, что можно испортить? Если поблизости нет никого, зато есть нечто — назревающее, неисполненное, и нечему меня остановить. Внезапно кое-что очутилось в пределах моей досягаемости.

Он качнулся в сторону дорожки, робко и неуверенно стрельнул взглядом вбок, и это меня добило. Как добивало всегда. Когда нерешительность обнажала их, делала уязвимыми, открывала в них нечто такое, что временно наделяло меня властью.

Я подступила ближе, и он запустил пальцы мне в волосы, а я поднесла ладонь к его лицу, провела большим пальцем по шраму на его брови.

Он порывисто схватил меня за запястье. Его изъясн наводил на мысль, что в этой жизни ему пришлось пробивать себе дорогу, сражаясь с чем-то.

В тени его глаза казались почти черными. Целуя меня, он провел ладонью вниз по моей шее, так что большой палец остановился у основания горла. Моя шея — в тисках его руки.

Я понятия не имела, подсознательно это было сделано или нет. Если речь о Паркере, судить трудно. Но я никак не могла избавиться от предвидения следующих трех шагов — я притиснута спиной к боковой стенке гаража, его пальцы сжимаются, в памяти звучит голос Сэди: «Знаешь, так бывает. Потеряешь способность глотать и дышать. Далеко не самая быстрая смерть — вот о чем я».

Глотнув воздуха, я отшатнулась. И схватилась рукой за собственную шею под любопытным взглядом Паркера. Интересно, что еще я упустила из виду в этом доме — способен ли Паркер причинить мне вред. Способен ли он был причинить вред *ей*.

Я выросла единственным ребенком в семье и не понимала, как обычно развиваются отношения между братьями и сестрами. Думала, что вспышки враждебности, вся эта обыденная жестокость — закономерный итог борьбы родных брата и сестры за возможность выйти из тени друг друга.

Но Сэди, наверное, знала то, чего не знала я. И может, сказав мне «не надо», она спасала меня.

Я все больше приходила к убеждению, что кто-то навредил ей. Та записка была не ее. Тот дневник — не ее. Если бы не они, полиция продолжала бы допрашивать всех нас раз за разом, пока не всплыло бы хоть что-нибудь. Чьи-нибудь показания. Ложь. Зацепка.

Дыхание Паркера было жарким и резким, мы находились здесь совсем одни.

— Что не так?

Я прокашлялась, еще раз глубоко вдохнула прохладный ночной воздух.

— Ты пьян, — сказала я.

— Так и есть.

— А я трезвая.

Он склонил голову набок, угол его рта дрогнул, загибаясь вверх.

— Ты — да.

Я никогда не умела отказывать ему или кому-нибудь из них. Не знала, как ориентироваться в оттенках их слов и причуд.

Но сейчас слишком многое было поставлено на карту. Слишком много такого, чего я не улавливала раньше.

— Вернемся на тридцать секунд назад, — предложила я, отступая и пытаюсь изобразить легкий тон. — Спокойной ночи, Паркер. Утром увидимся.

Даже в темноте я видела, как широко он улыбнулся. И чувствовала, как он следил за мной, пока я уходила.

* * *

Я вошла в гостевой дом и старательно заперла двери. И щелкнула выключателем, но ничего этим не добилась. Попробовала еще раз, но в доме по-прежнему было темно.

Черт. Снова выходить туда и лезть в щиток к предохранителю я не собиралась. Особенно на виду у Паркера. И после того, что случилось в домах, сдающихся в аренду.

Мне вспомнилась тень в «Закатном приюте», и я передернулась. Подсвечивая себе телефоном, обошла дом, задерживая повсюду шторы. Затем забрала чайные свечки из ванной, где они стояли на углах ванны, перенесла их в спальню и зажгла. Дверь спальни тоже заперла.

изнутри. Вытащила из сумки дневник. Нащупала знакомые бороздки на обложке, открыла.

«Утесы», — начинался он.

«Шоссе».

«Пузырек в аптечке».

«Нож».

Записи были сделаны так зло, что ручка оставила глубокие следы на странице; я чувствовала в этих словах силу эмоций, проводя пальцами по линиям в полутьме. Перевернула страницу, и у меня задрожали руки. Следующие страницы занимали такие же списки, как на первой. Моменты, когда смерть была рядом, в пределах досягаемости. Моменты, когда смерть приближалась вплотную.

«Подходила к самому краю, балансировала на нем».

«На самом верху маяка наклонилась вперед».

«Проснулась на пляже, хватая воздух: снилось, что начался прилив».

«Промахнулась ножом. Кровь в моих венах».

Я пыталась увидеть эти слова глазами полицейских, читавших дневник. Представляла, как Сэди делает все перечисленное и оставляет записи. Уставившись на свои вены, как рассказывал мне Паркер. Перечисляя способы, которыми могла бы умереть.

Этот дневник я не видела уже несколько лет. С той самой зимы. Когда весенняя искра так и не вспыхнула и лето потянулось точно так же, как и зима, пусто и бесконечно. Это был рассказ о скорби, о разочаровании, об уничтоженной душе.

Рассказ о том, кем я была до того момента, как встретила Сэди Ломан и выбрала ее. Моя жизнь в ее руках была перестроена и перекроена. Кончилось одиночное плавание по воле волн.

Этот дневник я вела с того самого периода своей жизни, который предпочла бы забыть, но именно он придал окраску всему, что последовало за ним. Когда меня тянуло на дно и мне хотелось только погрузиться как можно глубже, словно там, на дне, ждало меня то, за чем я гналась. В каком я была состоянии, было ясно по разрушениям, которые происходили, пока я бодрствовала.

По страницам дневника я могла точно определить, где потеряла Коннора, где — Фейт и где потеряла себя.

Когда Сэди нашла дневник? Я никак не могла вспомнить, где хранила его. Кажется, в стенном шкафу, в бабушкином доме. И забыла о нем, когда познакомилась с Сэди и мне открылся новый мир. Мир, увиденный ее глазами.

Я задумалась: неужели Сэди нашла его, когда они с Грантом помогали мне с переездом? Даже если так, непонятно, зачем она его сохранила.

Так или иначе, полиция нашла дневник в ее комнате и решила, что такой человек способен на все. Записи были *«очень мрачные»* — так сказал мне детектив. В полиции поверили, что тому, кто это написал, не хотелось жить. Что этот человек существовал во мраке и был готов сделать шаг в пропасть.

Этот дневник, горестный и злой, относился лишь к одному моменту времени. Вновь изучая его страницы, я понимала, что с его помощью пыталась выкарабкаться.

Только теперь, когда все осталось позади, я видела, насколько близко к краю я подходила. И тот мрак, в который была готова нырнуть вниз головой.

Я продолжала искать места, где таилась смерть. Многие списки заканчивались ножом. Мне вспомнилось ощущение пульсации крови под кожей. Видение разбившейся машины, тел, искореженного металла и дерева. Давление крови внутри черепа моей бабушки. Как я глазела на свои вены, такие непрочные, расположенные так близко к поверхности.

«Нож, нож» — я то и дело возвращалась мыслями к ножу.

Резкий серебристый блеск. Пустая кухня. Порыв и хаос единственного момента.

Я не ожидала, что крови будет так много. Слышались шаги. А я не могла остановить ее.

Я скрылась в ванной, зажала порез в основании кисти туалетной бумагой.

И думала: *нет. Нет.* Пока в ванную не проскользнула Сэди.

«Повезло тебе, — сказала она. — Чудом вену не задела».

Я почти не спала. Такую близость я ощущала с собой восемнадцатилетней. Мои нервы словно горели в огне.

Еще только рассветало, а я уже вела машину по улицам города — в тот час, когда можно встретить лишь рыбаков на пристани и фургоны доставки в переулках. Я ехала вверх по склону холма, мимо полицейского участка, мимо мини-отеля «Мыс», — туда, где даже при дневном свете были видны манящие вспышки маяка. А оттуда повернула на развилке дорог в сторону домов на высоком берегу.

Большинство принадлежащих Ломанам домов, сдающихся в аренду, находились вблизи воды. Живописный вид повышал стоимость аренды почти вдвое, особенно если дом был в пределах пешей доступности от центра города. Недостатки расположения домов на высоком берегу компенсировались их обширными размерами, их обычно сдавали большим семьям. А когда приближался учебный год, эти дома, как правило, пустели одними из первых.

Все ключи были при мне, на этикетке каждого значился номер дома. К этому моменту я уже знала их наперечет.

На прошлой неделе кто-то вломился в дом под названием «Конец пути» на окраине делового центра города и разбил телевизор. Кто-то проник в «Голубую мухоловку» на высоком берегу и что-то искал там. И кто-то зажег свечи в «Шиповнике» на побережье, возле Брейкер-Бич.

В последовательности этих действий мне начинала видеться не угроза Ломанам, а некое послание.

Кто-то знал, что произошло год назад. Кто-то побывал на той вечеринке и знал, что стало с Сэди Ломан.

Направляясь по дороге к домам на высоком берегу, я заметила припаркованную у тротуара перед «Голубой мухоловкой» темную машину.

Внутри виднелся неясный силуэт. Судя по позе, неизвестный смотрел в зеркало заднего вида не отрываясь.

Я припарковалась за ним и стала ждать, не заглушая двигатель. До тех пор, пока детектив Бен Коллинз не вышел из машины. И не направился с хмурым видом в мою сторону.

— Не ожидал увидеть вас здесь, — сказал он, когда я покинула машину.

— Мне приходится проверять объекты каждые выходные. Перед вселением новых жильцов, — объяснила я.

— На следующей неделе кто-нибудь будет жить здесь? — спросил он, указывая большим пальцем через плечо на «Голубую мухоловку».

— Да.

— Нет, — он покачал головой. — Переселите их. Нам надо осмотреть дом внутри.

У меня упало сердце, но я уцепилась за его слова.

— Так вы снова открыли дело? — спросила я.

Может, он все-таки поверил мне.

Детектив Коллинз отступил, окидывая оценивающим взглядом дом — простой и непритязательный, как скворечник, затерянный среди деревьев.

— Я пытался выяснить, как мог кто-то уйти отсюда незамеченным. За домом есть тропинка, верно?

Ответа на мой вопрос он не дал — в том числе и отрицательного. Значит, поверил, что у случившегося той ночью может быть совсем иное объяснение.

— Верно. До самого мини-отеля.

Добраться до него шагом можно было за пять-десять минут. А бегом — еще быстрее.

— Покажете мне дом?

Я повела его к входной двери и увидела, как внимательно он осматривается в незнакомом пространстве. Он не был в числе полицейских, которые приехали за Паркером в ту ночь. Но ранее на этой неделе он принял звонок от Доналдсонов насчет проникновения в дом.

— Покажите мне, где вы нашли мобильник, — попросил он.

Я открыла дверь в большую спальню и указала на закрытый сундук в ногах кровати. Стопка одеял по-прежнему лежала рядом с ним.

— Там, внутри, — сообщила я. — Я нашла его в углу. Похоже, он долго провалялся там.

— Так и есть, — сказал он. Крышка сундука скрипнула, он заглянул внутрь. Всмотрелся в пустую темноту и снова закрыл сундук. — Дело вот в чем, Эйвери. — Он круто обернулся на

каблуках. — Мы досконально изучили ее телефон и не нашли ничего такого, чего не знали прежде.

— За одним исключением — как он сюда попал.

Он помедлил, затем кивнул.

— Вот именно. — Он прошелся по комнате, заглянул в ванную, где я когда-то протирала пол, а Паркер стоял надо мной. — Но кое-что я все же заметил. В телефоне у нее обнаружилось столько снимков, а вас не было ни на одном.

Я замерла. Сэди и Лус, Сэди и Паркер, Коннор, пейзажи. Что угодно, кроме меня.

— Мне казалось, вы ее лучшая подруга, — продолжал он. — Вы же сами так сказали мне, правильно?

— Да.

— Но на ее снимках вас нет. В ту ночь она не ответила на ваше сообщение. А во время допросов мы собрали массу противоречивых сведений.

Я почувствовала, как что-то выплеснулось в мои вены, кулаки сжались сами собой.

— Она не ответила потому, что *с ней что-то случилось*. А на снимках меня нет, потому что в то лето я была занята. Работала.

Но удары пульса отчетливо отдавались до самых кончиков моих пальцев, и я вдруг задумалась, неужели поползли слухи — о разладе, обо мне, о ней. Я думала, никто ничего не узнал, думала, Грант сумел избежать огласки.

— Да, кстати: о вашей работе, — продолжал он, и у меня упало сердце. — Лусиана Суарес сообщила нам некоторые примечательные подробности. Это ведь было ее первое лето в городе, да?

— Да. Встречаться с Паркером она начала накануне осенью.

— Это правда, что вы взяли на себя работу Сэди?

Так вот оно что. Лус. Мне следовало догадаться.

— Лус так сказала? — спросила я, но он не ответил. Только удерживал зрительный контакт и ждал ответа. Я отмела его предположение взмахом руки, как сделала бы Сэди. — Для двух человек работы там не набиралось. Ей поручили другие задачи.

А не уволили.

— Но, если уж начистоту, вы заняли ее место.

Я поджала губы.

— Строго говоря, да.

— Знаете, что еще сказала Лусиана? — Он выдержал паузу, потом продолжал так, словно и не ожидал от меня ответа. — Сказала, что раньше вообще о вас не слышала. — Его губы дрогнули. — Сказала, что до самого приезда не знала о вас. Никто не счел нужным упоминать о вашем существовании. Даже Сэди.

— Потому что Лус считалась девушкой Паркера, — выпалила я. — Не было никаких причин упоминать обо мне при ней. — Меня опять застали врасплох. И я не заметила, как угодила прямо на допрос.

— Она объяснила нам, что поначалу была другом семьи.

— Ну и что? Это еще не значит, что у них с Сэди сложились близкие отношения.

Он смотрел на меня внимательно и пристально.

— Ходят слухи, что в последнее время вы с Сэди не ладили.

— Слухи здесь — полное дерьмо, и вы это знаете.

Тогда он улыбнулся, словно говоря: «А вот и вы». Та девчонка, которую помнил весь город.

— Просто это мне кажется странным, вот и все, — что Сэди ни разу не упоминала про вас.

Лус. Она все испортила. С этим вечно недоуменным взглядом в мою сторону — тревожным, заставляющим меня сомневаться в себе. В то лето Лус невольно стала вбитым клином, напрочь нарушившим равновесие. Если кто-нибудь и понимал, что произошло в этом доме, так только она. Всегда оказывалась рядом, когда я думала, что мы одни. Я понятия не имела, что она наговорила полиции. В то время это не имело значения из-за записки.

Детектив Коллинз снова прошелся по комнате, половицы поскрипывали под его ногами.

— Если бы от меня требовалось дать экспертную оценку, я сказал бы, что эта дружба выглядела несколько однобокой. Если бы я решил быть с вами откровенным, то признался бы, что вы, похоже, как будто одержимы ею.

— Нет, — это слово прозвучало громче, чем мне хотелось, и я понизила голос, продолжая: — Мы выросли. Нам и без того хватало обязанностей.

— Вы жили в их доме, работали на их семью, общались в ее компании. — Он вскинул руку, хоть я и не собиралась возражать. —

Знаю, знаю — вы считали их близкими людьми. Но... — он понизил голос, — относились ли они к вам так же?

— Да, — ответила я, потому что мне пришлось. Я доверяла им, потому что они выбрали меня. Приняли меня, приютили в своем доме, впустили в свою жизнь. Какой еще у меня был выбор? Меня носило по ветру, и вдруг под ногами оказалась твердая почва...

— Мне известно, какой вы были раньше, Эйвери. Через что вы прошли, — он заговорил еще тише, его поза изменилась. — Да, согласен: расклад вам достался говенный. Но неужели вам никогда, ни единого раза не хотелось очутиться на ее месте?

Я покачала головой, но не издала ни звука. Потому что да, хотелось. В то время, когда я с ней познакомилась, мной владело желание заползти в чью-нибудь чужую голову. Расправить чужие конечности. Согнуть чужие пальцы. Ощутить, как кровь пульсирует в чужих жилах. Выяснить, слышат ли и они ритм собственного сердца. Или же что-то совсем иное выплескивается в них, проникая до костей.

Мне хотелось почувствовать хоть что-нибудь, кроме горя и раскаяния, и я так и делала. У меня получалось.

— Этот телефон и впрямь вызвал вопросы во многих отношениях. Разумеется, ваши отпечатки на нем есть, ведь это вы нашли его. Так?

Я отпрянула. Неужели он решил, что я соврала?

Мне хотелось объяснить ему: записка не ее и дневник тоже.

Но я уже знала, о чем меня спросят тогда: *«Прошу прощения. Хотелось бы мне, чтобы такое не понадобилось»* — так за что же вы просили прощения, Эйвери?»

Мне хватало ума не выдавать себя больше, чем уже пришлось.

— Ну что ж, — сказал он, — содержательный получился разговор. Будем на связи.

И он постучал по двери спальни, покидая ее.

Глава 15

Меня трясло, пока я смотрела, как уезжает детектив, слишком быстро развернув машину в тупике и минуя «Закатный приют» по пути к выезду с улицы.

Они вернутся. Вот на что он намекал. Вернутся и будут соображать, как мог некто покинуть вечеринку той ночью.

Я ни на минуту не отлучалась с вечеринки и сумела доказать это. Но телефон что-то да значил. Он означал, что присутствие на вечеринке не освобождает нас от ответственности. Если ее телефон остался в доме в ночь ее смерти, вполне вероятно, что ее и убил кто-нибудь *на* вечеринке.

А тот список, который дал мне детектив Коллинз, а я в ответ вписала в него недостающие цифры —

«Я — 18:40

Лус — 20:00

Коннор — 20:10

Паркер — 20:30».

Если раньше он был нашим алиби, то теперь стал списком подозреваемых.

* * *

Подозрительно выглядело то, что я пробыла там так долго одна. Подозрительно выглядело то, что именно я нашла телефон. Детектив Коллинз заикнулся на моей роли в жизни Ломанов так, словно слухи дошли и до него.

Ссор в присутствии посторонних не было. Ничего такого, чему люди могли бы стать свидетелями и удостовериться наверняка. Только затаенное охлаждение. Ощущение, которое можно уловить лишь в том случае, если знаешь, что ищешь. Как коротко она отмахнулась от меня при всех после запланированного обеда по случаю ее дня рождения, когда я кинулась за ней, — «мне сейчас не до тебя», — как она смотрела не мне в глаза, а на мои пальцы, придерживающие ее за руку.

И тот унижительный момент на следующий вечер, когда я думала, что мы одни.

Я направлялась к «Логову» — она не отвечала на мои звонки и эсэмэски, — когда увидела, как она выскользнула за дверь вместе с Лус. Они остановились, сблизившись, Сэди на голову ниже ростом, чем Лус, которая что-то рассказывала так приглушенно и быстро, что слов было не разобрать, и жестикулировала обеими руками. Но на углу они расстались, Лус повернула к забитой машинами парковке, Сэди зашагала в сторону центра города.

Я дождалась, когда Лус скроется из виду, и позвала ее по имени, затем повторила: «Сэди!» — и единственное слово эхом разнеслось по безлюдной улице. Она остановилась прямо под тусклым уличным фонарем на углу. Ее кожа приобрела восковую бледность, волосы при свете казались скорее желтыми, чем белокурыми. Она провела пальцем по волосам, обернулась, скользнула взглядом по улице, затем прямо по мне и, сделав вид, будто не заметила меня, отвернулась. Обыденная жестокость, искусство которой она отточила на Паркере. Будто я стала невидимой. Несущественной. Чем-то таким, что она могла и создать, и уничтожить по прихоти, стоило ей только пожелать.

Она отвернулась, не задумываясь.

Я задалась вопросом, неужели Грегу Рэндолфу уже случалось произносить шепотом эти слова — «чудовище Сэди». И остальным тоже.

И неужели из-за этого детектив больше не заметил ничего.

Мне надо было уточнить и подкрепить свои показания насчет времени собственных и чужих действий, пока им не придали превратный смысл.

Но сначала — навести порядок в этом доме. Я решила перевести семью, которая должна была вселиться в «Голубую мухоловку», в «Закатный приют» через дорогу, — места там намного больше, вряд ли они будут в претензии. Но сначала требовалось осмотреть дом, в первую очередь потому, что я уже не сомневалась, что в тот день, когда я нашла телефон, из «Закатного приюта» за мной кто-то следил.

Ключ от дома лежал у меня в машине. Едва переступив порог, я поняла: что-то стряслось. Воздух в доме казался густым, вязким, ему было присуще еще какое-то свойство, которое я смогла определить лишь после того, как медленно сделала вдох.

Разом зажав рот, я интуитивно попятилась. Запах газа, настолько сильный, что я почти ощущала его вкус.

Комната была полна им. Захлопнув дверь, я бросилась бежать по дорожке прочь от дома.

В службу 911 я позвонила из гостиной «Голубой мухоловки» через дорогу, надежно укрывшись за слоем дерева и бетона.

* * *

Когда прибыла пожарная машина, я смотрела в окно, ожидая увидеть взрыв, который превратит дом в руины. Люди в форме вошли в дом вереницей, один за другим. Потом подоспел другой фургон, с бригадой рабочих.

После того как они вышли, вынося свое оборудование и переговариваясь друг с другом, я покинула свой пост у окна и встретила с ними на улице, разделяющей дома.

— Там все в порядке?

— Это вы нас вызвали? — спросил ближайший ко мне пожарный. Он был в форменных штанах, но куртку снял, оставшись в майке и бейсболке. Выглядел он на добрый десяток лет старше остальных, и я предположила, что он у них за главного.

— Да, я Эйвери Грир. Занимаюсь управлением этими объектами.

Он кивнул.

— Муфта сзади на плите ослабла. Видимо, утечка медленно продолжалась довольно длительное время, а заметить ее было некому.

— А-а, — отозвалась я. Меня подташнивало. Тень за занавесками в доме — неужели кто-то ждал, когда я войду внутрь?

Пожарный покачал головой.

— Хорошо еще, обошлось без искр, — и он жестом дал понять ремонтникам, что можно заходить без опасений. — И все же я бы проветрил дом как следует, — добавил он. И, словно заметив мое внутреннее кипение и нескрываемый испуг, положил ладонь мне на плечо. — Слушайте, все хорошо. Вы правильно сделали, мы успели вовремя. Все в порядке.

* * *

По пути домой я размышляла, не позвонить ли Гранту. Я терпеть не могла беспокоить его без острой необходимости — не хотела, чтобы он считал, будто я сама ни на что не гожусь.

Проезжая мимо Брейкер-Бич, я все-таки решилась.

Он знает, к кому обратиться, его имя придаст просьбам больше веса, чем мое. Нас учили советоваться с юристом компании, прежде чем что-либо предпринимать. Я уже нарушила это правило, впустив в дом детектива Коллинза. Если в этой утечке газа есть криминал, мне требовались указания Гранта, чтобы знать, как действовать, имея дело с полицией.

Его мобильник звонил, пока не включилась голосовая почта. Сворачивая на наклонную Лэндинг-лейн, я переключилась на громкую связь и оставила Гранту сообщение.

— Привет, Грант, это Эйвери. Извините за беспокойство, но у нас проблемы. С домами для аренды. Думаю, мне надо обратиться в полицию. Пожалуйста, перезвоните мне.

Едва вырулив на обложенную камнями подъездную дорожку у дома, я ударила по тормозам. Почти всю дорожку занимала машина — темная, дорогая с виду, знакомая.

Я объехала вокруг гаража, припарковалась на своем обычном месте, не на виду. Из-за дома слышались голоса — Паркера и еще чей-то, низкий и решительный.

Стараясь издавать как можно меньше шума, я надеялась, что мой приезд не привлечет внимания. И оставалась незамеченной, пока не приблизилась к двери гостевого дома.

Дверь была отперта. В щель падала полоска света из дома. Я затаила дыхание и медленно толкнула дверь.

Гостиная была в беспорядке. Коробка с моими вещами стояла посреди комнаты. Мою одежду вытащили из шкафа и кучей свалили на диван. В центре этого разгрома стояла Бьянка.

— Здравствуй, — произнесла она. Ее светлые волосы были зачесаны назад так гладко, что, казалось, сливались с кожей головы. Выглядела она внушительно, хоть и была миниатюрной, как Сэди, то есть как минимум на четыре дюйма ниже ростом, чем я.

— Привет, Бьянка, — ответила я. Возвращения Бьянки и Гранта я ждала с самого начала сезона.

С тех самых пор, как умерла Сэди, никто и словом не обмолвился о моей работе. Деньги на счет продолжали поступать. Мне уже казалось, что мы просто сгоряча наговорили друг другу слов, которые хотели бы взять обратно и приписать их горю с обеих сторон.

Но состояние моей гостиной говорило об обратном.

Лицо Бьянки оставалось бесстрастным, и я поняла, что жестоко ошиблась.

— Мне казалось, я велела тебе убираться, — внятно произнесла она.

Лето
2017

Вечеринка «плюс одна»

22:00

Полиция уже едет. Вот о чем все перешептывались, когда я вышла из большой спальни и присоединилась к остальным гостям вечеринки, собравшимся в другом конце затемненного холла.

Отключение электричества. Вопль Элли, свалившейся в бассейн. Кто-то услышал и сообщил о нем. Об этом за последние две минуты я слышала уже от троих. Никого из них я не знала по имени, но, кажется, одним из них был тот самый человек, который, по словам Паркера, разыскивал меня. Осознание, что меня знают, что ко мне обращаются, вызвало легкий трепет восторга. Я была здесь за главную.

По разным источникам, снаружи проезжала одна полицейская машина, или к дому подходил офицер полиции, или же кому-то из гостей позвонили с предупреждением. Но общий смысл был ясен: сюда едут.

Так, ладно. Я закрыла глаза, стараясь сосредоточиться и собраться с мыслями. Дом принадлежит семье Паркера; с Элли Арнолд все в порядке. Я обводила взглядом море лиц, пока не высмотрела ее в дальнем углу, между кухней и гостиной. С влажными волосами, уже заплетенными в косу и перекинутыми через плечо, с лицом, отмытым от подтеков макияжа, в свободной блузке и драных джинсах, сидящих низко на бедрах. Настолько низко, что сразу было видно: одежда не ее. Но она здесь, и она в порядке. В тот момент она как раз смеялась над какими-то словами Грегга Рэндолфа.

Я выскользнула за дверь, она скрипнула петлями, когда я плотно притворила ее в надежде перехватить полицию, если она уже прибыла. Я объяснила бы, что произошло, привела живую и невредимую Элли Арнолд, одного-двух свидетелей, и все это за пределами дома.

Но в ночи перед домом было безлюдно. Температура снизилась за последний час градусов на пять, а то и больше, листья шелестели на ветру над головой. Никаких полицейских машин я не заметила — во всяком случае, с включенными мигалками, — никто из офицеров полиции не ждал на крыльце. Только стрекот сверчков, мягкий отблеск

фонаря на веранде, а вдалеке, между деревьями, — ничего, кроме мрака.

Я спустилась с крыльца, дожидаясь, когда глаза привыкнут к темноте и я увижу, что творится дальше по дороге. В прорехи облаков над головой ярко светили звезды. Одним из городских постановлений предписывалось приглушать яркость фонарей, обходиться как можно меньшим их количеством, чтобы сохранить в городе поэтическую атмосферу нетронутой природы, обеспечить ему единство со своим окружением как у самой воды, так и на высоком берегу. Вот почему наши извилистые дороги не освещались. А на пляжах свет давали только костры. И маяк, единственный ориентир в ночи.

Дойдя до края газона перед домом, я заметила в конце улицы красные проблески. Тормозные фонари быстро удалялись, пока не скрылись из виду. Я всматривалась в даль, чтобы убедиться, что машина не возвращается. Что она не разворачивается и не выбирает место для парковки. Я еще долго напрягала глаза, но она не вернулась.

Надежда еще есть — может, полиция вообще не приедет. Может, машина приезжала, проехала по улице, полицейские догадались, что это просто вечеринка в частном доме. Вечеринка «плюс одна» — это они наверняка поняли. А когда увидели, о какой улице речь, и сообразили, что дом принадлежит Ломанам, то поспешили укатить.

На крайний случай у меня есть ключ от «Закатного приюта». Есть куда увести всех, если понадобится.

Вернувшись в дом, я увидела именно то, что и требовалось сделать, поняла, что все продолжили игру и продвинулись самое меньшее на три хода вперед. Алкоголь, курсирующий по моим жилам, только усилил ощущение контроля. *Я справилась*. Все в порядке.

— Эй, мы можем поговорить? — Коннор сделал шаг в сторону, преграждая мне путь. Его дыхание ощущалось так близко, что меня передернуло. Ладони зависли возле самых моих плеч, будто он собирался дотронуться до меня, но передумал.

Коннор, стоящий сейчас передо мной, мог повести меня по одному из двух путей. Мог сделать так, чтобы меня пробило на ностальгию, когда стоило ему склонить голову набок, и я видела проблеск его прежнего и прежних нас, или же так, чтобы во мне проснулось раздражение — чувство, будто у него есть тайны, в

которые я уже не посвящена, и маска, которую я не в состоянии разгадать. И целая вторая жизнь, на месте которой у меня пробел.

Он встретился со мной глазами так, словно читал мои мысли. Еще один взгляд, и я уже не могла смотреть на Коннора, не представляя себе Сэди. Изгиб ее спины, ее улыбку, запах ее кондиционера — от волос, падающих ей на лицо. И его — то, как он смотрел на нее. Кривоватая усмешка, пока он пытался скрыть, о чем думал, и сдавался, стоило ей подойти ближе.

Я уже отворачивалась, когда его ладонь легла мне на плечо. Страхивая ее, я перестаралась.

— Не надо, — сказала я.

Это было наше первое прикосновение за шесть с лишним лет, но в нем чувствовалось нечто настолько знакомое, что между нами проскочили искры эмоций.

Он застыл на месте, широко раскрыв глаза и жестом капитуляции вскинув руки.

* * *

Шестью годами раньше Коннор застал меня на Брейкер-Бич целующейся с другим. Спотыкаясь, я кинулась за ним, вся в мокром песке, облепившем кожу и одежду, со ступнями, онемевшими от ночной прохлады. Я схватила его за плечо, чтобы остановить, заставить дожждаться меня. Но, когда он обернулся, я не узнала его лица. Он заговорил приглушенным голосом, от которого у меня по спине побежали мурашки.

— Если ты хотела, чтобы я это увидел, — задача выполнена. Но ты могла бы просто сказать: «Знаешь, Коннор, по-моему, ничего из этого не выйдет».

Я облизнула губы, на которых смешались соленая вода и стыд, и, чувствуя, как все еще кружится и плывет голова, выговорила:

— Знаешь, Коннор, по-моему, ничего из этого не выйдет. — В попытке рассмешить его, вызвать улыбку, показать, насколько все это нелепо.

Но он услышал только одно — жестокость, кивнул и ушел, оставив меня там.

В первый раз после этого я видела его ночью у Фейт, когда она сломала руку. Во второй раз — у костра на Брейкер-Бич, где меня нашла Сэди и началась наша дружба. В дальнейшем мы на удивление легко для такого маленького городка избегали друг друга. Я держалась подальше от пристани и удаленной от берега части города, где он жил. Он сторонился дома моей бабушки в Стоун-Холлоу и кругов, в которых вращались Ломаны — на орбите этого мира я вскоре очутилась.

Спустя некоторое время этот процесс стал не столько активным, сколько пассивным. Мы не созванивались, не искали встречи друг с другом и в конце концов перестали даже кивать, если нам случалось разминуться на улице. Как наслоения на ране, которая затянулась. Ничего, кроме грубой кожи там, где когда-то были нервные окончания.

Но той ночью, на вечеринке «плюс одна», после того как я узнала, что на неделе его видели вместе с Сэди, было трудно не испытывать никаких чувств, когда его рука легла мне на плечо. Внезапно его интерес к Сэди стал ощущаться как личный выпад, специально чтобы ранить меня.

Может, так и было. Но оказалось, это палка о двух концах; Сэди точно знала, кто такой Коннор. За годы наши пути несколько раз пересекались. Я взглядывала в его сторону, потом отводила глаза, и она делала то же самое; когда я умолкала, молчала и она, выказывая понимание. Хотя, возможно, я преуменьшила его значение. Она наверняка прочла это по моему лицу, видя меня в то время насквозь, как я видела ее. Я невольно скрипнула зубами, потому что она должна была. *Должна* была знать. И все-таки не остановилась. Отняла все, даже это, — присвоила его себе.

Коннор оглядел гостей вечеринки, покачал головой и сказал, будто сам себе:

— Пойду. Мне здесь не место.

Мне пришлось придвинуться ближе, чтобы услышать его. И чем ближе я подступала, тем сильнее, казалось, входит лезвие мне в грудь.

«Так уходи, — хотелось сказать мне. — Пока не пришла Сэди. Пока и я не увидела».

— Извини, — сказала я. То, что следовало сказать еще в первый раз, а я этого так и не сделала.

Коннор нахмурился, но не ответил.

Со второго этажа слышались голоса, судя по звуку, что-то уронили.

— Мне надо... — я указала на лестницу и отвернулась. — Минутку... — но слово потонуло в шуме, а когда я обернулась, чтобы повторить, он уже ушел.

Наверху из открытого лофта вели три двери. Дверь в спальню слева была распахнута, но свет в ней не горел. На постели обнаружились сваленные в кучу куртки и сумки. Дверь во вторую спальню была закрыта, но в щели под ней виднелась полоска света. В ванной между двумя спальнями дверь осталась приоткрытой, и я слышала, как кто-то шепотом чертыхнулся. Я толкнула дверь и увидела какую-то девушку, отпрыгнувшую от зеркала.

— Ой! — вырвалось у нее.

— Извини. Ты в порядке?

Она поднесла руку к глазу и снова склонилась над раковиной, нисколько не стесняясь меня. Мне понадобилась секунда, чтобы сообразить, что она пытается вынуть контактную линзу.

— Застряла, чувствую ее на ощупь.

Она общалась со мной словно с давней знакомой. Может, ждала кого-то.

— Так, ладно, — сказала я, взяв ее за руки. — Дай-ка мне взглянуть.

Однажды раньше я уже оказывала такую помощь Фейт. Когда она стала носить контактные линзы, как только мы перешли в старшие классы. В то время мы доверяли друг другу даже самые уязвимые свои органы. «Ты мне в глаз ткнула». «Нет, это ты дернулась». «Попробуй еще раз». И еще, и еще.

Эта девушка стояла совершенно неподвижно, пока все не кончилось, затем быстро поморгала и внезапно обняла меня, выдав этим жестом присутствие алкоголя в крови.

— Спасибо, Эйвери, — сказала она, а я по-прежнему понятия не имела, кто она. Я моргнула, и она превратилась в Фейт, отступающую от меня. Но потом она снова оказалась в фокусе — темно-русые волосы, широко поставленные карие глаза, лет двадцать с небольшим, хотя за это я бы не поручилась. Я не знала даже, местная она или из приезжих. И в какой ситуации слышала, как меня зовут. Я никак не

могла сориентироваться. Тем более сегодня, когда все мы изображали людей, которых не существовало.

Может, все дело было в разговоре с Коннором. Мое прошлое и настоящее слились воедино. Прежняя я и новая я с боем рвались на поверхность.

— А ты?.. — начала я, как вдруг что-то ударило о стену с такой силой, что задребезжало зеркало.

Она рывком повернулась.

— Это уже второй раз, — сказала она. Мы застыли неподвижно, прислушиваясь. Невнятные голоса постепенно становились громче.

Я сообразила, что именно этот звук слышала снизу — не падение на пол неизвестного предмета, а что-то другое. Как захлопнулась дверь, кулак ударился об стену.

Выйдя в лофт, я прислушалась, а девушка направилась вниз по лестнице. Легкой походкой, как призрак. Ничуть не интересуясь тайнами, спрятанными за закрытыми дверями.

По окну лофта что-то заскребло, я вздрогнула, вгляделась в темноту. Но это просто ветка дерева качалась, задевая дом.

Я направилась к закрытой двери спальни, заранее собираясь с духом, чтобы постучать. На что я нарвусь, я понятия не имела.

Когда я уже приближалась, дверь распахнулась, из спальни пулей вылетела женщина.

Я не сразу узнала в ней Лус — встрепанную, не похожую на саму себя. При ближайшем рассмотрении оказалось, что ее глаза потемнели и выглядят странно, макияж поплыл, помада размазалась, бретелька топа съехала с плеча.

Она с силой захлопнула за собой дверь, поправила топ, потом заметила меня и попятилась. А затем переменилась в лице, рассмеялась и шагнула ближе.

— Да что тут вообще творится? — спросила она, и мне вдруг стало совершенно ясно, что от нее веет чем-то чуждым, странным и незнакомым и это что-то полностью завладело ею. Заставило сбросить маску и сделало ее одной из нас. Ее взгляд скрестился с моим.

В тот момент я думала, что она, наверное, видела все: меня с Паркером в ванной; меня с Коннором у лестницы; читала каждую мою мысль на протяжении всего лета. Я не знала, что она имела в виду

— вечеринку или Литтлпорт в целом, но в тот момент казалось, что между ними нет никакой разницы.

— Ты в порядке? — спросила я, и она разразилась грудным и резким смехом. Сделала шаг назад, и вдруг стало казаться, что последней минуты не было вовсе. А она снова стала невозмутимой Лусианой Суарес.

— Тебе лучше знать, чем мне, Эйвери.

Я закрыла глаза, снова почувствовала, как Паркер стоит надо мной в ванной и наблюдает.

— Разреши, я объясню...

Ее взгляд приобрел остроту, словно нечто новое только что обнажилось, стало зримым.

— И ты туда же? — спросила она. — Господи, — она придвинулась ближе, растягивая губы в усмешке или гримасе. — Никогда еще не видела столько лжецов в одном месте.

Лето
2018

Глава 16

Когда я наконец выбралась задним ходом с подъездной дорожки у дома номер один по Лэндинг-лейн, я увезла с собой все то же, с чем явилась сюда шестью годами ранее: ноутбук лежал на сиденье рядом со мной; коробка утрат и мой багаж были заброшены на заднее сиденье; немногочисленные кухонные, банные и письменные принадлежности в пластиковых мешках для мусора уместились на полу салона. Мне не понадобилось даже открывать багажник.

* * *

Панихида по Сэди годом раньше прошла в Коннектикуте, в не по сезону теплый день с предательски лазурным небом.

Я выбрала ту одежду, которая раньше принадлежала ей, чтобы чувствовать ее рядом; пока просовывала руки в короткие расклешенные рукава платья, представляла, как трется о ее ноги темно-серая ткань. Мне казалось, это поможет мне не выделяться. Но в ее одежде я казалась самой себе слишком крупной, молния еле застегнулась у меня на талии, длина подола выглядела скорее дерзко, чем серьезно, как смотрелась бы на ней. Я чувствовала на себе брошенные искоса взгляды пары по соседству, ткань колола кожу.

Однажды я слышала, что невозможно представить себе лицо, которого не видел в реальности. Что фигуры в наших сновидениях — это или реально существующие люди, или, если они размытые и бесформенные, — те, кого мы просто не в состоянии вспомнить после пробуждения.

А в тот день я думала, что мне снится целый город. Бесконечные ряды плоских, напряженных лиц. Повсюду, куда я смотрела, меня преследовало ощущение дежавю. Имена вертелись на кончике языка. Лица будто явились из рассказов Сэди о доме.

Когда после панихиды все вновь собрались в величественном особняке Ломанов, облицованном кирпичом, в происходящем было что-то странно привычное, то, что я почти знала. Может, все дело было

в манере Бьянки обставлять дома, создающей схожую атмосферу. Или в знакомом запахе. Дальние планы с фотографий, увиденных за несколько лет, сами собой соединились у меня в памяти. Так что я знала, что увижу за дверью, за секунду до того, как открыла ее. Справа — встроенный шкаф для верхней одежды. Третья дверь слева по коридору будет ванной, скорее всего выдержанной почти полностью в голубых тонах.

Я верю, что в человека может вселиться кто-то другой — по крайней мере отчасти. Что одна жизнь может проскользнуть в другую, придавая форму. Так что я могла судить о реакции Сэди до того, как видела ее, представлять выражение ее лица за секунду до того, как она делилась им со мной. Вот как мне удавалось предвидеть ее действия до того, как она их совершала — потому что я считала, что понимаю, как она мыслит и какие силы движут ею в конкретный момент, — кроме тех, что стали для нее последними.

Пока я ходила по дому, единственным человеком, который, как я подозревала, заметил во мне это вселение, стала Лус — с бокалом в руке она стояла на другом конце гостиной рядом с Паркером и внимательно следила за мной. Следила с тех самых пор, как Паркер познакомил нас, въехав на дорожку у дома тем летом. Поначалу мне казалось, следила потому, что не понимала, что связывает меня с Ломанами, а значит, и с Паркером. Но потом я заметила еще кое-что: она умела что-то улавливать на расстоянии. Как будто я считала невидимым что-то такое, что лишь она могла разглядеть отчетливо.

Паркер склонился к ней, что-то зашептал на ухо, и она вздрогнула, отвлекаясь. Со стоическим выражением лица она повернулась к нему, а я воспользовалась случаем, чтобы улизнуть, подняться по лестнице на площадку второго этажа. Коридор здесь выглядел светлым и просторным, несмотря на полы темного дерева и закрытые двери. Едва успев взяться за ручку на второй двери по коридору, я уже знала, что это ее комната.

Но внутри все оказалось совсем не так, как мне представлялось. Здесь еще уцелели напоминания о детстве — вроде фигурок лошадей высоко на полке. Снимки, заткнутые за раму зеркала на ее туалетном столике, — стайка девушек, которых я, кажется, видела внизу. Старшие классы Сэди проводила в закрытой школе, летние сезоны — в Литтлпорте. Ее комната была таким же временным пристанищем, как

любое другое, полным забытых вещей, так и не успевающим расти вместе с периодически возвращающейся хозяйкой.

Стеганое одеяло на ее кровати пестрело яркими красками — лиловой, синей, зеленой, — в отличие от ее постели в Литтлпорте, с белым оттенка слоновой кости. Здесь она не бывала с начала нынешнего летнего сезона, но я все искала какие-нибудь ее следы, хоть что-то позабытое здесь, что заполнило бы пустоту в том месте, которое некогда занимала она.

Я провела ладонью по извилистым полоскам узора древесины на поверхности ее туалетного столика. Затем по шкатулке для украшений с монограммой из ее инициалов — персиковой на белом фоне. Рядом с ней перед зеркалом стояло сделанное из пьютера деревце с голыми узловатыми ветвями, предназначенными для того, чтобы выставлять напоказ украшения в детской комнате. С самой дальней ветки свисала единственная цепочка. Подвеска из розового золота изображала изящно изогнутую, витиеватую латинскую «S», украшенную тонкой дорожкой бриллиантов. Я сомкнула вокруг нее пальцы и ощутила, как уголки врезались в мою ладонь.

— Я всегда знала, что ты воровка.

Я увидела ее сначала в зеркале — бледную и неподвижную, как призрак. Круто обернувшись, отпустив подвеску, и встала лицом к лицу с ней, с Бьянкой. Она стояла в дверях, одетая в черное платье-футляр чуть ниже колен и босиком. Под моим взглядом она поджала пальцы ног.

— Я просто смотрела, — в панике заверила я. Отчаянно пытаюсь удержать нечто ускользающее.

Она слегка покачнувшись в дверях, ее лицо исказилось, словно она пыталась взять себя в руки: она представляла здесь Сэди, а застала меня — в комнате ее дочери, в платье ее дочери. Впрочем, в тот раз я не знала точно, кто из нас движется — она или я. Она была так бледна, что мне казалось, стоит только моргнуть, и она растает в стене оттенка кости.

— Куда ты деваешь деньги, интересно? — спросила она, переступив с ноги на ногу так, что подошвы чпокнули, отлепившись от половиц из твердого дерева. Я чувствовала, как вместе с атмосферой меняется сама комната — ее горе нашло новый выход. — Средства на жизнь ты получаешь непосредственно от нас. Тебе не приходят счета,

у тебя нет расходов, и я точно знаю, сколько мы заплатили за дом твоей бабушки, — она сделала в комнату шаг, другой, и я отступила, почувствовав, как край туалетного стола врезался мне в тело сзади. — Может, ты и одурачила моего мужа, но не меня. Я с самого начала видела тебя насквозь.

— Бьянка, извините, но...

Она вскинула руку, обрывая меня.

— Нет. Хватит объясняться. Хватит шнырять по моему дому — по *моему* дому! — как по собственному. — Она зацепилась взглядом за фото Сэди, заткнутое за раму зеркала. Пальцем указала на улыбку дочери: — Знаешь, она ведь спасла тебя. Объяснила Гранту, что кража денег — ее затея, что только она несет за нее ответственность. Но я-то знаю. — Она потянулась к подвеске, сжала в ладони изящную «S».

Я стиснула зубы. Бьянка ошибалась. Она не сомневалась, что я обворовывала их компанию, заняла место Сэди, вынудила ее взять вину на себя, но это была неправда.

В середине июля, за месяц до смерти Сэди, я подбивала финансы по объектам для аренды, как вдруг поняла, что цифры не сходятся. Что деньги пропадают систематически и незаметно и никто не несет за это наказания.

На миг мне пришло в голову первым делом задать этот вопрос Сэди. Но я боялась разозлить ее, все лето мне и так казалось, что она держит меня на расстоянии. Это служило мне напоминанием о том, насколько мимолетно и непрочно все, что есть в моей жизни. Что все хорошее в ней ненадолго.

Я подвела итоги и передала отчеты Гранту, ни словом не упомянув о том, в чем уже не сомневалась: виновата не я, а Сэди — строго говоря, она за старшую. Мне можно многое предъявить, но я не воровка. Я ни за что не стала бы рисковать всем, чего так старательно добивалась, ради ее беспричинного бунта.

Последовавший скандал разыгрался за закрытыми дверями, и я ни разу не расспрашивала Сэди о нем. А когда мне случалось упомянуть его, она затыкала мне рот. В то время я считала, что виной всему ее безбашенность. Как в случае с ее заикленностью на смерти — стремление хоть чем-то привлечь внимание. Вечно она ходила по самому краю, проверяла, что еще ей сойдет с рук, и не задумывалась об оценке сопутствующего ущерба.

Весь месяц после этого она избегала меня, не отвечала на эсэмэски и звонки. И проявляла явный интерес к дружбе с Лус. Вместе с Паркером они составили трио, непроницаемое для остальных. Всего один месяц — и меня отлучили отовсюду, как уже случилось однажды раньше. Но на этот раз я была старше. Я умела предвидеть ход событий на три шага вперед и обратно, и точно знала, что Сэди сделает дальше, стоило ей только совершить очередной шаг.

Я оставила ей записку с извинением — рядом с коробкой ее любимой помадки. Прямо посередине ее стола, чтобы она точно увидела.

«Прошу прощения. Хотелось бы мне, чтобы такое не понадобилось».

Так что она должна была понять, что я не расстроилась и не стала относиться к ней хуже. Я понимала ее, конечно же понимала. Извиняться полагалось мне. Я сомневалась даже, что она вообще умеет просить прощения и раскаиваться. Но в этом и заключается любовь к кому-то — она идет в счет, только когда знаешь изъяны любимых, но тебе все равно.

В тот же самый вечер она прислала мне эсэмэску: «Эйви, мы выходим, давай с нами!» — больше не упоминала о случившемся, и я вернулась к ним; все сложилось замечательно.

Она постучалась ко мне в окно гостиной, прижалась к стеклу лицом — одной щекой и ореховым глазом, прищуренным от смеха. Мне она напомнила восемнадцатилетнюю Сэди; может, на это и был расчет. Я слышала на дорожке голоса Лус и Паркера.

Когда я открыла дверь, у Сэди в руке была бутылка водки. Она сама вытащила из моего кухонного шкафа несколько бокалов и плеснула в каждый не меньше двух стопок.

— А я думал, мы уходим, — сказал Паркер, возникая в открытых дверях.

— Так и *есть*. Через минуту. Не стой столбом, — отозвалась она, закатывая глаза так, чтобы видела только я. Лус прошла по комнате, как было велено, и поднесла бокал к губам.

— Стоп! — Сэди вскинула руку, и Лус застыла. — Дождись всех. — Мы взяли каждый свой бокал. — Вот-вот, — подхватила Сэди и чокнулась со мной. Ее глаза были огромными и немигающими, и мне

казалось, я видела все, что отражалось в них, все, чего она так и не сказала.

— За нас, — объявила Лус, и Паркер эхом поддержал ее.

Я чувствовала, как отзвуки пульса забились в пальцах моих ног, рук, в голове. Сэди перевела на меня выжидательный взгляд. Молчание затягивалось, момент был дурманящим.

— Ну-ну, — ответила я, и она расплылась в улыбке.

* * *

В вечер своей смерти она забрела ко мне в комнату от нечего делать, или по крайней мере так мне тогда показалось. К тому времени наши отношения уже две недели как восстановились, и мне не хотелось пошатнуть этот непрочный фундамент. Если что-то и произошло, то я слишком сосредоточилась на работе, чтобы заметить.

Но с точки зрения Бьянки, все привела в действие я. Это из-за меня уволили Сэди. Я погубила ее. Отняла у нее работу. Выдала ее родителям. Подтолкнула к неизбежному итогу.

Стоя лицом к лицу с Бьянкой, я думала, что наконец-то поняла истинную причину, по которой Сэди брала деньги, и это был вовсе не бездумный бунт. А то, о чем она сказала, когда я с распростертыми объятиями приняла ее обратно в свою жизнь, — сказала, когда все мы сидели в «Логове». В дальнем углу бара смущенно посмеивающийся Паркер со стаканом участвовал в совещании по скайпу, про которое забыл напрочь.

«Паркер может уйти от ответа буквально в любом случае, о чем бы ни шла речь. А я даже просто уйти не могу», — сказала Сэди. Это был единственный момент, когда она упомянула о скандале, вызванном ее оплошностью.

Теперь, глядя назад, я поняла, что именно это упускала. Она рвалась прочь. Из лап Ломанов, от своей прежней жизни, каким угодно способом. Прочь — это куда глаза глядят, в бескрайние дебри. И потому запасалась деньгами. В этом вовсе не было моей вины. Нет, чтобы докопаться до виновника, надо было сделать еще несколько шагов назад.

— Это сделали *вы*, — я повысила голос, подступая к Бьянке. — Представить себе не могу, каково ей было расти в этом доме.

Скорбь того же рода владела мной несколько лет назад. Только она не утопила меня, а закалила. Я ничего не стала искать на самом дне, а вместо этого выпустила на свободу нечто.

Для перехода в наступление я была вооружена всеми сведениями, какие когда-то слышала от Сэди. Вроде того шепота, которым она сообщила мне первое о своей матери: «Все должны поклоняться в святилище Бьянки Ломан».

— Почему, думаете, она покончила с собой там? — спросила я. — В том месте, жить в котором вы так отчаянно стремились? Ведь там же было безопасно — разве Грант не считал точно так же? Жить так близко к краю утесов? Но вы настояли на своем.

Давила и давила, пока не сломила сопротивление.

— Вот теперь и смотрите, что натворили, — заключила я. Меня трясло, в зеркале отражалось мое свирепое лицо. Неужели родители Сэди воспринимали ее только такой, какой хотели видеть, а не какой она была на самом деле?

Лицо Бьянки не изменилось. Осталось все той же маской бешенства.

— Вон, — сказала она. — Я так хочу. Выйди вон.

— Уже уйду. — Я обошла ее, но она выбросила руку и схватила меня холодными пальцами за запястье, впиваясь ногтями в кожу, словно давая понять, что только усилием воли удерживается, чтобы не пустить мне кровь.

— Нет, — уточнила она. — Я имею в виду — вон из этой семьи. Вон из нашего дома. Дом один по Лэндинг-лейн для тебя отныне закрыт.

* * *

Ее слова имели силу. Но, когда я вернулась той ночью в Литтлпорт, прогнать меня оттуда было некому. Издалека все выглядело туманным и неопределенным.

Никто не звонил, никто не проверял. А время, как и расстояние, многое сглаживало.

Я продолжала присматривать за объектами, а деньги продолжали поступать на мой счет.

Это была ошибка. Считать, что это такая же ссора, как в любой семье. Когда слова со временем теряют силу, а эмоции гаснут.

* * *

Почти год я не знала, действительно ли Бьянка имела в виду то, что сказала. А теперь узнала наверняка.

Сбавляя скорость, я провела машину вниз с холма, миновала Брейкер-Бич и направилась к центру города. Как когда-то моя мама проезжала через город и искала причину остановиться. Все мое имущество лежало рядом в машине.

Я притормозила у пешеходного перехода и услышала дребезжание металла под пассажирским сиденьем. Протянула руку, нащупала край металлической коробки с ключами, которые так и не успела вернуть на положенное место.

Словно знак. Словно Сэди позвала меня по имени. И все призраки напомнили мне, где он, мой дом. Напомнили о том, сколько еще у меня причин остаться.

* * *

«Шиповник» стоял в трех кварталах от воды, в ряду построенных вплотную друг к другу одноэтажных домов с засыпанными галькой дворами вместо газонов. Одно время в их домах жила колония художников, но сейчас эти дома, странные и вместе с тем своеобразные, служили дачами на лето или на длинные выходные весной и осенью — и редко выставлялись на продажу.

Проще простого было представить, что именно такое место могла бы выбрать моя мама в другой жизни. Отсюда она носила бы свои принадлежности на Брейкер-Бич, а потом возвращалась домой и продолжала работу — отправляясь в путь на машине, она наверняка воображала себе именно такую жизнь. Вместо той неслаженной и нестройной, которую вела — с работой в галерее, заботами обо мне и

рисованием только в благоговейной ночной тишине. И необходимости разрываться между двумя мирами, одним перед ней, другим в ее голове, который она вновь и вновь пыталась открыть.

Но позволить себе такой дом, как эти, она все-таки не могла.

Компания Ломанов перебила ближайшее предложение о покупке этой недвижимости, повысив цену почти на треть и тем самым компенсируя свои планы сезонной сдачи в аренду, но, несмотря на это, сделка окупилась. Близость к центру города, расположение на исторической улице, а также ореол места, где когда-то создавались знаменитые стихи и другие произведения искусства, искупали такие недостатки, как теснота и отсутствие красивых видов.

Подъездных дорожек здесь не было — только дома, слегка отодвинутые от тротуара и расположенные полукругом, с уличной парковкой по принципу «кто первый, тот и занял». У нас эти дома проходили под названием «бунгало», но лишь потому, что никто не стал бы платить такие деньги за дачный домик.

В отличие от Доналдсонов, Кэтрин Эпплтон с друзьями правил не соблюдали: ключа в почтовом ящике, как было условлено, не оказалось, передняя дверь осталась незапертой. Неудивительно, что кто-то побывал в доме накануне ночью. У меня уже начинало складываться убеждение, что тот, кто шляется по объектам, просто выбирает легкую добычу. Сломанный замок на окне в «Голубой мухоловке». Наружный электрический щиток в Брейкерсе. И хроническую неспособность Кэтрин Эпплтон запираť дверь. Лишь для одного дома я так и не смогла разгадать способ проникновения — для «Закатного приюта».

Клининговой компании было назначено время ближе к середине дня, все равно нового заезда в ближайшую неделю не ожидалось, но зрелище внутри оказалось еще хуже, чем я предчувствовала.

Время близилось к полудню, а в доме было сумрачно — шторы наглухо задернуты, по углам мусорные мешки. Гостиную оставили в таком виде, будто в ней проводили спиритический сеанс. «Ну и ну!» — вырвалось у меня, я провела пальцем по кухонному столу, отдернула руку, вытерла сбоку о джинсы. Ключ валялся посреди кухонного стола, рядом с заламинированной папкой, где, должно быть, накануне вечером они нашли мой номер телефона. Загадка, как их угораздило не заметить порядок выселения.

Мне попались на глаза свечи, о которых упоминалось в телефонном разговоре: одна все еще горела на кухонном подоконнике. Я наклонилась и задула ее. Остальные свечи сосредоточились в гостиной, сгруппировались на приставных столиках и каминной полке, словно для некоего оккультного ритуала. Рассчитывать на возвращение залога за уборку они никак не могли.

Я уже просматривала контактную информацию на своем мобильнике, чтобы отправить по электронной почте письмо человеку, арендовавшему этот дом, и сообщить, в каком состоянии оставила чужую недвижимость его дочь, когда заметила на журнальном столике пачку двадцатидолларовых купюр. И представила, как постояльцы открывают бумажники, обеспечивая себе тем самым отпущение грехов. Как будто деньги отменяют любое пренебрежение.

Распустив купюры веером, я поняла, что сумма больше, чем я запросила бы сама. Потом удалила начатое электронное письмо и вместо этого позвонила в клининговую компанию.

— Отмените сегодняшний выезд в «Шиповник», — попросила я.

Затем направилась к чулану возле прачечной за всем необходимым для уборки. Сняла с постелей белье, бросила его в стиральную машину и, пока оно крутилось, принялась отмывать кухню.

С учетом состояния, в котором я нашла дом, времени понадобилось не так уж много.

Гаража при доме не было, но здесь машины выстраивались у бордюра вдоль нескольких кварталов, до самого центра города. Никто не заметит среди них еще одну. Я кивнула сама себе, внося в дом последние из своих вещей.

Так будет в самый раз.

* * *

Я поставила ноутбук на кухонный стол, подключилась к вайфаю и отправила Гранту письмо насчет сообщения, оставленного ранее в голосовой почте. Тон был официальным, подробности — только по делу, ничего, кроме фактов и цифр, в описаниях проблем с объектами. Я известила его о незапирающемся окне в «Голубой мухоловке», об

утечке газа в «Закатном приюте», о порче имущества в «Конце тропы» неделей раньше и о жалобе Доналдсонов на проникновение в дом. В завершение я спрашивала, хочет ли он, чтобы я устранила проблемы и представила отчет.

Я сообщила даже об отключениях электроэнергии в его личных владениях. И добавила, что ему, возможно, стоило бы обратиться к кому-нибудь по этому поводу, оценить масштабы проблемы и решить, что предпринять.

Затем я задернула шторы и открыла на ноутбуке папку, в которую скачала снимки Сэди. И принялась перебирать, листать их. Искала то, чего не заметила в первый раз. И твердо верила, что с ней случилось что-то ужасное. Я кликала снимки один за другим, повторяя ее путь на протяжении нескольких недель, предшествовавших ее смерти.

У полиции теперь тоже был доступ к ним, но детектив Коллинз, похоже, сосредоточил внимание лишь на том, чего не было на снимках. Тогда как Сэди показывала то, что существовало *прямо здесь*, — мир, увиденный ее глазами.

Там, где она смеялась вместе с Лус. Где был Паркер у бассейна. Панорама утесов, на которых она побывала как минимум однажды. Тенистая горная дорога со светом, просачивающимся сквозь навес из листьев. Брейкер-Бич на рассвете и прохладно-розовое небо.

На следующем снимке Грант и Бьянка стояли бок о бок в кухне, как раз поднимая тост. Бьянка с открытым и счастливым лицом смотрела на Гранта. Вокруг глаз Гранта разбежались улыбчивые морщинки, он пристально вглядывался в незваных гостей.

А потом — Коннор. Коннор в лодке, загорелый, с голым торсом. Этот снимок выбивался из общего ряда. Я несколько раз возвращалась к нему. Тень Сэди падала поперек его груди. Светлая прядь легла наискосок через объектив, когда Сэди наклонилась над ним.

Я увеличивала темные очки Коннора, пока не увидела отражающуюся в них Сэди. Ее голые плечи, черную бретельку купальника, упавшие на лоб волосы и выставленный вперед телефон, на который она снимала Коннора, не подозревающего об этом.

Глава 17

Я знала, что застану Коннора на пристани, хотя почти все дневные дела уже закончены: ящики взвешены и развезены, лодки пришвартованы. Коннор был из тех, кто охотно соглашался помочь всякому, у кого находилась работа на причале.

Он наводил порядок на своей лодке, поставленной у самого края. Хотя он и стоял ко мне спиной, упустить его из виду было трудно. Я видела, как перекачиваются мышцы у него на спине, как предвечернее солнце припекает изгиб плеч, более загорелых, чем весь торс.

Мои шаги отозвались эхом, и Коннор обернулся, посмотрел, как я приближаюсь, и отвел волосы со лба.

— Ты занят? — спросила я.

— Чуток. — Он держал в руке тряпку.

— Мне надо поговорить с тобой о Сэди, — мои слова вырвались наружу.

Он нахмурился, глядя куда-то поверх моего плеча. Уронил свою тряпку и начал разматывать трос, удерживающий лодку у причала.

— Давай в лодку, Эйвери, — негромко и тревожно велел он. Как бывало, когда он злился. Я поежилась.

И переступила ближе, на последнюю доску причала.

— Нет, мне надо, чтобы ты ответил на мои вопросы. Много времени это не займет.

Он принялся заводить мотор, даже не оглянувшись на меня.

— В лодке спросишь. Или хочешь поговорить в присутствии детектива Коллинза?

У меня замерли плечи, я попыталась обернуться.

— Не смотри, — остановил Коннор. — Он идет сюда.

Тогда и я почувствовала его приближение — по вибрации досок под моими ногами. В прошлом году на допросах я сказала детективу Коллинзу, что мы с Коннором больше не общаемся, и это была правда. Но теперь я стояла лицом к лицу с ним и даже сама разыскала его, а детектив наверняка видел это. Я не знала, к кому он явился — ко мне или к Коннору, — но после нашего прошлого разговора не питала особого желания узнать. Да, он занимался этим делом, но, похоже,

больше всего интересовался тем, как именно я нашла телефон, как будто я вновь что-то утаивала от него.

Впрочем, тот список имен что-то да значил. И Коннор фигурировал в нем. Он говорил мне, когда явился на вечеринку, но мне было нечем подтвердить его слова, а он однажды уже соврал мне.

Сглотнув, я переступила через борт лодки. Коннор, не глядя, подал мне руку, но я схватилась за перила, заняла место на сиденье рядом с Коннором, устроившись за рулем, и тут он дернул трос. Лодку он уводил от пристани под углом, без спешки, словно времени у нас в запасе было хоть отбавляй. Но его зубы были сжаты, он не сводил глаз со входа в бухту.

Я не оглядывалась до тех пор, пока мы не поравнялись со скалами Мыса, возвышающимися справа от нас. А когда наконец оглянулась, увидела, что детектив Коллинз темной тенью маячит у края причала и, подбоченившись, провожает нас взглядом.

* * *

Я уже давно не выходила в море на лодках, достоинством которых была функциональность, а не комфорт. Что отличало фрахты и экскурсии на лодке Коннора, так это аутентичность. Он и не подумал что-либо менять на ней в угоду пассажирам, в этом и заключалось удовольствие. Лодка была уже не та, которую мы брали в юности — та принадлежала его отцу, но эта, новая, чуть больше размерами, выглядела старательно ухоженной.

Он заглушил мотор, пока мы все еще находились под защитой бухты и лишь издалека видели, как мерно вздымаются и опадают волны вдалеке, и слышали, как плещет вода об обшивку, будто лижет бока нашего судна.

— Неплохо, — сказала я, имея в виду лодку.

— Скоро переменится, — отозвался он, взглянув сначала вверх, на небо, потом снова на воду. И там, и там преобладали оттенки темно-синего, налетающий порывами береговой бриз оказался неожиданно зябким. Так и приходят осенние шторма, приносят холодные течения в воздухе и в воде. — О чем ты хотела спросить меня, Эйвери? — Он сидел напротив, босой и в шортах цвета хаки, закинув руку на спинку

своего сиденья. И старательно выбирал каждое слово и жест. Будто притворялся тем человеком, которого, как мне казалось, я знаю.

Я выросла здесь, провела полжизни на воде и знала ее опасность. Но никогда не задумывалась о том, какие опасности таятся в людях. Это не давало мне поверить в себя. Интересно, в чем еще я ошибалась.

— В ее телефоне была твоя фотка, — сказала я, из осторожности выбирая окольный путь, а не спрашивая напрямик.

Он не шелохнулся, только сузил глаза.

— В каком телефоне?

— В мобильнике Сэди. Его нашли. Я его нашла. В «Голубой мухоловке», — я говорила и внимательно наблюдала за ним, искала подсказки в выражении его лица.

Оно осталось бесстрастным, но его грудь перестала подниматься и опускаться — он затаил дыхание.

— Когда?

— Когда приходила туда с проверкой после проникновения.

Он резко вскинул брови.

— То есть когда мы с тобой столкнулись там? — Он понизил голос, и я поняла, что зацепила его за живое. Я не ответила, и он закрыл глаза, покачав головой. — Не знаю, чего ты от меня ждешь.

— Я жду, что ты... хочу, чтобы ты рассказал мне правду, — я невольно повысила голос. Со стороны наш разговор мог показаться односторонним: я говорила все громче, Коннор — все тише. Оба были на взводе. — Там, в доме, ты говорил, что не встречался с ней. Но твой снимок у нее в телефоне. И вы *были* вместе на этой самой лодке. Кто-то видел вас в прошлом году, и ты, наверное, попробовал бы отпираться, но Сэди сделала твой снимок. Иначе зачем ей было фоткать тебя, если не... — я набрала побольше воздуха и произнесла то, ради чего пришла к нему: — Ты *соврал*, Коннор. Ты соврал полиции и мне.

— Вот только не надо этого лицемерия, Эйвери. Не тебе меня стыдить. — Оскалившись, он вдруг вскочил и принялся вышагивать по маленькой открытой палубе. Мы были одни на лодке посреди бухты. Я огляделась в поисках других судов, но Коннор выбрал уединенное место. Для всего мира мы были размытым пятном вдалеке, как и все остальные для нас. — Как я уже сказал полиции, — продолжал он, — она заплатила мне однажды, чтобы я свозил ее на экскурсию. Это все.

— Твой номер у нее в телефоне. Со звездочкой. Придумай другую отмазку.

Он перестал вышагивать и впился в меня взглядом.

— Один раз, — отчеканил он и повторил: — Всего один, — будто убеждая меня понять нечто большее. Но я не понимала намеков. Он провел пятерней по волосам, прищурился на сверкающую под солнцем воду. — Она разыскала меня на пристани. Позвала по имени, будто уже знала, кто я.

— Она знала, — тихо подтвердила я.

Он кивнул.

— Она спросила, во сколько обойдется экскурсия для нее одной. — Он нахмурился. — Честно говоря, не люблю я индивидуальные экскурсии. Для единственного человека, да еще такого, как она.

— Какого «такого»?

Он вытаращил глаза с таким видом, будто я сама должна понимать, и я правда понимала.

— Но она, — продолжал он, — сказала, что мое имя назвала ей одна подруга. И я подумал, что это была ты. — Он посмотрел мне в глаза, ожидая ответа, и я еле заметно качнула головой. — Ты не давала ей мой номер?

— Не давала.

Он снова загляделся на море, словно что-то обдумывал.

— Так ты свозил ее на экскурсию? — наконец решила я привлечь его внимание.

— Ага. Прямо тогда же и свозил. Наличные были у нее с собой, больше, чем мне обычно платили, но я не в претензии. Она просила меня рассказать ей про острова — ну, знаешь, все эти байки, какие обычно травят на экскурсиях. — Он пожал плечами. — Видимо, за этим она и пришла ко мне.

На эти острова мы, местные, сбегали, когда хотелось вырваться куда-нибудь. Ставили лодку на якорь у берега и последние метры проплывали вместе с приливным течением. На одном острове стояла полуразрушенная ветхая хибарка; в последний раз, когда я видела ее, от нее остались одни стены. Но однажды кто-то привез туда камень, дерево и построил себе тайное убежище. Как-то раз мы с Коннором и Фейт провели там вечер, пережидая шторм.

— И куда ты ее возил? — спросила я.

— В три места. Сначала — в те два в заливе Шип-Боттом, потому что туристам обычно там нравится. Но ей хотелось еще куда-нибудь, где можно сойти с лодки, — по ее словам, она слышала, что здесь полным-полно тайных укрытий. И мы двинули к Подкове. — Услышав это, я невольно стиснула зубы, и он добавил поспешно, будто считал своим долгом оправдаться: — Я не покидал лодку.

Подковой местные называли изогнутую и узкую каменистую косу, поросшую деревьями, один конец которой раньше во время отлива соединялся с сушей отмелью — по крайней мере, так рассказывали. Волны разбивались о невидимое препятствие, образуя уединенную бухточку, излюбленное место как приезжих каякеров, так и местных жителей. Соединяющая полоска суши давным-давно была размыта, но мы часто делились историями о путниках, застигнутых там приливом.

— Так она добралась туда вплавь? — озадачилась я. Сэди не любила холодную воду. И яркое солнце. И ненадежные течения. И ей не нравилось оставаться одной.

— Ну да, вернее, добралась вброд с одним крошечным рюкзаком — я прикинул, что в нем, наверное, только телефон поместился, ну, может, еще полотенце. Был отлив, я встал на якорь, проще некуда. Но она не возвращалась так долго, что я задремал. А то бы наверняка встревожился. И проснулся от щелчка камеры в телефоне. Она стояла надо мной в купальнике и дрожала от холода. — Он провел ладонью в воздухе, словно знал ее очертания. Словно заложил их в память.

Но все это казалось бессмыслицей. Зачем Сэди понадобилось отправляться сюда вместе с Коннором? Я могла бы рассказать ей все, что она только пожелала бы узнать о здешних местах. Сама свозила бы ее сюда. Рассказывала же я ей не только всю историю города, но и свою собственную. Смешила ее, расписывая, как и сколько раз влипала, видела, как испуганно раскрылись ее глаза, когда нас застукали при попытке угнать на рассвете лодку от причала. Кое-какие уголки Литтлпорта могла бы показать ей только я, доказывая, на что способна. «Вам влетело?» — вновь услышала я ее вопрос, как наяву. И ощутила собственную улыбку, с которой ответила, что нет, не влетело. Мы же дети Литтлпорта, а своих принято защищать.

Может, Сэди и простила меня за то, что я сдала ее отцу, но по-прежнему не доверяла мне или доверяла, но не во всем. И приплыла

сюда одна. Не сказав никому из нас ни слова — это был только ее секрет. И остался бы секретом, если бы Грег Рэндолф не увидел ее вместе с Коннором.

— И все?

— И все, — подтвердил он и стиснул зубы. Но я и не ждала, что он расскажет мне всю правду, да еще по прошествии такого долгого времени. — Не знаю, зачем она сделала мое фото. — Он сжал губы. — Мне хватает ума не связываться с семейками вроде этой. — И он посмотрел на меня так многозначительно, словно и в этом взгляде я должна была уловить скрытый смысл. — Вот почему я ничего не сказал полиции. Потому что из-за одной-единственной экскурсии я вдруг оказался в полной заднице.

— В полной заднице? Сэди погибла, Коннор, — я осеклась, не договорив.

Он вздрогнул.

— Сочувствую, Эйвери.

— У нее был твой *номер*.

— Она звонила мне после того раза. Я не ответил. Мне не понравилось... странно это выглядело, понимаешь? Зачем она туда ездила, чего хотела от меня. Для чего меня сфотокала. Ничего я не понимал. Поначалу я думал, это ты ее прислала, но...

На все у него был готов ответ. Он давал объяснения, не задумываясь, — и все же... Сэди побывала здесь за неделю до своей смерти. Если Коннор сказал правду, что она искала?

— А мне туда можно?

Он прищурился, не понимая.

— На остров. Пожалуйста. Отвези туда и меня.

* * *

За пределами укромной бухты волны стали выше, мои руки и шею осыпало мелкими, как пыль, солеными брызгами. Коннор направлялся к изогнутому подковой клочку земли, виднеющемуся вдалеке.

По мере приближения к нему стало ясно, что встречи с прошлым нам не избежать. Подкова приблизилась, увеличившись в размерах, и

ловушка времени захлопнулась. Мы побывали здесь семь лет назад, перед самым началом летнего сезона.

Коннор явился ко мне в бабушкин дом. «Идем», — позвал он. Последние два дня я провела в четырех стенах. Я не спала, у меня тряслись руки, в доме царил беспорядок.

Когда мы садились с причала в лодку отца Коннора, я спросила: «А Фейт едет с нами?» — «Не-а, — отозвался он, — только мы». И улыбнулся, потупив глаза так, что я сразу все поняла.

Еще при бабушке к этому все и шло. Между мной и Коннором. Эту неизбежность замечали все, кроме нас. Всю свою жизнь мы наталкивались на понимающие взгляды и воспринимали их в штыки. А когда повзрослели — с игривыми толчками плечом или бедром, язвительными шутками, фальшивым смехом, закатыванием глаз. Потом однажды он словно моргнул дважды, взгляделся и прозрел, увидел нечто новое. И я увидела что-то, отраженное в его глазах, — то, что еще могло сбыться.

Прикосновения его руки стали рассчитанными. Как и озорной поцелуй на виду у всех в конце той прошедшей осени, когда мы пили на Брейкер-Бич, — он запрокинул мне голову назад и засмеялся, а в его глазах отразилось пламя костра. И я сказала: «И что? Это все? Значит, вот чего я ждала все эти годы?» И бросилась бежать прочь по пляжу прежде, чем он успел удержать меня, и мое сердце гулко колотилось.

А несколько часов спустя он спросил: «Так ты ждала?»

И мы приехали сюда с сумкой-холодильником пива, едой навынос из кулинарии и одеялом и добрались до островка вброд, подняв нашу ношу высоко над головой, чтобы не замочить. До еды и питья дело у нас так и не дошло, потому что я точно знала, что будет, слишком многое к этому вело. Но не смогла в то время ощутить ничего, кроме своей горечи. И разочарования оттого, что даже тогда он чего-то хотел от меня. И не понимал, что я к тому времени увязла так глубоко, что на его месте мог оказаться кто угодно.

Я была тугим сгустком раздражения, когда спустя два дня он явился с кривоватой усмешкой, считая, что она каким-то образом все исправит — не только со мной, но и с нами. Еще хуже было новое, только что открывшееся мне опасение, что ему, возможно, нравилось во мне именно это — смотреть, как я соскальзываю ближе к краю,

разваливаюсь, чтобы он потом мог лепить из меня все, что ему заблагорассудится. Это было начало и вместе с тем конец.

Коннор бросил якорь недалеко от берега и заглушил двигатель. Мы оба смотрели на деревья, скалы, галечный пляж перед нами — на что угодно, только не друг на друга.

Мне представилась Сэди, стоящая здесь в своей широкополой шляпе и решающая раздеться и перебраться на остров. Ее тело, покрытое гусиной кожей. Красновато-розовый оттенок, который оно приобрело от холода. Нежность ступней на острых камнях у берега. Решимость, которая довела ее до этого момента.

Я стащила через голову футболку, и Коннор прищурился.

— Скоро вернусь, — пообещала я.

— Уже прилив. Придется тебе вплавь, — предупредил он.

Но я продолжала раздеваться, и он отвернулся и достал из-под сиденья оранжевый спасательный жилет. Мы раздевались в присутствии друг друга до белья сотни раз с тех пор, как были еще детьми, это случалось при каждом купании. И я ни разу не испытывала стеснения, пока он не отвернулся. Никогда не думала о себе в сравнении с Сэди, пока не увидела нас обеих глазами Коннора.

Поспешно схватив спасательный жилет, я сразу спрыгнула за борт, и холод охватил меня до самой груди, вызвал шок, пальцы коснулись каменистого дна.

— Ничего? — окликнул Коннор сверху. Должно быть, я невольно ахнула.

Мне понадобилось замедлить дыхание, чтобы мышцы, сжимающие легкие, немного расслабились.

— В норме, — ответила я и, держась за жилет, как за доску для плавания, дала приливному течению пронести меня остаток пути до берега.

* * *

Последние семь лет моя нога не ступала на этот остров, но я всегда видела его вдалеке в ясный день — рощу темных деревьев. Местность здесь была, что называется, пересеченной. Каменистый берег сменялся плотной почвой и зеленью деревьев. Внутри Подковы,

в небольшой, защищенной от волн бухточке, часто останавливались на отдых каяки. Но сейчас других лодок здесь не было.

Впрочем, свидетельства пребывания людей имелись — полузасыпанные камнями стеклянные бутылки вдоль границы земли и камней. Бревно, притащенное на берег, к кустам, и превращенное в скамейку. Заросшая тропа вела в глубь островка к тому месту, где когда-то был причал.

Шагая по тропе и представляя, как здесь же шла Сэди, я вздрогнула. Мои шаги поверх ее шагов. По тем же колючим корням, острым краям камней, веткам, царапающим ноги.

Что-то укололо меня в голень, я увидела, как капелька крови покатилась вниз, к щиколотке, от ранки, оставленной какой-то выходящей плетью. Коннор говорил, что Сэди была в купальнике. Неужели она так и шла дальше, босиком и с голыми ногами? С ее безупречно чистой кожей, хотя не могла пройти босиком даже по горячему тротуару, — нет, немыслимо. Я не могла представить, что вообще привело ее сюда.

Она взяла с собой рюкзак, фотоаппарат в телефоне — думала, что здесь есть что-то достойное внимания? Тайна, которую стоит сохранить? И, пока находилась на островке, увидела то, чего не должна была?

Заросли почти непролазные. Она не сунулась бы в них без крайней необходимости, но Коннор говорил, что она отсутствовала довольно долго. В купальнике и с рюкзаком.

Я остановилась. А может, она привезла сюда что-то? «Здесь полным-полно тайных укрытий», — якобы слышала она и сказала об этом Коннору. Так вот что она искала.

Надежное место, чтобы спрятать что-то принадлежащее ей.

Я вернулась тем же путем на поляну, огляделась, и мой взгляд вновь привлекла самодельная скамейка.

Бревно, из которого ее сделали, было дуплистым, я встала рядом на четвереньки и заглянула в дупло. Внутри оно обросло мхом и наверняка кишело мелкой живностью, о которой я старалась не задумываться. И все же сунула руку в темноту и нащупала склизкий шуршащий пластик. При мысли о том, что может обнаружиться внутри, меня передернуло.

Моя находка задела дно дупла, пока я вытаскивала ее. Снаружи этот герметично запечатанный пакет для замораживания был покрыт слоем слизистой грязи. Может, в нем чей-то мусор, а может, и нет.

Я стерла слизь с пакета голыми руками, открыла его и увидела внутри коричневый деревянный футляр, в каких хранят ожерелья. Футляр остался сухим. Я попыталась вытереть ладони о край бревна, потом открыла крышку. В центре на бордовой подкладке лежала серебристая флешка, холодная на ощупь.

Деревья зашелестели на ветру, и я оглянулась через плечо, по шее пробежал холодок.

Сэди была здесь. Я чувствовала ее на этом самом месте: она открывала рюкзак, вытаскивала этот пакет. Я видела, как она сует руку в дупло, как морщит нос, жмурится, затаивает дыхание.

Зачем, Сэди?

Почему именно здесь? На островке за широкой водной преградой, внутри бревна? Страх какого рода мог загнать ее сюда, довести до такого уровня скрытности? Если стен родного дома оказалось недостаточно? Дома, где, как я когда-то считала, нет ни замков, ни секретов?

Жаль, что мне негде спрятать находку прямо сейчас. Ни карманов, ни одежды, ни другого способа оставить ее при себе. Нет никакой возможности доплыть обратно до лодки так, чтобы Коннор ничего не заметил. По крайней мере, он сказал мне правду — может, и не всю, но достаточно, чтобы привести меня сюда. К ней.

Ведь он же не привез бы меня сюда, если бы ему было что скрывать, верно?

* * *

Коннор смотрел, как я бреду к нему по воде, положив пакет для заморозки поверх спасательного жилета.

— Что это? — спросил он, подавая мне руку.

— Точно не знаю. — С меня в лодку капала вода, я дрожала, искала взглядом полотенце, а Коннор уже подавал его мне, вынув из ящика под сиденьем.

— Это ее?

— Точно не знаю, — повторила я и шагнула к нему за полотенцем. — Но там, внутри, флешка, и я понятия не имею, зачем понадобилось оставлять ее здесь.

Он коснулся рукой моего живота, и я вздрогнула. Но он не убрал пальцы. Его взгляд был прикован к месту у края трусов, на внутренней поверхности моего левого бедра. Я отступила, отдаляясь от него, и он нахмурился.

— Зачем ты это сделала?

Я посмотрела вниз, туда же, куда был устремлен его взгляд.

— Это тату, Коннор.

— Такая же, как у Сэди.

У меня екнуло в животе, и я опять задумалась, не затеял ли он со мной игру. Как он успел разглядеть ее татуировку, если, по его словам, видел ее только один раз?

Один-единственный, как он сказал. Когда она стояла над ним, одетая в купальник.

— Знаю. Мы делали их вместе.

Бледно-розовую кожу Сэди летом осыпало веснушками. Она носила широкополые шляпы, огромные темные очки и щедро мазалась лосьоном с максимальным фактором защиты; скопления веснушек у нее на предплечьях издавна выглядели почти как загар. Моя кожа по цвету ближе к оливковой — даже зимой, как у моей матери. Летнее солнце здесь, так далеко на севере, меня никогда не тревожило. Единственной нашей схожей чертой был цвет глаз — ореховый. И вот эта татушка, объединявшая нас.

Но Коннор все так же качал головой.

— Но почему *такие*?..

Рисунок выбрала Сэди. Повезла меня в салон в тот же день, когда вернулась, в самом начале нашего второго лета.

— Неполная бесконечность, — пояснила я Коннору. Потому что ничто не длится вечно. Концы символа тянулись друг к другу, но так и не сходились. Изогнутая линия образовывала такие многообещающие петли и вдруг обрывалась — и я тоже не могла взглянуть на нее, не испытав тоски.

Коннор повел головой в сторону, придвигаясь ближе.

— А я вижу только латинскую «S».

Глава 18

На обратном пути нас застигли сумерки. Кутаясь в тонкое полотенце, я думала лишь об одном — о форме татуировки. О подвеске с цепочки Сэди — подвеске в форме латинской «S», оставшейся в ее комнате в Коннектикуте. О золотистых завитках, усеянных бриллиантами и впивающихся в мою ладонь.

«Ты мне доверяешь?» — спросила она, когда разыскала меня, ждущую ее на утесах. И я доверилась ей. А что еще мне оставалось? Я была одинока и беспомощна, а потом выбрала другой путь. Выбрала ее. В тот день она привезла нас обеих напрямик на берег, в тату-салон. Рисунок у нее был уже наготове — я считала, что она думала о нем всю зиму. Такой, чтобы навсегда впечатался в наши тела и связал нас вместе — на целую вечность или насколько хватит наших тел.

Сколько раз я чувствовала, как кто-то обводит изогнутую линию, и с уверенностью объясняла: «Ничто не длится вечно». Имея в виду «ни ты, ни я, ни вот это».

Я верила, что татушка связала меня не только с Сэди, но и с моим местом в мире. Дала мне цель и стала напоминанием.

Но подвеска. Та самая, которую я нашла, когда Бьянка застала меня в комнате Сэди... я напряглась, чтобы отчетливо вызвать ее в памяти: изящная «S», концы изгибаются, стремясь друг к другу...

Коннор повернул лодку вправо так резко, что мне пришлось схватиться за поручни. Из головы вылетело все, кроме предостерегающих слов Коннора — и жутковатого осознания, что я, возможно, поставила на себе клеймо не обещания, кем я буду, а кем с самого начала была *она*.

Я крепко стиснула футляр в руке, едва мы повернули прочь от входа в бухту, где вода была одновременно и бурлящей, и спокойной. Мы направлялись на север, в открытое море.

— Что ты делаешь? — крикнула я в спину Коннору, но мои слова унес ветер.

Коннор вел лодку от бухты по диагонали, и, когда солнце скрылось за утесами вдалеке, я вдруг отчетливо поняла, что он задумал. Он вдруг заглушил мотор, меня бросило вперед по инерции.

Но не Коннора. Он даже не пошатнулся, пройдя через лодку и рухнув на сиденье рядом со мной.

У меня звенело в ушах от резкой остановки и внезапной тишины после ревущего ветра. Мы очутились во власти течения, от которого скрипела обшивка лодки под нашими ногами, пока нас несло неизвестно куда по волнам. Вдалеке, на утесах, один дом казался тем ярче, чем сильнее темнело небо, приобретая ночной, пыльно-синий цвет.

— Я помню, как сидел здесь ночью с тобой, — сказал Коннор, забросив скрещенные ноги на борт. — Так что, думаю, если кто-то и должен задавать здесь вопросы, так это я.

Я отмахнулась свободной рукой, стараясь сдержать дрожь в ней.

— Это же было давным-давно, Коннор.

— Все сложилось так, как ты представляла?

Я покачала головой:

— Вовсе нет.

— Нет? Не все получилось таким, как ты надеялась?

— Да нет же, я хотела сказать, *это не то, о чем ты думаешь*.

В те годы, когда нам было пятнадцать, шестнадцать, семнадцать лет, иногда летом по ночам мы уплывали на лодке его отца из бухты. Бросали якорь здесь, напротив утесов, достаточно далеко от берега, чтобы можно было смотреть на них в темноте, и никто не застал бы нас за этим занятием.

Они находились не настолько близко, чтобы видеть их отчетливо, но и этого хватало. Девочка в верхнем правом окне глазела на нас. За ставнями двигались тени. Тела перемещались во времени, подчинялись некоему ритму, который мы не понимали, находились по другую сторону дверей. В разных концах дома. Каждая включенная лампа, каждые открытые жалюзи — все они становились маяком в ночи, манили нас ближе.

«Она видит нас», — сказала я с полной уверенностью оттого, как она стояла там и смотрела.

«Не может этого быть», — заверил Коннор. Свет на лодке был погашен. Мы оставались невидимыми, как нас учили.

«Если бы я жила там, я не торчала бы целыми днями у окна, глаза наружу».

«Если бы я там жил, я уже повесил бы хоть какие-нибудь шторы», — со смехом отозвался он.

Мы наблюдали за их жизнью издалека. Представляли, что они делают, о чем думают. Мы были заморожены ими.

Поэтому когда Коннор спросил, получилось ли все так, как я надеялась, я знала, о чем он думает, — что я сумела пробраться в их жизнь и стала чем-то, что раньше только воображала.

Я почти простила ему намек. Эта татушка у меня на теле; то, что я жила там, наверну. Как будто соскальзывала в ее жизнь. И даже теперь следовала по ее призрачным стопам.

— Мы встретились случайно, — сказала я. — Она застала меня в ванной, когда я работала. Меня наняла Ивлин.

Так я считала до тех пор, пока не узнала от Эрики, что кто-то из дома Ломанов договорился, чтобы я работала на той вечеринке. Но это же не имело смысла.

— И тем не менее, — отозвался Коннор.

И тем не менее мы снова оказались здесь — в том месте, где не бывали вдвоем несколько лет.

— Ты когда-нибудь видел меня там?

Интересно, продолжал ли он приплывать сюда без меня.

Он на миг скосил на меня глаза, но не повернул головы.

— Я ни за кем не слежу, Эйвери. У меня есть занятия получше.

— Тогда какого же черта мы делаем здесь сейчас?

— Дело в том, что меня подозревали, пока не нашли записку, и эта туча нависала надо мной почти год. Мне это осточертело. Я уже не знаю, в чем состоит правда.

Я медленно моргнула, выровняла дыхание.

— Я знаю не больше тебя. Это я сообщила тебе про телефон.

Он поерзал, поворачиваясь лицом ко мне и поджимая под себя одну ногу.

— Знаешь, если ты больше не разговариваешь с нами, это еще не значит, что о тебе никто не говорит.

— Знаю. Я все слышала.

Он закивал с таким видом, словно не верил даже в это.

— Большинство народу, похоже, считают, что ты трахаешься с братцем. Или с отцом, — тон был резкий и жесткий, будто он нарочно старался оскорбить меня. — Я-то говорю, что ты умнее, но мало ли.

— Ничего такого не было. И нет.

Он вскинул руки.

— Фейт всегда думала, что дело в сестре, — продолжал он. — Но я уверял ее, что тебе нужна только ее жизнь. А не она сама. — Он резко опустил руки. — В любом случае она чаще просто срывала на тебе злость, так что никто ее не слушал.

От его слов у меня сжалось все внутри. Несмотря на то что я и раньше догадывалась об этом, слышала перешептывания, улавливала намеки в ехидных замечаниях — вроде тех, в баре, от Грега Рэндолфа. Но гораздо труднее оказалось слышать их от тех, кто знал меня, от людей, которые когда-то считались моими лучшими друзьями.

— Все не так. Вообще все.

Он прищурился.

— Знаешь, я ведь однажды уже прикрывал тебя. Сказал полиции, что ты случайно толкнула Фейт.

Я вздрогнула, он не шелохнулся.

— Это *и в самом деле* вышло случайно. Я не желала ей зла.

— Я был там, Эйвери. Я видел.

В сумерках я не могла различить выражение его лица. Тени быстро сгущались, все вокруг погружалось в них.

Я закрыла глаза и вызвала в памяти ее падение. Ощутила прилив тех же чувств, что и в тот раз. Ярость, рвущуюся на поверхность.

— Просто я... я не знала, что она споткнется.

Он вытаращил глаза.

— Ни хрена себе. Да ей же операцию пришлось делать. Аж два штифта в локоть, а я, бог свидетель, прикрывал тебя, несмотря ни на что.

— Извини, — это слово чуть не застряло у меня в горле. Но его надо было выговорить — и теперь, и тогда. — Тебе следует знать, что в то время я думала о смерти. Постоянно. — Я вспомнила о дневнике и о том, что писала в нем; о кошмаре моей жизни. — Я мечтала о ней. Представляла ее. Больше меня ни на что не хватало.

— Ты хотела умереть? — спросил он так, словно раньше это никогда не приходило ему в голову.

— Нет. Не знаю.

И все-таки — нож. И список всего, что я натворила, — наклонялась с верхней площадки маяка, засыпала у самой воды, тот

раз, когда он застал меня на Брейкер-Бич, напивалась, чтобы избавиться от необходимости хоть что-нибудь решать.

Соленая вода в моих легких и в моей крови. Прекрасная смерть, как я считала.

Но она стала смертью Сэди и в реальности оказалась ужасной. Правда — вот все, что я могла дать Коннору.

— Паршивое было время.

Он вздохнул, провел пятерней по волосам.

— Понимаю. Я знал, что время выбрано паршивое. — Он воспринял это иначе — как свою вину. Не «было», а «выбрано». — Ты была не в себе.

Вот только в себе я точно была. В том или ином смысле, я никогда еще не ощущала себя настолько собой, как тогда. Отчаянно, ужасающе, непростительно собой. И как раз открыла в этом состоянии силу и разрушительную способность — не только для меня, но и для других.

— Когда я увидел тебя на пляже, — продолжал Коннор, — мне тоже хотелось умереть.

Усмешка была призвана смягчить истину.

— Я не для того явилась туда, чтобы ранить тебя. Иногда я прямо там и спала.

— Знаю. Потому я и пришел. Тебя не было дома, я беспокоился.

А тут как раз притащились и они. Двое парней, и развели костер. Я знала их — годом постарше, но только как знакомых Коннора.

— Просто все полетело к чертям.

Я задумалась о дневнике, о том, как быстро погружалась в бездну по прихоти какого-то течения, которого даже не видела.

Он вздохнул, потом заговорил тихо, словно кто-то мог подслушать. Где-то на темном пляже детектив наблюдал за нами.

— Мне надо знать, Эйвери. Какую роль ты здесь играешь. Это же не только *твоя* жизнь, как ты не понимаешь? Она и моя.

Я не поняла, на что он намекает.

— Я не...

— Стоп. — Даже его поза изменилась, в ней больше не было притворного безразличия. Включился режим полной боеготовности. — Полиция все расспрашивала, почему той ночью я был там, на вечеринке. А я не знал, что сказать.

— А *почему* ты там был?

— Ты что, серьезно? — Он широко раскрыл глаза. — Ты же послала мне адрес. Зачем я там понадобился *тебе*?

— Я не посылала. — Я в растерянности вытащила свой телефон, хоть с тех пор прошел целый год.

— Посылала. Ты отправила мне тот адрес. Слушай. — Он придвинулся так близко, что мог бы коснуться меня. — Здесь мы только вдвоем. Никто не сможет подтвердить то, что ты мне сейчас скажешь. Но я должен знать.

Я покачала головой, силясь понять, в чем дело.

— Наверное, это Сэди, — сказала я.

Точно так же я получила доступ к ее телефону. Теперь я проверила настройки пароля на собственном. Она внесла в них отпечаток своего большого пальца точно так же, как я сделала на ее телефоне, — мы вместе настроили доступ еще несколько лет назад. Потому что годами у нас не было секретов друг от друга. А когда они появились, мы забыли заново определить границы.

Мне представилось, как Сэди нашла номер Коннора в моем телефоне. И отправила ему эсэмэску о вечеринке «плюс одна» от моего имени. Это *ей* он понадобился на вечеринке той ночью. Значит, и она собиралась появиться там.

— Сообщение пришло с твоего номера, — сказал он, схватившись рукой за край сиденья между нами.

— Я не посылала его тебе, Коннор. Честное слово.

И все-таки он явился, думая, что это я. Невероятное признание. Впрочем, Коннор всегда видел в людях лучшее.

— Ничего еще не кончено, Эйвери.

— Знаю.

— Правда? Да, Коллинз допрашивал меня. Но они хотят знать не только обо мне. И тогда не хотели, и сейчас. — Даже в темноте я чувствовала его взгляд на своем лице. Мне вспомнился тот самый список. Который я заполняла, чтобы придать случившемуся хоть какой-то смысл. Список, который детектив Коллинз положил передо мной в самый первый день. Он сам вписал в него имена. «Эйвери». «Лусиана». «Паркер». «Коннор». Список подозреваемых.

Мое имя стояло в этом списке первым. Он буквально заявил мне с самого начала: «*Ты*».

А я отнесла телефон прямиком к нему, надеясь, что он заново откроет дело.

— Ты сказал полиции про эсэмэску от меня? — спросила я.

— Нет. Ни словом не упоминал. — Он отвел взгляд. — Как и о тебе — вообще ни разу. Так что не беспокойся.

— Но почему?

— Может, потому что я лучше тебя. — Он покачал головой. — Когда-то я тебя любил.

Теперь он запел по-другому и вместе с тем доказал, что первое его заявление — чистая правда.

— Ты меня и ненавидел, — напомнила я.

Он принужденно усмехнулся.

— Я даже не знаю уже, с кем говорю. Какой ты стала.

Отголосок мыслей Грега, заявляющего, что я не отдельная личность, а «чудовище Сэди». Чувствовалось и влияние других людей, благодаря которому складывается любой характер, — конечно же, чувствовалось. Для меня такими людьми были мои мама, отец, бабушка и даже Коннор и Фейт. И да, Сэди. Сэди, Грант, Бьянка и Паркер. Какая дикость — ожидать от человека существования в вакууме. Но в наибольшей мере я была продуктом жизни здесь. В Литтлпорте. Как и Коннор, сидящий рядом.

— Я больше не живу там, где раньше, наверху, — сообщила я, и он быстро, удивленно повернулся ко мне. — Долго рассказывать.

Он уселся поудобнее.

— А я никуда и не спешу.

Я пыталась придумать, что бы ему сказать. Какую-нибудь правду, которая что-нибудь да значила бы для него. Мне представилась Сэди, стоящая за моей спиной у окна в ее спальне, и то, как я увидела ее стоящей позади, хотя смотрела в окно.

— Ночью изнутри, — объяснила я ему, — видно только одно: твое собственное отражение.

Пока мы смотрели на дом, весь свет в нем вдруг погас. Не так, будто кто-то прошел по комнатам, выключая лампы одну за другой. А будто отключилось электричество. Повсюду, куда ни глянь, воцарилась темнота.

— А меня все еще укачивает в лодке по ночам.

Словно это обстоятельство могло помочь навести мосты через время. Дать место для начала.

— Внимательно смотри на что-нибудь, не отводи глаза, — посоветовал Коннор.

— Я помню.

То же самое он говорил мне, пока я блевала, свесившись за борт. Но единственным источником света был маяк вдалеке, и луч света на нем вращался, появляясь и вновь пропадая.

Я поискала взглядом какой-нибудь неподвижный предмет. Коннор снова запустил мотор.

Вон там. На утесах. Вспышка света в темноте. Ближе к краю, вдали от дома Ломанов, у тропы, ведущей на берег.

Еще кто-то следил. Перемещался. Кто-то был там.

— Коннор, наверху кто-то есть. Смотрит. Ты тоже видишь?

— Вижу, — подтвердил он.

Глава 19

Мерцающие огни вдоль Харбор-драйв показались впереди, мы приближались к берегу. Огни Литтлпорта успокоили меня, указали путь. В такой час на пристани было пусто, рабочие прекратили суету и разошлись. Только горстка приезжих прогуливалась после ужина.

Сколько раз мы с Сэди бывали там вместе и представляли, что мы совсем одни! Шагая обратно к Лэндинг-лейн, мы миновали Брейкер-Бич и слушали шум прибоя. И не замечали никого, кто мог наблюдать за нами. Смех в ночи, стук оступившихся ног посреди улицы — понятия не имели, что кто-то шнырял вокруг их дома. Были слепы и не замечали самую настоящую опасность вокруг нас.

Не столбняк, сепсис или неосторожный шаг на самом краю. Не предостережение — «смотри не убейся» — и пальцы, сжавшиеся на моем локте и отводящие меня обратно.

А вот *это*. Что там кто-то был. Следил и ждал, когда она останется совсем одна.

* * *

Я выпрыгнула из лодки на причал, пока Коннор привязывал ее, и огляделась, убеждаясь, что детектива нигде не видно.

— Эйвери, — окликнул Коннор, — скажешь мне потом, что там, — и он кивнул на футляр, который я держала под мышкой.

Я дрожала от холода, на коже подсыхали соленые капли, волосы казались жесткими. Земля покачивалась под моими ногами, будто мы все еще были на воде. Вдалеке вспыхивал над темным морем луч маяка. Мне просто хотелось вернуться домой и согреться.

— Скажу, — согласилась я, но, честно говоря, это зависело от того, что я там найду.

* * *

Вернувшись в машину, я обнаружила пропущенный звонок и голосовое сообщение. Покашливание, потом мужской голос, деловитый и серьезный.

— Эйвери, это Бен Коллинз. Я надеялся встретиться с вами сегодня, хотел кое-что прояснить. Позвоните мне, когда появится возможность.

Я нажала кнопку «Удалить», сохранила его номер у себя в телефоне и повернула машину к жилому району за Брейкер-Бич. Припарковаться я решила в нескольких кварталах от «Шиповника», а потом дойти до него пешком — на случай, если детектив до сих пор рыщет по улицам в поисках меня.

Я была в двух кварталах от поворотного круга и направлялась к нему, наружные фонари домов освещали мне путь, создавали ощущение безопасности, в траве трещали сверчки. Едва повернув на дорожку к «Шиповнику», я вдруг услышала хруст камушков под ногами, исходящий откуда-то из темного переулка между домами. И застыла, не зная, бежать прочь или подойти поближе.

Вдруг появилась тень — женщина, придерживающаяся рукой за боковую стену дома, чтобы сохранить равновесие. В туфлях на платформе, в юбке чуть выше колен и топе с глубоким вырезом спереди. Я бы сочла ее незнакомой, если бы не очки в красной оправе.

— Эрика? — спросила я.

Она остановилась, прищурилась, сделала еще шаг вперед.

— Эйвери, это ты?

Другую руку, в которой она держала что-то, она завела за спину, спрятала от моих глаз, оглянулась через плечо в темный переулок и снова посмотрела на меня. На ее лице отразились нервозность и нерешительность, будто она что-то пыталась скрыть.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я, подходя ближе. Мне надо было увидеть, что у нее в руке. Что она прячет.

— Просто иду. К своей машине.

Я приблизилась, и она отступила, будто меня следовало опасаться. Потом из глубины переулка донесся голос:

— Что там такое?

И я сразу увидела — в другой руке она держала телефон. Как сделала бы я, если бы шла пешком по незнакомым местам и решила

посветить себе. Какой-то мужчина трусцой бежал к нам по переулку и кричал:

— Эрика, ты в порядке?

Добежав, он обнял ее одной рукой. Она выглядела растерянной и пораженной моим неожиданным появлением. Будто вспомнила все, чего наверняка наслушалась от своей тетки. Рассказы о моих былых выходках и о том, на что еще я наверняка способна.

— Как вы меня напугали, — сказала я. — Здесь в округе кто-то лазит по домам.

Она дважды моргнула — медленно, как бы не совсем понимая, что произошло. Не зная, стоит ли довериться своему чутью. Потом слабо улыбнулась мне, отвела взгляд.

— Да я просто хотела срезать угол. От «Ника».

— От Ника?

Может, так зовут ее мужчину? Но он не отозвался.

— Так называется бар за Брейкер-Бич, — пояснила она. — Отсюда есть короткий путь, — она вытянула прямую, как стрела, руку в сторону темного переулка. — Так что мы просто... шли к моей машине. — Она прокашлялась. Навеселе, догадалась я.

— А-а. *Ясно*.

Стало быть, вторжение в ту ночь могло быть случайным, незапланированным преступлением. Дом, который минуешь на обратном пути из бара. Незапертый.

Мужчина рядом с Эрикой внимательно смотрел на меня. Волосы у него были светлые, песчаного оттенка, как и щетина; ростом он превосходил спутницу, но ненамного. Я его не узнала. Мельком подумала о незнакомце на утесах — том самом, с фонарем. И о том, что я видела, как отключилось электричество, а теперь вот застала Эрику вместе с незнакомым мужчиной здесь, возле дома, где кто-то накануне ночью жег свечи.

— А *ты* что здесь делаешь? — спросила она.

— Навещала друга. Теперь направляюсь домой.

Она кивнула и переступила с ноги на ногу, опираясь на мужчину, стоящего рядом. И упорно отводила взгляд, а я поняла, что это не от нервозности — она сконфузилась оттого, что я увидела ее с другой, неожиданной стороны.

Мне хотелось посоветовать им не садиться за руль. Но Эрика всего на год младше меня, а Литтлпорт кишит опасностями. Пока не столкнешься с ними сам, ничему не научишься.

И все-таки.

— Могу подвезти, — предложила я.

— Нет-нет... — принялась отказываться она.

— Она в порядке, — заверил ее спутник. — Ну, то есть я в порядке, — поправился он. — Я справлюсь.

* * *

Я дождалась, когда они скроются из виду и их смешки затихнут вдалеке, и только потом отперла дверь «Шиповника». Внутри дом был таким, каким я оставила его — темным и теплым. Не теряя время даром, я опустошила сумку, открыла пакет, вынула футляр, а из него — флешку.

Поднеся ее к свету, я увидела спереди выгравированный кружок с логотипом «Недвижимости Ломана». Целую кучу таких флешек я видела в доме Ломанов, в кабинете наверху, в ящике стола.

Господи, это ее флешка. Определенно ее.

Трясущимися руками я вставила ее в USB-порт моего ноутбука и стала ждать, когда появится папка. В ней обнаружился лишь один файл, картинка в формате JPEG, и я, открывая ее, прильнула к экрану.

На нем развернулся скриншот с длинной горизонтальной панелью и двумя строчками электронной таблицы, снятой слегка не в фокусе.

Специальностью Сэди в университете были финансы, она стажировалась в компании отца. Перед смертью она работала с движением денежных средств.

Три колонки таблицы содержали по ряду цифр каждая, из них имел смысл лишь один — с суммой в долларах. Сто тысяч.

В двух других рядах я опознала номер счета и код банка. Я вытащила из сумки чековую книжку, чтобы проверить. Да, все правильно.

Номера счетов. Перечисления. То, что она считала необходимым скрывать за пределами Литтлпорта, вне досягаемости. Но информации

было недостаточно. Ни имен, ни дат. Без них остальное ничего не значило.

Может, это намек на то, куда выводили краденые деньги. Может, то, что я обнаружила прошлым летом, лишь верхушка...

Телефон зазвонил так неожиданно, что я вздрогнула. На экране высветилось имя, которое я уже не ожидала когда-нибудь увидеть вновь.

— Да, — ответила я.

— Привет. Извини, не вытерпел.

За все прошедшие годы я так и не удалила номер Коннора со своего телефона. И Сэди нашла его здесь. Среди потерь, за которые я продолжала цепляться.

— Это ее флешка, Коннор. С банковскими записями. Два платежа. Не знаю, что они означают и почему она их прятала.

Слова вылетели сами собой, по привычке доверять. Раньше он меня уже прикрывал, уверял он. Словно клялся, что он на моей стороне. Но едва эти слова вырвались у меня, как я пожелала взять их обратно, уже не уверенная ни в его намерениях, ни в чьих-либо еще. События развивались слишком быстро, а я лепила одну ошибку за другой.

Взрыв смеха за окном над раковиной заставил меня вскинуть голову и замереть. Но звук шагов вскоре затих вдалеке. Еще одна компания посидела в баре возле Брейкер-Бич, вышла и выбрала путь напрямик.

— Эйвери?.. Ты слышишь?

Я смотрела на темное окно.

— Слышу. Может, удастся отследить эту информацию, понять, в чем ее важность?

Пауза.

— По-моему, тебе надо остановиться, — сказал он.

— Что?..

Она спрятала флешку на островке, заплатила Коннору, чтобы он отвез ее туда, и погибла. А Коннор считал момент самым подходящим для советов остановиться?

— Платежи? Эйвери, опомнись. В каждом доме свои секреты. А к этой семейке я даже подходить близко не хочу. Она умерла, мы уже не вернем ее.

Но ведь она же не просто умерла. Если упала — да. И даже если прыгнула. Но возможно и третье объяснение, и чем дальше, тем больше я верила только в него одно.

— Ее кто-то *убил*, Коннор. И, по-моему, полиция подозревает одного из *нас*. Ты намерен просто сидеть сложа руки и надеяться на лучшее? — Молчание. Но он хотя бы не стал возражать. — Этот человек по-прежнему здесь. Тот самый, который был с нами на вечеринке.

У меня перехватило дыхание — как он не понимает? Зло живет среди нас. И это зло — тот, кто до сих пор рядом.

Даже сегодня, в пределах досягаемости. Вспышка фонарика на утесах. Отключение электричества среди ночи. Тень за окном. Следящая за мной, чтобы выяснить, как я поступлю. А может, узнать, что мне известно.

Я дважды проверила все замки в доме, продолжая прижимать телефон к уху и радуясь, что припарковалась в нескольких кварталах отсюда.

— Где ты? — ровным тоном спросил Коннор.

Я молчала. Похоже, помогать мне он не хотел. Скорее, отговорить.

— Узнаю что-нибудь еще — позвоню.

Я сохранила файл на моем ноутбуке, потом перерыла сумочку и разыскала обрезанный клочок бумаги — список наших имен и времени прибытия на вечеринку. Перевернула его и переписала на оборот реквизиты счета. Несколько следующих часов я провела, уставившись на эти ряды цифр. Желая, чтобы они что-нибудь да значили. Я знала лишь одно: эта информация наверняка была взята где-то в доме Ломанов и Сэди считала, что оставлять ее там небезопасно.

Я легла спать на диване, за стеной всю ночь время от времени проходили и удалялись шаги. Ранее незнакомая мне сторона Литтлпорта. И сторона Сэди.

Нечто новое, что я только что обнаружила спустя долгое время.

Глава 20

Я проснулась оттого, что гравий снаружи вновь захрустел под чьими-то ногами, и не сразу вспомнила, где нахожусь. Сначала понадобилось оглядеть комнату, мебель в ней и окно, сквозь щели в шторах на котором косо падали солнечные лучи.

Шаги удалялись — наверное, кто-то спешил на пляж. А прошлой ночью направление шагов было противоположным.

Сон сморил меня на диване, открытый ноутбук почти разрядился, пока я спала. Спотыкаясь, я прошла по тускло освещенной комнате, разыскала сумку и зарядку в ней. Поставила заряжаться ноутбук на кухонный стол, распахнула окно, впустила порывы ветра и запахи океана. Где-то в диванных подушках зудел телефон, мне понадобилось время, чтобы отыскать его. Я думала, что снова звонит Коннор.

Но на экране высветилось имя Гранта. Как будто он почуял, что прошлой ночью я открыла тот самый файл.

— Привет, Грант, — поздоровалась я.

— Доброе утро, Эйвери, — тон был ровный, как всегда, деловитый и непроницаемый. Настолько, что я немедленно предприняла попытку угодить ему, увидеть в его интонации отражение моей значимости. — Я не слишком рано?

— Нет, несколько. — Я перевела взгляд на ближайшие часы. Там, над кухонной раковиной, стрелки застыли на двенадцати.

— Объясни, что произошло.

— Ну, как я уже написала, произошло несколько мелких случаев проникновения, но ничего серьезного. В «Конце тропы» надо заменить телевизор, в «Голубой мухоловке» — окно. Но в «Закатном приюте» возникла утечка газа, и я встревожилась, думая, не взаимосвязаны ли все эти события.

Он не ответил. Я прокашлялась в ожидании.

— В полицию ты звонила? — спросил он.

— Пришлось. Я почувствовала, что пахнет газом, позвонила 911, и сразу приехала пожарная команда, — я сделала паузу. — Это было небезопасно.

— Понимаю. И что они сказали?

— Ослабла соединительная муфта за плитой. Естественно, понадобится заменить ее.

— Естественно, — повторил он.

И умолк, словно ждал, что я что-то добавлю, но я знала, что это тактика — ожидание, что паузу заполнит собеседник и при этом выдаст то, что хотел скрыть. За годы я научилась у Гранта многому — почти всему, что знала о бизнесе и о том, как вести себя в установленных рамках, о писанных и неписанных правилах.

Однажды он сказал мне, что во мне есть то, чего недостает его детям. Секрет успеха, который ускользнул даже от Паркера, объяснил он, в том и заключается, что ради значительных наград приходится рисковать по-крупному. То есть ради перемен в жизни, кардинальных перемен, надо быть готовым к потерям.

«Паркер справится с работой, — объяснял он. — При нем компания останется крепкой. Он сумеет распорядиться тем, что мы имеем. Он понимает правила игры, знает все входы и выходы. Но, когда он рискует, он делает ставку не на то, что принадлежит ему лично. Риск должен подразумевать некий противовес. Ни один из моих детей в действительности не желает идти на риск».

Потому что, подумала я тогда, у них уже и так все есть.

— Ты упоминала про большой дом, — нарушил он молчание. — Что-то про электричество.

И я вдруг поняла, что побудило его перезвонить мне. Не письмо, которое я отправила ему по электронной почте, и не беспокойство за собственность компании. А гаснущий по ночам свет; луч фонаря, который я видела на утесах. Его собственные подозрения насчет того, что произошло там, наверху.

— Да, — подтвердила я, — такое случалось уже несколько раз. Отключалось электричество. Приходилось лезть в щиток. Следовало бы проверить исправность.

— Хорошо... спасибо. Что-нибудь еще?

«Чем ты рискнула, Эйвери?» Он спросил меня и об этом, когда вызвал к себе. Когда отдал мне работу, которую раньше делала Сэди. Потому что понимал, и я об этом знала. Я рисковала своим местом в их мире. Поставила на карту мою дружбу с Сэди. Променяла то, где нахожусь, на то, где могла очутиться.

Не подвергая себя нешуточному риску, ничего не добьешься. А теперь я отчаянно цеплялась за то, что теряла.

— Я хотела объяснить насчет Бьянки. Насчет...

— В этом нет никакой необходимости, Эйвери, — его голос остался ровным и сдержанным, и я почувствовала, как сердце перестает судорожно колотиться, как расслабляются мои пальцы. — Послушай, — продолжал он, — мы высоко ценили твою помощь на протяжении всего этого непростого года. Честно говоря, думаю, без тебя мы бы не справились. Без всего того, что ты сделала для нас. Но в следующем сезоне мы передадим эти обязанности одной из управляющих компаний.

Я выждала момент-другой, чтобы посмотреть, продолжит ли он, сделает ли логический вывод из вышесказанного — новая должность, новые возможности. Но молчание затянулось надолго, так что ему пришлось снова позвать меня по имени, чтобы убедиться, что я еще слушаю.

— Ясно, — сказала я. Меня уволили. Комбинацией из двух коротких ударов. Мой дом и моя работа — потеряно было и то и другое.

И вот тогда-то его голос изменился. Понизился, приобрел более личные и властные нотки.

— Я делал ставку на тебя. Думал, в тебе есть нечто другое, достойное, чтобы тратить время и силы. Но похоже, я тебя переоценил — в сущности, это моя вина. И, полагаю, моя слабость.

Жало впилось резко и глубоко: мне представилось, как он сказал те же слова Сэди, стоящей напротив него перед письменным столом в кабинете наверху, когда отнял у нее работу и отдал мне. Я не отвечала, потому что между рвением и отчаянием есть грань, и он признавал лишь первое.

Все, что мне оставалось, — следить, чтобы не сбивалось дыхание, и держать язык за зубами, как успела научиться. И он вернулся к прежнему ровному, профессиональному тону, ожидая от меня продолжения в том же духе.

— Я просмотрел сводные таблицы: дело к последней неделе сезона, верно?

— Так и есть, — подтвердила я. На следующей неделе — День труда, вскоре после этого город опустеет.

— Ясно. В таком случае продолжим работу и закроем год. В конце сезона мы оплатим тебе потраченное время.

И он повесил трубку. Я еще некоторое время вслушивалась в пустоту, хоть и знала, что разговор закончен.

Как я не сообразила, к чему все идет? Еще три хода назад, после прибытия Паркера. Или два, когда Бьянка выставила меня. Или один ход назад, когда я открыла файл с флешки на своем ноутбуке. Сэди пыталась что-то дать мне понять. Ждала, когда я обращу внимание. В дверях моей комнаты, одетая в голубое платье, коричневый свитер и те самые золотые сандалии из ремешков, потрепанные и брошенные.

Я ощутила некий всплеск у меня внутри. Тот же самый, как когда я толкнула Фейт, когда Коннор застал меня с другим — прелюдию к разрушению. Как в тот момент, когда Грег назвал меня «чудовищем Сэди». А кто же я еще? Кто лучше меня мог понять силы, управляющие ее жизнью? Выбор пути, который привел к ее смерти?

Индикатор ноутбука стал зеленым, экран мигнул в процессе загрузки. Я вздрогнула, в ушах эхом отдалось предостережение Коннора, призывающего меня *остановиться*. Потому что он сразу почуял опасность. Спрятанный файл и смерть Сэди. То, ради чего, возможно, стоит решиться на убийство.

* * *

Я сидела за кухонным столом и пыталась разобраться хоть в чем-нибудь.

Возможно, Литтлпорт тут вообще ни при чем. Первым делом я могла бы выяснить, относится ли код к какому-нибудь из наших местных банков. И даже если нет, это еще ничего не значит: сейчас полно банковских структур и интернет-банков. Но хотя бы у меня будет с чего начать. В городе имелись два местных банка, клиентом одного из них была и я. Прошлой ночью я уже проверила, что в моей чековой книжке значится другой код.

Я побарабанила пальцами по столу. Подумала, не позвонить ли Коннору. «Слушай, ты каким банком пользуешься? Не подскажешь его код?» Потом прикинула, не позвонить ли в банк, но сегодня, в воскресенье, они были закрыты.

Я отодвинулась от кухонного стола. Моя бабушка была клиенткой другого банка. Она вписала мое имя в свой счет, так что после ее смерти мне не пришлось ждать, когда с ним разберутся, — я получила прямой доступ к деньгам, которых оказалось, впрочем, немного. Где-то у меня были реквизиты. В коробке, где я хранила все документы по нашим активам. По всему имуществу, которое раньше принадлежало ей и моим родителям, а потом перешло ко мне.

Эти документы сохранились. Я рылась в коробке, пока не откопала старую папку.

В ней я нашла погашенный чек — тот самый, с помощью которого я перевела деньги с бабушкиного счета на мой.

Я отнесла чек к компьютеру, просмотрела реквизиты, проверила их дважды.

Бумажный чек задрожал в моей руке. Да, да — цифры совпали. Тот же самый банк. Литтлпортское отделение.

Но я не переставала переводить взгляд. Туда-сюда. На экран. И на чек. И снова на экран.

Придвинулась ближе к экрану и затаила дыхание. Перечитала цифры еще раз.

Совпадал не только код банка. Но и номер счета. Одним из получателей этих денег и хозяйкой счета, на который их перевели, была моя бабушка.

Комната завертелась.

— Минутку, — я произнесла это вслух, хоть и не знала, с кем говорю. Просто подождите. *Минутку*.

«В каждом доме свои секреты, Эйвери». Это сказал Коннор прошлой ночью, и мне в голову не пришло отнести его слова к своей собственной семье.

Да еще сказанное Эрикой у меня в гостиной — что Сэди просила прислать к ним меня, называла меня по имени. Я даже не допускала возможности, что это правда. Ни разу не задумалась о том, что во мне могло изначально привлечь ее.

И вот нá тебе.

Я отодвинулась от стола, воскресила в памяти давнюю сцену. Ванная. Сэди входит и застает там меня. Вверх по ее шее ползет румянец.

Неужели она с самого начала знала, что я там?

Соскользнувший нож. Туалетная бумага, прижатая к порезу.

«Смотри не убейся». Она предостерегла меня так отчетливо и живо, когда я встала слишком близко к краю.

Как будто знала с самого начала.

Она видела меня в кухне их дома. Следила за мной. Знала, что я сделала.

Потом нашла дневник и выяснила, что я скрывала, о чем мечтала и чего боялась. И ни с кем не поделилась этой тайной.

Чего она *хотела* от меня? Неужели знала, что когда-то я проникла в ее дом? Забралась внутрь вместе с Фейт и Коннором?

Или что я сидела в лодке Коннора и заглядывала в огромные панорамные окна — смотрела на ее жизнь и ее тело, в которое мне хотелось вселиться?

Потом она разыскала меня на пляже и позвала к себе. В свой дом, в свою жизнь. Приняла меня по доброте...

Или. *Или*.

Как то, что принадлежало ей. Нет. О нет. Нет, Сэди.

Привела меня на ужин, вглядывалась в лица родителей, застывшее выражение на них. Ее открытая улыбка. «Видите меня сейчас?»

Рассказанная грустная история: смотрите, что стало с этой девчонкой. У нее нет родных, ей негде жить. Неужели вы не можете? Голос Гранта, когда они предложили мне гостевой дом: «Так будет правильно».

Татуировка на моем теле, такая же, как у нее, в форме буквы «S» — я нашла тебя, твое место здесь, со мной.

«Не надо», — сказала она, когда мимо прошел ее брат.

Она считала меня секретом. И открыто выставила меня напоказ местным сплетникам. «Смотрите, что я нашла. Смотрите, что я сделала».

Она считала, что я — одна из Ломанов.

Лето
2017

Вечеринка «плюс одна»

22:30

Угроза приезда полиции стала далеким, затуманенным выпивкой воспоминанием. Таким же незначительным, как отключение электричества, или падение в бассейн, или тайны, выложенные на всеобщее обозрение в ходе игры за кухонным столом. Начался второй раунд.

Я ждала, желая узнать, как поступит Паркер после сцены наверху: Лус вылетела из комнаты, пылая остатками гнева. И ожесточенности.

Паркер никогда не играл в эту игру со стопками, сообразила я. Никогда не выкладывал при всех свои тайны. Ни разу за все годы, пока я знала его. Он всегда был слишком занят кем-нибудь — то одним человеком, то другим.

Или, может, остальные побаивались его. Возможной реакции и действий. Слухов о его прошлом, о бесшабашной ранней юности ходило предостаточно. О том, как он ввязывался в драки, — так рассказывала Сэди. У него был шрам, был блеск в глазах — в доказательство, что когда-то он проявлял буйство натуры. И это, в отличие от меня, только прибавляло ему притягательности теперь, когда все осталось в прошлом. Но все понимали, что оно существовало, следовательно, до сих пор таилось где-то у него в глубине.

Наконец Паркер вышел из-за угла холла — один. Заметил, что я наблюдаю за ним, и помедлил. Потом сменил курс, подошел и встал рядом со мной у входа в кухню, не зная, куда девать руки теперь, когда в них не было стакана. Хрустнул суставами — одним, другим. Мне представилось, как он сжимает пальцы в кулак.

— Что стряслось там, наверху? — спросила я, кивая в сторону холла, за углом которого скрывалась лестница.

Пропустив вопрос мимо ушей, он обвел комнату взглядом.

— Где она?

Этот город не из тех, где можно вызвать такси или «Убер» и добраться до дома. Лус оставалось лишь торчать здесь.

Паркер отошел от меня в сторону толпы.

— Паркер! — окликнула я достаточно громко, на грани скандала, чтобы привлечь его внимание. — Что случилось, черт возьми? Я же слышала. Слышала вас обоих.

Он с любопытством взглянул на меня: глаза поблескивали, шрам через бровь отражал свет лампы под потолком.

— Она напилась. Остынет.

Будто во всех нас бушевал жаркий, бурлящий гнев. Я рассмеялась.

— Думаешь, я поверю, что виновата Лус? Лус!

Я попыталась представить себе эту картину. Лус на своих шпильках швыряет что-то об стену. Или налетает на Паркера, опрокидывая его навзничь. Лус безудержная.

Он медленно вздохнул.

— Верь во что хочешь. Мне все равно.

Будто мои мысли были несущественными. Потому что лишь он один что-то значил, он шел в счет.

Я заметила Лус за дверью патио — она сидела в шезлонге у бассейна, от подводной подсветки ее кожа приобрела болезненную бледность. Туфли она сбросила, ноги поджала под себя. Паркер, похоже, заметил ее одновременно со мной. Он шагнул было в ту сторону, но я удержала его за локоть.

— Она видела? — спросила я. Имея в виду нас. В ванной.

Паркер выдернул руку.

— Видела *что*? — переспросил он, будто запрещал мне даже упоминать о том, что случилось ранее. И лишь ему было решать, существовало что-либо или нет, и повествование его жизни не касается никого, кроме его самого, и он может править ее составляющие, как ему вздумается.

— Ничего.

Потому что и вправду *ничего* не было. Пока Лус находилась здесь, в городе, не говоря уже про Сэди, этого момента наедине с Паркером просто не могло быть.

Может, я совершила ошибку. Может, мне достаточно было только сказать Сэди про Коннора «не надо». Но кто бы решился заявить ей такое?

Быть Сэди Ломан означало получать именно то, чего хочешь. Если бы Сэди толкнула Фейт, увидела, как та упала, неловко выставив руку, чтобы смягчить удар, ей бы все простили. Если бы я украла деньги из

компании Ломанов, меня моментально вышвырнули бы за пределы их мира. Но не ее. Ей просто поручили другую работу. Лучше прежней. А что стало с деньгами? Да кто их знает. Скорее всего, она их промотала.

Она брала от жизни то, чего хотела, и делала что желала, — точно так же, как поступали все они. Паркер, Грант, Бьянка, Сэди. Жили наверху в Брейкерсе, смотрели на остальных свысока. Решали, что бы еще присвоить себе.

Вокруг меня продолжалось движение толпы, размытых лиц, пота и жары, у меня покалывало затылок, и я знала, что должна сбежать отсюда. Но куда, понятия не имела.

Сколько я простояла там неподвижно, наблюдая, как вокруг меня разыгрывается чужая жизнь? Прислонившись к стене, допивая то, что осталось от виски Ломанов?

Дом Ломанов, правила Ломанов, мир Ломанов.

Это как сидеть в лодке Коннора и смотреть снаружи внутрь. Как бы я ни приблизилась, я всегда оставалась не более чем наблюдателем.

Вон Паркер что-то шепчет на ухо Лус, присев на корточки рядом с ней, расположившейся в низком шезлонге у бассейна. Ее взгляд прикован к какому-то зрелищу вдалеке.

Вон Элли Арнолд сидит в окружении подруг на полу гостиной, скрестив ноги, точно воспоминание о давнем прошлом — о девчоночьих походах в гости с ночевкой, в каких когда-то участвовали мы с Фейт, забывая об остальном мире.

Мне понадобилось время, чтобы сообразить: одна из девушек в этой компании отключилась, прислонившись головой к стене, вот подруги и остались рядом. Возле нее поставили большой салатник — на случай если ее вырвет, поняла я. Элли положила мокрое полотенце на лоб подруги, я отвела глаза.

Вон Грег Рэндолф расселся на диване, обнимая девушку, судя по виду — на пороге восемнадцатилетия, и она смотрит на него так, будто лишь он во всем мире заслуживает внимания.

А вон и Коннор — шагает через комнату к двери, держа телефон в руке.

— Коннор! — окликнула я прежде, чем успела передумать. Он обернулся, и я увидела его глазами Сэди, без наслоений и лет, связавших нас. Как увидела бы девушка с балкона «Харбор-Клуба» — мужчину, который с уверенным и совершенно независимым видом

выходит из своей лодки. Мужчину, который ведет себя одинаково, не важно, смотрит на него кто-нибудь или нет. Редчайшее из явлений.

Ему было без разницы, кто такая Сэди или еще кто-нибудь из них. Она знала, что когда-то он был моим. Единственным, что осталось в городе принадлежащего мне, и только мне. И я поняла, что она должна была заполучить его.

Я оттолкнулась от стены и догнала его в холле.

— Не уходи пока, — сказала я.

Он склонил голову набок, но не ответил отказом. За всю историю наших отношений я успела узнать его слабости так же хорошо, как он знал мои. Коннор верил в линейность жизни. С самого детства он знал, чем будет заниматься: окончит школу, станет работать летом на своего отца и на любого рыбака, которому понадобится второй палубный матрос. Влюбится в девушку, которую знает всю свою жизнь, как и она его, — и как его родители до них.

Когда его жизнь сворачивала с этого курса, он оказывался неподготовленным.

Я улыбнулась, как в тот раз, когда он запрокинул мне голову у костра и поцеловал на виду у наших друзей — его рот, усмешка.

Я знала, как и он тогда: для шагов вроде этого требуется смелость. От меня, в толпе людей, на виду у Паркера Ломана и его окружения, шепчущей на ухо Коннору и зовущей его за собой в коридор.

Я провела ладонью по его руке, пока наши пальцы не переплелись, и он не сопротивлялся. Уходила медленно, на случай если кто-нибудь захочет посмотреть нам вслед. На случай если Грег Рэндолф обернется, сидя на диване, вскинет бровь и скажет: «Это же тот парень, с которым я видел Сэди». Но никто не захотел, и вообще мне было все равно. Я упивалась сознанием того, что он все еще хочет меня, даже спустя такое долгое время.

В спальне на нижнем этаже было темно, я заперла дверь. Не говоря ни слова — из опасения, как бы не рассеялся транс.

Я притянула его лицо к моему, но ощущения от поцелуя все равно стали неожиданностью. На его губах остался вкус спиртного. Расслабленность его рук чувствовалась, пока я стягивала с него через голову рубашку. Эта его податливость, благодаря которой я могла встроиться в его жизнь. И моя власть, способность изменить ход всех последующих событий.

Но к постели меня направил он. И он же шепнул мне на ухо «привет», будто все время только и ждал случая произнести это.

В темноте я не знала толком, кого он представляет рядом, меня или Сэди, но это не имело значения. Его пальцы скользнули по моим бедрам, коснулись татуировки, которой он не видел.

Ничто не длится вечно. Все преходяще. И ты, и я, и это.

Коннор был уже не тем Коннором, которого я знала, — как и я сама. Прошло шесть лет, мы стали другими. Шесть лет нового опыта, прожитой и познанной жизни. Шесть лет, чтобы выточить из себя личность, которой станешь. Но были и следы знакомого мне человека: рука вокруг моей талии, прижимающая меня к нему. И пальцы, выбивающие легкую дробь на моей коже чуть позже, до того, как рука застыла неподвижно.

Мы оба молчали. Лежали рядом, бок о бок, пока не опомнились от шума в коридоре. Оттого что кто-то подергал за ручку запертую дверь. Я рывком села.

— Эйвери... — позвал он, но я вскочила первой и подхватила одежду, чтобы не пришлось выслушивать оправдания. И сразу вышла в ванную при спальне, чтобы не видеть раскаяния у него на лице. Застыла в ванной, все еще влажной после того, как ранее тем же вечером я вместе с Паркером убирала полотенца и вытирала лужи.

Я дала Коннору достаточно времени, чтобы одеться и уйти. Он толкнулся было в дверь ванной, постучал, но я не ответила. Открыла воду в душе, делая вид, будто не слышу. И все таращилась на себя в запотевшее зеркало, пытаясь разглядеть в нем человека, которым я стала.

Когда я наконец вышла из ванной, в спальне его уже не было. Я не знала, куда он потом направился. В море лиц, сливающихся в одно размытое пятно в гостиной, я его не заметила.

Мне представлялось, как он едет к Сэди, чтобы во всем ей признаться. Представлялось, как она узнаёт, что я натворила. И то, что скажу ей я: «Ты ведь даже не намекнула мне, что ты с ним». «Извини, — и пожму плечами, — я не знала». Или: «Я перепила», — сниму с себя ответственность. «Он ничего не имел против» — чтобы ранить ее. Или правду: «Коннор Харлоу не для тебя». И то, что следовало сказать еще давным-давно: «Не надо».

«Не забывай, что однажды я уже сожгла свою жизнь дотла по частям. Не думай, что я не решусь на это снова».

Во второй раз все дается легче.

Как раз тогда, пока я вела этот мысленный диалог — прикидывала, что скажу ей, укреплялась в своей решимости, собиралась с духом, — Паркер встретился со мной взглядом поверх голов и кивнул в сторону входной двери. Предупредил меня.

Двое мужчин стояли на пороге, держа фуражки в руках.

Полиция все-таки приехала.

Лето
2018

Глава 21

Я вышагивала кругами по гостиной «Шиповника», прижимая к уху телефон. В голове теснилась собранная информация. Банковский счет моей бабушки. Наше с Сэди знакомство. Все воспринималось иначе.

Коннор не отвечал на звонок, я нажала отбой, как только вызов переключился на голосовую почту. Значит, он работал, несмотря на воскресенье. «Надо же людям есть». Так он всегда говорил, когда мы были младше, а я злилась на его бесконечные рабочие часы и его ответственное отношение к ним.

Океан вызывал у него зависимость, приводил его в трепет, как первый глоток спиртного, просочившийся в кровь.

Перед уходом я заперла входную дверь «Шиповника», но флешку прихватила с собой, боясь оставить в доме. С тех пор как умерла Сэди, у меня впервые возникло чувство близости с ней. Я шла по ее стопам, трогала руками то же, что трогала она. Мои мысли силились угнаться за ней.

Она скрывала от меня столько секретов, но насчет этого заблуждалась. А если бы спросила, я объяснила бы ей: я не из Ломанов.

Я объяснила бы, что внешне похожа на свою мать — да, темноволосую, с оливковой кожей, но глаза мне достались от отца. Что моя мать осела здесь, в городе, и пустила корни не ради того, за чем гналась, как она уверяла, а потому что встретила мужчину, учителя, и он оказался удивительно *искренним* в своих убеждениях, всецело уверенным, что здесь его место, а работа, которой он занят, — и есть его предназначение. И эти его искренность и рвение ослабили ее бдительность, помогли увидеть мир его глазами, понять, что если в нем и происходит что-то, то лишь так, как и было задумано, и в итоге она забеременела мной.

Ни этот брак не был идеальным, ни эта жизнь. Она всегда незримо присутствовала в каждом споре — причина, по которой мама осталась. Жизнь, которую она вела, и та, к которой она, похоже, продолжала стремиться.

Она отдала последние четырнадцать лет своей жизни моему отцу, Литтлпорту и мне. Я знала, что денег у них не было, потому что об этом говорилось вслух при каждой ссоре. Грань между искусством и коммерцией. Подработка. Мама работала в галерее, где были выставлены ее картины, и зарабатывала за кассой больше, чем за мольбертом.

Помню, как отец посадил меня однажды у галереи — это случилось летом, я была еще маленькой, а он спешил на частный урок. Мама стояла за прилавком и, кажется, удивилась, увидев нас. «Ты уже давно должна была вернуться домой», — сказал он. У нее растерянно вытянулось лицо. «Деньги за сверхурочные нам не помешают, — ответила она. Потом перевела взгляд на меня и изменилась в лице. — Прости, я забыла».

И никакой платы за молчание. Никаких силуэтов в тени.

Только я носилась на свободе в роще за нашим домом и училась плыть против холодного течения с поплавком, полным соленой воды. Скатывалась на санках головой вперед по Харбор-драйв, пока с нее не счистили снег, и верила, что этот мир мой, мой, мой.

К маминому разочарованию, мое мировоззрение всегда было скорее отцовским — прагматичным и непреклонным. Вот почему я так уверена, что она полюбила бы Сэди. Как человека, который способен смотреть на меня и видеть нечто иное, нечто новое.

Только теперь я понимала: Сэди верила тому, что увидела в тот первый раз.

На протяжении шести лет она, должно быть, считала, что знает, кто я. Выставляла меня напоказ в своем доме, дразнила мной своих родителей, предъявляла на меня права как на свою собственность. Шпилька в адрес матери, сильный ход против отца. Шесть лет, и наконец она узнала правду.

В самом начале своего последнего лета она купила два комплекта для теста ДНК — из тех, по которым можно узнать свою генеалогию и заодно провериться на целый ряд наследственных болезней. «Просто на всякий случай, — объяснила она. — Так нам станет гораздо легче. Как знать, может, у нас найдутся давно потерянные общие родственники».

Я колебалась. Несмотря на все мое пристрастие досконально отслеживать все вдоль и поперек шаг за шагом, я не знала, хочу ли

таких знаний, которые нам предстояло получить. Такой непоправимости и неизбежности, которую я не в силах остановить. Но разве можно было отказать Сэди, сидящей лицом к лицу со мной, если и дом, и постель, в которой мы сидели, в действительности принадлежали ей? И я плевала в пробирку для анализа, пока у меня не пересохло во рту и не запершило в горле. Отдала свою сущность в чистом виде.

Результаты пришли только через месяц, к тому времени я почти забыла о них. До тех пор пока Сэди не ворвалась ко мне и не велела проверить электронную почту. «Хорошие новости: я не умираю. По крайней мере, от какой-нибудь из этих восемнадцати болезней, — объявила она. — А теперь — сюрприз: я — прямо-таки чистокровная ирландка. А то вдруг моя способность мгновенно сгорать на солнце навела тебя на другие предположения».

Пока я проверяла почту, она смотрела в экран через мое плечо, потом показала мне, как вводила информацию о себе в базу генеалогических данных. *«Может, мы дальние родственницы»*, — сказала она. И стала ждать, затаив дыхание, когда и я последую ее примеру.

В родстве мы не состояли.

Я видела отражение ее лица в экране моего ноутбука: брови сведены вместе, углы губ опущены. Но в тот момент меня слишком занимало то, что мое фамильное древо оказалось неожиданно раскидистым. Раньше я не знала, остались ли у меня еще живые родственники. Мама прервала всякую связь со своей семьей еще до моего рождения, никто из ее родных не приехал даже на похороны. А теперь мне открылись новые горизонты — кровные узы, связующие меня с находящимся где-то там миром людей, о существовании которых я даже не подозревала.

В то время я не сообразила, что ничего подобного Сэди не ждала. Что она хотела, чтобы я узнала правду, и выбрала для этой цели именно такой способ. Тогда обратный путь будет закрыт. Больше никаких тайн. Всё и вся на виду.

Но она просчиталась.

Мне не удалось найти хоть какое-то осмысленное объяснение перечислению средств на бабушкин счет. Вдобавок был сделан второй платеж — еще кому-то из клиентов того же банка.

Летом после первого курса колледжа Сэди стажировалась в компании своего отца, тогда мы с ней и познакомились. Она работала в его кабинете, с его счетами. Неужели она наткнулась на эту информацию и только потому разыскала меня?

Что она поняла, когда стало ясно, что она все-таки ошиблась?

* * *

На Харбор-драйв кипела утренняя деятельность. Началось последнее воскресенье перед выходными Дня труда, и за то время, пока я искала, где бы припарковаться, я наверняка могла бы дойти сюда из «Шиповника» пешком.

Несмотря на многолюдность, во всем ощущалось что-то смутно непривычное. Море постоянно, неделю за неделей меняющихся лиц каким-то образом преображало все вокруг. Я лавировала между прохожими на тротуарах, направляясь к пристани, когда вдруг заметила знакомую фигуру, неподвижную в самой гуще суеты, на противоположной стороне улицы. Темные брюки и застегнутая на все пуговицы рубашка, очки от солнца, ноги, расставленные на ширину плеч, медленное вращение головы туда-сюда — детектив Бен Коллинз собственной персоной.

Я судорожно вздохнула и юркнула в первую попавшуюся справа от меня дверь. Над головой звякнул колокольчик, и я очутилась в самом хвосте длинной змеящейся очереди в «Харбор-Бине» — кофейне, в равной степени излюбленной как местными, так и приезжими. Осенью часы ее работы менялись, и цены тоже. А пока здесь собирались в основном отдыхающие. Никто из нас, местных, не желал переплачивать.

Пока очередь продвигалась вперед, я оглядывалась через плечо, но быстро потеряла детектива из виду за стеклянными витринами. Слишком много народу ходило туда-сюда, слишком много раздавалось голосов, много суматохи.

— Следующий!

— Кофе, — отозвалась я, и парень за прилавком вскинул бровь. Потом кивнул на написанное мелом меню за его спиной, но все

надписи расплывались перед моими глазами. — Да без разницы, — сказала я. — Просто выберите что-нибудь с кофеином.

— Имя? — спросил он, занеся ручку над полистироловым стаканом.

— Эйвери.

На долю секунды его рука зависла, прежде чем он начал писать, и я задумалась, слышал ли он что-нибудь. И знал ли.

— Эй, там, привет! — послышался женский голос из-за столика у кирпичной стены. Элли Арнолд улыбалась мне, как подруге. Грег Рэндолф напротив нее ухмылялся так, будто с ним поделились шуткой. Третий мужчина, ссутулившийся за их столиком, сидел спиной ко мне.

Парень вернул мне карту, и третий мужчина, сидящий за столом Элли, поднялся при моем приближении. Только тогда я увидела, что это Паркер Ломан с пустым стаканом в руке.

— Эйвери, — произнес он и прошел мимо. Будто моя сюжетная линия уже кончилась. Будто меня просто застали живой на его территории, когда мне там быть не следовало; будто я и не считалась лучшей подругой его сестры, не работала с ним несколько лет и будто вовсе не он целовал меня две ночи назад.

Вся их семья владела этим навыком — умением создавать предания и присваивать их. Сэди сама приняла меня в Брейкерсе. А теперь вот Паркер, видимо, распускал новые слухи обо мне. Интересно, неужели все, кто сидит за столиком, стоит за прилавком и работает на пристани, уже в курсе, что всего час назад меня уволили?

И все же я почти сочувствовала Паркеру — когда вспоминала, как отозвался о нем его отец. У Паркера отняли шанс страстно хотеть чего-либо.

Амбициозность проявляется не только в работе. Истинная амбициозность, как считала я, обладает оттенком отчаяния, чем-то сродни паническому страху. И ее, подобно бездействующему переключателю глубоко внутри, может привести в действие лишь острая необходимость. Именно от нее отталкиваешься до тех пор, пока не дотянешься наконец до цели.

— Вот, садись, — Грег Рэндолф толкнул ногой освободившийся стул Паркера, металл скрежетнул по бетону. В ожидании своего заказа я присела на краешек. — Ну, что нового? — спросил Грег, не переставая ухмыляться. — В смысле, с прошлой пятницы.

Парень за прилавком громко объявил мое имя, я извинилась и отошла за кофе. Он оказался обжигающе-горячим, с карамелью и какими-то специями, определить которые на вкус я не смогла. Снова усевшись, я сделала вид, будто забыла, о чем спрашивал Грег.

Он указал на Элли.

— Мы тут как раз говорили о вечеринке через неделю. Придешь к нам в Хоукс-Ридж?

Он склонил голову набок, я отпила глоток. Значит, вечеринка «плюс одна» в этом году состоится у него. В Хоукс-Ридже. Районе элитных владений на земельном участке вблизи гор, с видом на море вдалеке.

— Вряд ли, — ответила я.

— Ну вот... — протянул он с притворным вздохом. Я понимала, зачем я там понадобилась. Ради оттенка драмы, ради скандала, чтобы кто-нибудь мог удивиться: «Глядите-ка, Эйвери Грир! Поверить не могу, что она решилась сунуться сюда!» И чтобы кто-нибудь за стопкой выпивки загнал меня в угол словами: «А я про тебя кое-что знаю».

— Это будет уже не то, — продолжал Грег, запихивая в рот последний кусок своего неаппетитного маффина. — Сначала Элли, теперь ты, — добавил он, продолжая жевать.

— Ты не идешь? — удивленно повернулась я к Элли.

Она покачала головой, глядя в стол, потом прижала кончик указательного пальца к какой-то крошке на столе, перенесла ее к своей тарелке и уронила на нее.

— После того что было в прошлом году — нет.

Сэди, подумала я. Наконец хоть кому-то хватило ума понять, насколько это бестактно. Еще один год, еще одна вечеринка, будто ничего и не изменилось.

Больше никто, похоже, не желал знать правду — о том, что один из них что-то сделал с *Сэди*.

— Это был несчастный случай, лапа, — понизив голос, сказал Грег Элли. — А у меня есть резервный генератор. У нас электричество не отключится.

— Стоп! Так ты не хочешь идти в этом году потому, что в прошлый раз упала в бассейн? — уточнила я.

Она зло и резко зыркнула на меня.

— Я не упала. Кто-то толкнул меня.

Злилась она, видимо, на то, что я забыла, чем она объяснила свое падение, и я правда забыла. В прошлом году я думала, что она реагирует слишком бурно, требуя внимания к себе, как и предупреждала Сэди. Но в ту ночь все оказывалось не тем, чем выглядело поначалу.

— Извини, — сказала я.

Но даже Грег Рэндолф ей не верил. Осклабившись, он поднес стакан к губам.

— Да наверняка на тебя случайно наткнулись в темноте, — и потом — обращаясь ко мне притворным шепотом: — Помнится, она нехило так перебрала.

— Пошел ты, Грег, — огрызнулась она. — Все я помню.

Тогда они и переменились. Мои воспоминания о той ночи: электричество отрубилось, сеть не выдержала нагрузки. Суматоха. Визг.

И кто-то сбежал под шумок? Кто-то вернулся?

Я резко отодвинула стул от стола.

— Мне пора.

Мне требовалось поговорить с кем-нибудь, кто был тогда там и все видел. Может, с Коннором. Вот только всех тонкостей он не понимал. Не знал мир Ломанов от и до.

Но был и кое-кто еще. Тот, кто присутствовал там. Кто все видел. Кто, как я считала, представлял опасность из-за того, что заметил.

И кто в конечном счете не вернулся.

Глава 22

Однажды Сэди сказала, что никогда не знала, кому можно доверять. Не знала, вправду ли с ней хотят дружить из-за того, что представляет собой она сама. Не знала, что именно привлекает окружающих — она или ее фамилия. Та жизнь, которую я наблюдала с окраины Литтлпорта. Некие перспективы и обещания.

Когда-то в закрытой школе она была влюблена в одного парня. В первое лето она рассказывала мне о нем так, будто нашептывала волшебную сказку. Но он жил за границей, и после окончания учебы они расстались; он не вернулся за ней. С годами я слышала и другие имена, воспоминания о студенческих годах. Но никогда она не произносила их тем же пылким шепотом, с тем же блеском в глазах, с верой в то, что она любила и была любима.

«Мне повезло найти тебя», — сказала она, когда кончилось наше первое лето.

А я считала, что повезло мне. Монетка, подброшенная в воздух, одна из сотен, из тысяч, и я упали ближе всех к их дому. Я стала той, кого она выбрала, когда ей это понадобилось.

Как мне повезло найти эту девчонку, смотревшую на меня так, будто я совсем не тот человек, каким была всегда. Девчонку, которая посылала мне подарки на день рождения или просто так. Которая звонила, и я слышала в той же комнате чужие голоса, или поздно ночью, когда я слышала только тишину и ее голос. Которая доверяла мне и интересовалась моими мыслями: «Ну и какого мы об этом мнения?»

Она стала моей семьей. Постоянным напоминанием, что я больше не одинока и она тоже. Мне хватало ума понимать, что эта благодать не может длиться вечно, но с ней забыть об этом было слишком просто.

Каждое лето из года в год я была всем, в чем она нуждалась. А потом появилась Лусиана Суарес.

Когда той первой ночью у бассейна я поднимала вместе с ними тосты за лето, всякий раз, стоило мне поднять глаза, как я обнаруживала, что Лус наблюдает за мной.

Она объяснила мне, что знакома с Сэди и Паркером много лет, что их семьи дружат с тех пор, как они вошли в подростковый возраст, хотя никто из них и не учился вместе. Как будто дала мне понять, что ее отношения с Ломанами превыше моих, даже если судить исключительно по фактору времени.

Лус получила диплом магистра незадолго до того, как приехала вместе с Ломанами в начале лета. Выход на новую работу она отложила до середины сентября. Все равно ей переезжать, сказала она. Из студенческого жилья поближе к больнице, куда она устроилась терапевтом-реабилитологом.

Все, что она мне рассказала, сейчас пришлось кстати. Мне понадобилось лишь десять минут, чтобы просмотреть списки сотрудников нескольких больниц Коннектикута, прежде чем я увидела ее имя — Лусиана Суарес, прием с понедельника по пятницу, с 8:30 до 16:30.

Я нашла на карте ее больницу, потом ближайший отель, где забронировала самый дешевый номер, какой только нашелся в отелях этой сети, хорошо знакомой мне, — и все это не сходя с переднего сиденья машины, которое оказалось подходящим для этой цели местом, ничем не хуже любого другого.

Город я покинула, даже не заскочив по пути в «Шиповник». При мне была лишь сумка, а в ней — клочок бумаги со списком имен и номерами счетов да флешка Сэди. Коробки, мешки, мой ноутбук, ключи — я оставила все. Может, было даже к лучшему, что оставила.

Мне представлялось, как кто-нибудь найдет эти вещи в следующем сезоне, если я так и не вернусь. И задумается о том, что стало со мной. Соберет сплетни, разузнает о девчонке, помешанной на Ломанах. Которой наверняка было что скрывать.

Точно так же мы состряпали историю Сэди — девушки, которая хотела умереть.

Эта мысль побудила меня вновь позвонить Коннору — просто чтобы хоть кого-нибудь предупредить, — но он так и не отозвался на звонки. Я задумалась, не оставить ли сообщение, понимая, как это

будет выглядеть, но, с другой стороны, свидетельства моим звонкам ему уже имелись. Вдобавок детектив Коллинз видел нас вместе.

В стремлении узнать правду нет ничего предосудительного.

— Привет. Не видела тебя сегодня утром на пристани, но хотела сообщить, что уезжаю из города. — Я не знала, какой еще информацией поделиться — о перечислениях, о банковских счетах, флешке в моей сумке? Не знала, можно ли доверять моему чутью или самому Коннору. Но Коннор был знаком с моей бабушкой. Знал моих родителей. И неизменно, всегда превосходил меня умением взглядеться и заметить нечто новое. — Я тут попыталась выяснить, в каком банке открыты эти счета, — я перевела дыхание. — Узнала, что один из счетов принадлежал моей бабушке.

И я покатила прочь из Литтлпорта — по многолюдным улицам центра, в гору и прочь от пристани, по серпантину горных дорог, с нарезанным ступеньками тротуаром, мимо зелени и голых обочин, вдоль которых попадались только дешевые забегаловки, ларьки с мороженым и заправки на одну колонку, и так до самого шоссе.

Я направлялась на юг и подобно всем, кто покидал Литтлпорт, двигалась в потоке транспорта в сторону больших городов до поворота на девяносто пятое и Портленда, где открывались разные дороги, шоссе разбегались паутиной во все стороны.

Близилось время ужина, когда я зарулила на парковку отеля в городе, ничем не отличающемся от всех прочих, через которые я проехала по пути сюда. Коннор оставил мне голосовое сообщение, которое я прослушала, сидя в машине, словно опасаясь чужих ушей.

— Только что вернулся на пристань и прослушал твое сообщение. Позвони, когда получишь мое. В любое время.

* * *

Номер в отеле был стандартным, простым — тесная, как обувная коробка, комната, точно такая же, как тысячи других комнат по всей стране. Я и забыла, как все в Литтлпорте напоминает о том, где находишься, — даже мотели вдоль побережья с их ракушками и памятными свечками, вдавленными в песок. С ловушками для омаров, переделанными в скамейки и элементы декора. С сетями и буйками,

украшающими вестибюли ресторанов, в том числе и удаленных от побережья. А здесь ничего этого не было — только стены оттенка слоновой кости и ботанические иллюстрации в рамках.

Может, так и должно быть. Такую и надо было вести жизнь — в размеренной безопасности. Где ничто не угрожает тебе, но ничто и не приводит в трепет. Где ничем не рискуешь.

Понадобился вот этот шаг — выезд за пределы Литтлпорта и возможность оглянуться на него, — чтобы увидеть мою родину глазами постороннего человека. И наконец уловить то же, что чувствовала мама в моем возрасте. Не то, что заставило ее остаться, а причина, по которой она вообще остановилась там.

В Литтлпорте у нас развивалась зависимость от крайностей. Где бы ты ни очутился, ты адаптировался как к взлету, так и к падению. Все носило временный характер, как и место, которое ты занимал в происходящем. Мы понимали это. Это чувствовалось всегда — в силе моря, в высоте гор. В летней многолюдной сутолоке и зимнем тоскливом безлюдье. Увядал сладко пахнущий шиповник, таял быстро наметенный фут снега. Все отмечало прошествование времени и вместе с ним — еще один шанс для тебя.

Я перезвонила Коннору сразу же, как обосновалась в своем номере. Он ответил, и я услышала фоновый шум, словно он вышел куда-то в люди.

— Я не вовремя?

Шум постепенно затихал.

— Минутку, — попросил он. Я услышала скрип прикрытой двери.

— Ты не дома?

Как ему удалось забыть обо всем и свалить на тусовку к друзьям? Он же посоветовал мне прекратить поиски и, видимо, тоже вплотную занялся собственной жизнью.

— Нет, дома, только что пришел. В соседней квартире вечеринка. Народ столпился в коридоре.

— А-а.

Я даже не знала, где он теперь живет.

— В общем, слушай, — он понизил голос. — Тот детектив ошивался на пристани, когда я уходил, а когда я вернулся, он все еще был там. Весь день там провел. И спрашивал, не видел ли я тебя.

— А ты что?

— А ты как думаешь? Сказал, что не видел. Но вчера он застукал нас вместе и хотел узнать, зачем мы встречались. Ну я и объяснил: старые друзья, то-се. Его это не касается.

Я прислонилась к изголовью кровати, подтянула колени к груди и уставилась на свое отражение в зеркале над комодом у противоположной стены.

— Он считает, что это кто-то с вечеринки, Коннор. Что это один из нас. А теперь я нашла на той флешке бабушкин банковский счет и не знаю, что и думать.

— Ты сейчас где? — спросил он.

— В Коннектикуте. Хочу поговорить кое с кем из знакомых Ломанов.

— Надо было дожидаться меня. Я бы тоже поехал...

— Коннор, — прервала я, потому что на этот раз нам следовало быть откровенными друг с другом. Все проходит, и это тоже. Мы заключили союз в силу необходимости, потому что оба оказались втянутыми в это дело. Но, как только мы выпутаемся, незримые силы растащат нас в разные стороны, — я здесь для того, чтобы поговорить с Лусианой Суарес. И лучше мне сделать это одной. Ты говорил, она видела, что случилось на той вечеринке, правильно? С окном?

Молчание. Я услышала негромкое постукивание, представила, как он стискивает и разжимает зубы, и вдруг заметила, что сижу, затаив дыхание. И гадаю, не доверилась ли я не тому человеку, не подвело ли меня чутье.

— Расскажи мне потом, что узнала от нее, — наконец произнес он. Голос звучал негромко и холодно.

— Конечно, — отозвалась я. Но, если бы он разбирался в оттенках моего голоса так же тонко, как я — в его, он понял бы, что это ложь.

Глава 23

В последний раз я видела Лус на панихиде в Коннектикуте. Когда она не спускала с меня глаз. Я не знала точно, когда она рассталась с Паркером и почему. На вечеринке они разругались, но к панихиде, казалось, снова сошлись. Я не знала, действительно ли это *пауза*, как выразился Паркер, и, если да, чем вызван разрыв.

К половине шестого я проснулась, заняться было нечем, кроме своих мыслей. В сумке лежал свернутый клочок бумаги с подробностями вечеринки.

«Я — 18:40
Лус — 20:00
Коннор — 20:10
Паркер — 20:30».

Я продолжала вспоминать события того вечера, пытаюсь увидеть среди них нечто новое. И гадала, действительно ли каждый присутствующий отчитался за все проведенное на вечеринке время.

После того как все собрались, Грег Рэндолф затеял игру; Лус показала мне разбитое окно; отключилось электричество, и Элли Арнолд упала в бассейн — или ее столкнули; потом Паркер помог мне навести порядок в ванной; следом состоялась его ссора с Лус наверху, а Коннор стал пробираться к выходу, но я его не отпустила.

В половине восьмого утра я уже стояла у боковой двери медицинского центра при больнице, ожидая, когда ее отопрут. Мягкий щелчок автоматического замка — и я в здании.

Я разыскала ее кабинет в белом лабиринте коридоров. На табличке ее фамилия значилась вместе с тремя другими. Хотя, согласно табличке, прием начинался с половины девятого, я знала, что она должна явиться заранее.

Первой я увидела тень — без звука шагов, — выплывающую из-за угла. Затем женщину: туфли на резиновой плоской подошве, классические брюки, синяя облегающая блузка. Зачесанные назад и заколотые в хвост низко на затылке волосы, кофе в одной руке, телефон в другой. Лус. По-прежнему глядя в свой телефон, она

остановилась сразу же, как только вывернула из-за угла, будто почувствовала что-то не то. Нечто неуместное.

Подняв голову, она дважды моргнула, ее лицо не выражало ничего.

— Привет, — подала голос я.

Она все так же смотрела на меня, словно не узнавая.

А потом что-то как будто прояснилось, поместило меня в контекст, вытащило из памяти.

— Эйвери? — спросила она. И оглянулась через плечо, словно я могла ждать кого-то другого.

— Я надеялась застать тебя до начала приема, — я постучала по табличке на ее двери — в напоминание, что просто ориентируюсь на общедоступную информацию. — Надеялась поговорить с тобой.

— Все хорошо? — Она направлялась ко мне, и я задумалась, имеет ли она в виду Паркера. Близки ли они все еще и теперь она волнуется за своего парня — просто потому, что они взяли *паузу*, а может, и не брали вовсе. Может, она осталась дома только из-за работы, а Паркер соврал. И уже далеко не в первый раз.

— Да. То есть нет, не поручусь. Церемония в память о Сэди на этой неделе, помнишь? Паркер уже там. А с этим расследованием все не так просто, как оказалось.

Она сунула телефон в сумочку, вынула ключи, отперла дверь.

— Я и не думала, что просто, — с самого начала. — Она придержала дверь для меня ногой, поманила за собой в кабинет, включила верхний свет и бросила сумку за стойку у входа. Кабинет был маленьким, со стульями вдоль стены напротив стойки и узким коридором, в котором с того места, где мы стояли, виднелось несколько открытых дверей.

Она бросила взгляд на часы:

— У нас есть минут десять в запасе до прихода секретаря. Она всегда является рано.

Под моим пристальным взглядом она нахмурилась. Но это я просто от удивления. Она совсем не походила на девушку, с которой я познакомилась прошлым летом, — девушку в белых капри, с золотыми украшениями и безупречно подстриженными волосами длиной чуть ниже ключиц. Неужели и я показалась ей другой, не такой, как в пределах Литтлпорта? Этот город наделял людей особыми свойствами.

Потому они и съезжались туда. В окружении гор и океана они словно вырастали, какими не были больше нигде. Превращались в тех, кто способен провести каяк через буруны прибоя, взойти на вершину горы и посмотреть поверх деревьев на склоне вдаль, на океан, в полной уверенности, что этот вид принадлежит им по праву. В тех, кому проще простого вернуться домой вовремя — как раз к вечернему ужину с омарами под шампанское. В тех, кто достоин всего, что только могут предложить здешние места.

Лус взглянула на закрытую дверь и прокашлялась. Я упустила ее теперь, когда у нее появилось время подумать. Осознать, что я разыскала ее и провела за рулем полдня, только чтобы появиться здесь перед ней.

— Когда ты в последний раз говорила с Паркером? — спросила я.

Этим вопросом удалось завладеть ее вниманием: она чуть шире открыла глаза, у нее слегка перехватило дыхание. Почти так, будто она испугалась.

— Мы почти не общались с тех пор, как расстались.

— Когда это было?

Она склонила голову набок.

— В прошлом сентябре. Строго говоря, той самой ночью. Когда состоялась вечеринка.

— Что? — Я вновь увидела ее, как наяву, вылетающей из двери верхней спальни. С диким взглядом. Неужели тогда он ее и отшил? Или это она — его?

— Той ночью мы поссорились, но это была просто последняя капля. Та самая, которая развязывает язык, понимаешь?

Я слышала их, находясь в ванной. Удар об стену. Я понизила голос:

— Он тебя ударил?

— Паркер? Нет. Ничего подобного... Он открыл дверь, чтобы уйти, а я с грохотом захлопнула ее. — Она покачала головой. — Мне просто хотелось в кои-то веки узнать правду. Так осточертело вранье.

— Но я же видела тебя. На панихиде.

Видела, как она стояла рядом с Паркером и следила за мной. Он наклонился, зашептал ей на ухо, и она вздрогнула, отвернулась...

— Да, это он попросил — ну, сказал, что *нехорошо это будет выглядеть*, если мы расстанемся в ночь смерти его сестры. — Она

закатила глаза. — Представляешь? Даже тогда их заботило, как это будет выглядеть. Мы согласились поддерживать видимость до похорон, пока все не закончится и я не приступлю к работе, — она обвела рукой комнату. — В сущности, мы просто... отделились. Нам больше было нечего сказать друг другу. С тех пор я прилагала все старания, чтобы не пересекаться с Ломанами. И пока что мне это удавалось.

— А я думала, ты... ну, ты же им вроде бы нравилась. И они тебе как будто тоже.

Она рассмеялась, удивив меня.

— Еще бы. У них была масса всяких «вроде бы» и «как будто». — Глядя на меня, она покусала себя за щеку изнутри. Этой нервной привычки я за ней раньше никогда не замечала. — Ты в шахматы когда-нибудь играла?

Мой отец играл, но его шахматы куда-то затерялись при первом переезде, и потом, играть я все равно не умела.

— Думаешь, они ведут игру? — спросила я.

Она провела ладонью по голове и вниз по конскому хвосту.

— Я думаю, они *и есть* игра, Эйвери. Шахматные слоны и кони. Короли и ферзи. Пешки.

Я потеряла нить, не уловила сути метафоры.

— Тебе кажется, что ты была пешкой?

А может, она имела в виду меня.

Она сжала губы и не ответила.

— Ради короля они жертвуют чем угодно.

Мне вспомнилось, чему учил меня Грант, — что ради победы надо быть готовым рискнуть. Быть готовым с чем-нибудь расстаться. И приготовиться проиграть.

— Насквозь гнилая семейка, — продолжала она, понизив голос почти до шепота. — Терпеть друг друга не могут.

— Да нет же... — без особой убежденности возразила я, думая: *они смыкают ряды. Когда что-то не ладится, они покрывают своих.* Готовят Паркера к передаче компании. Двигают карьеру Сэди. Направляют их в жизни. Но вместе с тем я своими глазами видела враждебность в отношениях между Сэди и Паркером. Лус не могла не заметить ее. Я думала, может, она проистекает из ревности, из

родительских ожиданий, типичного для братьев и сестер соперничества, но могла и ошибаться.

— Все это липа, — продолжала она. — Представляю, на что они пошли, лишь бы убедить тебя, — все они до единого. Все фальшивка. Ничего настоящего.

Но именно Лус указала на меня. Так говорил мне детектив Коллинз.

— Ты сказала полиции, что я была помешана на Сэди.

Она сделала глубокий вдох.

— Тот детектив... он что-то вынюхивал. И мне не хотелось, чтобы он нашел это что-то во мне. Он расспрашивал про каждый мой шаг. Где я была — прямо посекундно. Было так трудно вспоминать каждую деталь. Что я делала, что видела... — Она закрыла глаза, и я увидела, как двигаются глазные яблоки под опущенными веками. — А что я должна была подумать? Когда я приехала туда прошлым летом, ты явно не обрадовалась мне. Так что я ему, в сущности, не соврала.

— Просто я даже не знала, что ты приедешь, — объяснила я. — Никто меня не предупредил.

Она повертела в руках свой стакан с кофе, отпила длинный глоток и бросила стакан с остатками в мусорную корзину возле стола.

— Поначалу я думала, ты нацелилась на Паркера. Но потом увидела, как ты общаешься с Сэди. Не знаю, что вышло между вами тем летом, но да, я сказала полиции. Для меня тот вечер был сплошным унижением, мне осточертело вспоминать его. Да еще *Сэди*... Господи. Мне хотелось только одного — вырваться оттуда, — договаривая, она невольно передернулась.

— Хочешь сказать, у них были причины сделать упор на тебя?

Ее губы сжались в тонкую линию.

— Нет, не на меня.

Значит, на Паркера. Она имела в виду Паркера. Причастность Паркера затянула бы в эту трясину и ее. Так можно не просто перенести кого-нибудь в другой мир, но и утащить на дно. Этот урок мы обе усвоили благодаря Ломанам.

Лус надела белый халат. Приколола бейджик с именем. Я задумалась о том, как мы одеваемся, чтобы преподнести себя окружающим. Как влезает в чужое обличье, чужую кожу. Как меняем

внешний вид, чтобы о чем-либо заявить друг другу. Так и Лус теперь: «Я — тот человек, который тебе поможет». Или: «Мое место здесь».

Она снова взглянула на часы.

— Так ты за этим пришла? Этого достаточно?

— Сэди убили. Ту записку написала не она.

Долгое время она смотрела на меня, ее руки замерли на бейджике с именем. Наконец она провела ладонями по белому халату. Понижила голос:

— Хочешь узнать, нет ли у меня подозрений насчет кого-нибудь из остальных?

А как же иначе? Зачем еще я тащилась в такую даль?

— Ты лучше меня знаешь, что было между ними. — Я прокашлялась. — Ты видела там их всех.

А я находилась вплотную к ним, и моему взгляду не доставало четкости. Кроме того, как она сказала мне в день нашей первой встречи, она дольше знакома с ними.

— Видела.

— По-моему, Сэди хотелось сбежать оттуда. Кажется, она что-то разузнала про свою семью.

Я отвела глаза, опуская упоминания о своей роли — о том, что она разузнала кое-что не только про свою семью, но и про мою. Про воровство, выплаты — как все это связано и как я к этому причастна.

— Насчет ее желания сбежать не знаю, — ответила Лус. — Мне кажется, она просто хотела такого же внимания, какое доставалось Паркеру. Знаешь, ведь Паркер нуждался во внимании всех, кто его окружал. В преклонении перед Паркером Ломаном. — Она закатила глаза. — А Сэди его никогда не удостаивалась.

«Звездный любимчик. Юниор сраный».

— Ее шпильки попадали ему не в бровь, а в глаз. Никогда не видела Паркера настолько мрачным, как когда Сэди подкалывала его. Всегда находилось чем. Дразнила его постоянно этим его шрамом. Я как-то не придавала этому значения. Мы же были почти детьми. — Она коснулась своей брови, пожала плечами. — Но она не унималась. Подзуживала: «Ну-ка, расскажи Лус о своей бурной юности. Паркеру все сходит с рук. Кстати, что это было — драка один против двоих? Из-за девчонки?» Он молчал, она наседала. Бросала что-нибудь вроде: «Паркер, твоя следующая реплика — «видела бы ты моего

противника!» Или я ошибаюсь? Да ладно тебе, выкладывай». Или: «Ох уж эти мне грехи его юности! Навечно под замком».

Я прямо увидела, с каким выражением лица Сэди говорила все это. Била и била в одну точку, пока что-нибудь не ломалось. «Паркеру все сходит с рук». Она его ненавидела. Ну разумеется. Ту жизнь, на которую ей было нечего и надеяться, хоть она и выросла в том же доме, у тех же родителей, с теми же возможностями.

— Так почему же вы расстались? Ты его испугалась?

— Нет, не испугалась. *Офигела*. — Она отвела взгляд и хмыкнула. — Так неловко. Ночь. Окно. Помнишь?

Я затаила дыхание. Застыла в неподвижности.

— Я была в доме, искала Паркера. Наконец увидела его за окном. И улыбнулась. Хорошо помню, я *улыбалась*. — Она покачала головой, удивляясь себе. — Пока не увидела, чем он занят. Он разговаривал с какой-то девушкой, пытался успокоить ее. А выражение на ее лице... Оно мне знакомо. Негодование — да, и вместе с тем горе, разбитое сердце. А потом она схватила одну из стоек, которые были там расставлены по патио, и замахнулась, целясь ему в голову. — Лус взмахнула руками, словно держа битую, — показывала или вспоминала. У меня отвисла челюсть.

Она усмехнулась.

— Вот и я выглядела так же. Он увернулся, но удар пришелся в стекло, и... ну, ты видела. Она не шутила. Она в самом деле собиралась ударить его. И была так зла, настолько, что... А позднее, когда я пристала к нему с расспросами, он заявил, что между ними все давным-давно кончено. И что просто она никак не уймется. Ага, как же. — Она сжимала и разжимала пальцы. — Мне хотелось правды. Чтобы больше никакого вранья. Никто не будет ждать до последнего летнего дня, а потом нападать на человека из-за того, что случилось аж *год* назад. А она была так зла, достаточно, чтобы отомстить ему немедленно. — У нее дрогнуло горло. — Этот город... стоит туда попасть, и оказывается, что он сам по себе целый мир. Ничто другое не существует. Время останавливается. Кажется, что тебе по силам *что угодно*... — И она переключилась на меня: — А ты разве не знала? Я правда думала, что в курсе все, кроме меня.

— Нет, — ответила я. — Я не знала.

Я понятия не имела, чем был занят Паркер, когда он уезжал куда-нибудь один.

— Паркер умолял меня не впутывать ее. И я послушалась только по одной причине: в то время я не верила, что он способен навредить Сэди. Мы почти всю ночь были вместе, а тут еще эта записка... Я не верила, что он мог расправиться с ней. Но теперь уже ничего не знаю. Чем больше времени проходит, оглядываешься — и?.. — Она покачала головой.

Но я почти не слушала. Мне представлялась девушка, держащая в руке стойку ограждения, как битую. В памяти всплывали лица, которые я видела на вечеринке. Слухи о Паркере, долетавшие до меня, и то, что додумывала о нем я сама.

— А та девушка — ты не знаешь, как ее зовут?

— Нет. Зато знаю, кто она. Видела ее раньше. Кудрявые волосы, рыжевато-каштановые. Она работала в том мини-отеле, куда мы иногда заходили на поздний завтрак. — Она поперхнулась собственным смехом. — А он еще возил меня туда летом, выставял меня напоказ, больной урод. Потом-то я догадалась, зачем ему понадобилось парковаться там. И почему он так долго не появлялся на вечеринке. Чтобы сначала повидаться с ней.

Я пошатнулась как раз в тот момент, когда распахнулась дверь. Женщина старше нас в платье с цветочным рисунком заглянула в кабинет, придерживая дверь бедром. Смотрела она на пустое место между нами.

— Все хорошо?

Она наверняка ощутила повисшее в воздухе напряжение, опасность момента. Спереди на ее платье болталась табличка с именем. Должно быть, секретарь.

— Мне пора, — сказала я.

— Эйвери! — Голос Лус заглушила захлопнувшаяся за мной дверь.

По коридору я зашагала быстро, почти побежала. Через ближайший выход вырвалась в утренний холодок предосеннего утра и сделала глубокий вдох.

Чертов Коннор. Он знал. Девушка, с которой он ссорился в тени, — та же самая, которая замахивалась стойкой на Паркера. Я смотрела на них через треснувшее окно, — оба стояли ближе к краю

двора, и ее лицо находилось за пределами кадра. Коннор видел, как все произошло, и солгал. Выбрал, на чью сторону встать, — как тогда, так и сейчас.

Я отчетливо видела ее, эту девушку в тени. Побелевшие костяшки пальцев. Представила выражение ее глаз, когда она отступила и пошатнулась. Она виделась мне отчетливо, как никогда прежде. В ней ощущался страх — да, но вместе с ним и злость.

Фейт. Это была Фейт.

Глава 24

Я сидела в машине возле больницы, и у меня тряслись руки. Вытащив клочок бумаги с нашими именами, я снова развернула его. И добавила в конце списка еще одно имя:

«Фейт — 21:00».

Она явилась туда. В какой-то момент после прихода Паркера и перед тем, как было разбито окно.

Мне едва удавалось сосредоточиться на управлении машиной по дороге домой, меня пронзала насквозь ярость, раскаленная добела.

Если дело вновь открыто, как я полагала, значит, полиция ищет человека, побывавшего на вечеринке. И снова пересматривает тот же список имен.

Но в нем не доставало еще одного имени. О котором полиция даже не подозревала. Имени человека, который не должен был появиться там.

* * *

Коннор продолжал названивать с частотой, которая тревожила меня. Я смотрела, как поступает каждый звонок, слушала гудки, пока телефон не переключался на голосовую почту. Но уже через несколько мгновений звонки возобновлялись, и я уже опасалась неизвестно чего, что могло случиться. Церемония в память о Сэди должна была состояться на следующий день. Может, из-за расследования что-то изменилось? Когда телефон зазвонил в следующий раз, я нажала «Ответить».

— Алло?

— Ты где? — вместо приветствия спросил он.

— Возвращаюсь. Все в порядке?

Шоссе вдоль побережья было гораздо свободнее в северном направлении по понедельникам — в отличие от воскресенья, когда из города двигался плотный поток транспорта.

— Я беспокоился. Ты же говорила, что позвонишь, и не позвонила.

— Извини. Я выехала в обратный путь сразу после разговора с Лус.

Пауза.

— Что она тебе сказала? Что ты выяснила?

Уже не любопытство, а проверка, и я не смогла определить, на чьей он теперь стороне.

— Да ты точно уже знаешь.

Затяжное молчание, в пустоте которого началось наше отдаление друг от друга.

— Нет.

— Ты не знал, что это Фейт разбила окно? — Я быстро настигла идущую впереди машину и обогнала ее, не притормаживая. Мне хотелось сбавить скорость, успокоиться, но пальцы только сжимались на руле. — Не знал, что она поссорилась с Паркером Ломаном и пыталась ударить его?

— Нет. *Нет*. То есть я видел ее там. Заметил, что она не в себе. И понял, что она явилась поговорить с Паркером, но советовал ей уйти. Отправлял ее домой. Ох и разозлилась же она на меня и, должно быть, до сих пор злится. Обвинила меня в предательстве. И не понимала, что я там делаю.

— А, так ты пропустил главное. Саму ссору. Она разозлилась и чуть не шарахнула Паркера каменной стойкой по голове. Но промахнулась и угодила вместо этого в окно.

— Слушай, Фейт не причинила бы никому...

Его голос угас, и в просвете тишины я рассмеялась.

— Не то что я — ты это имел в виду?

Он не ответил.

— Она целилась ему в *голову*.

— Но окно даже не разбилось, так? Значит, не так уж сильно она размахнулась. Может, просто хотела напугать его. Дать понять, как она расстроилась.

— Да ладно тебе, Коннор.

Будто существовали некие стереотипы, в которые ему хотелось верить насчет Фейт и самого себя. Будто он не привязался с ранней юности к двум девчонкам, каждая из которых обладала способностью

причинять вред и злиться. Иначе что означало бы это для него — если бы он разглядел в нас обеих нечто такое, что ему нравилось, что он любил?

— Она уже не та, какой ты ее знаешь, она...

— Ну и какая же?

— Как-то съежилась. Будто сдалась и махнула рукой.

— На Фейт не похоже.

На ту девчонку, что я когда-то знала, — которая тайком пробиралась в чужие дома вместе со мной, говорила все, что думала, ничего не боялась и ходила всегда вприпрыжку, упругим шагом. Но мне вспомнилось, как она выглядела, когда я увидела ее неделей раньше в мини-отеле, — тихой и замкнутой. С отрывистой речью, поддельным дружелюбием.

Но причинить вред она могла. Еще как могла.

Гнись, пока не достигнешь той самой точки. Когда и так уже низко, и опускаешься все быстрее, и тогда делаешь все возможное, что угодно, в отчаянном порыве, лишь бы остановить это падение. И яростное «хрен вам!» выносит тебя на поверхность. Шрам после драки Паркера. Решительное пожатие плеч Коннора. Мои руки на плечах Фейт. Прилив, едва я ощутила перемену в расстановке наших сил, в точке опоры, на которой балансировало столько жизней.

— Слушай, мне тут еще надо развезти несколько заказов, но дай мне самому сначала поговорить с ней. Давай сходим вместе. Дай мне...

— Нет, Коннор. Нет.

Я не собиралась ждать Коннора. Детектив Коллинз явно держал в перекрестье прицела нас двоих. Об этом говорил и Коннор — что детектив расспрашивал не только о нем, но и обо мне. А я только что выяснила, что Коннор отнюдь не на моей стороне. Если мне нужна правда, я должна отправиться за ней сама, пока не стало слишком поздно.

— Я пойму, что это правда, когда спрошу у нее. Я все пойму.

Точно так же, как мы с Коннором сохранили способность считывать друг друга даже спустя долгие годы. Во всем, что хотели скрыть, но не могли. Фейт не сумела бы соврать мне. Если я спрошу, сделала ли она что-нибудь с Сэди, и она ответит, я пойму, правда это или нет.

— И что потом? — спросил Коннор.

Я не знала. И, честно говоря, не смогла бы ответить. Фейт или Сэди. Мое прошлое или мое настоящее.

— Поклянись, что дашь мне поговорить с ней первой.

— Мы слишком стары для клятв, Эйвери. — Он отключился, а я вдавила педаль газа в пол, набирая скорость и сворачивая с шоссе.

* * *

Я была невнимательна, когда отпускала педаль газа, съезжая под уклон по горной дороге к морю. Не видела приближающийся крутой поворот серпантина и затормозила слишком поздно, по инерции зад машины занесло к краю дорожного покрытия, всю машину слегка качнуло влево. У меня упало сердце, я рванула ручник. Руки затряслись, пульс участился, и понадобилась саечка от еще одной машины — резкий гудок, с которым она вильнула, объезжая меня, — чтобы я смогла вновь сосредоточиться.

Как просто все случилось бы, осознала я. Смерти никогда не было там, где я искала ее, — она подкрадывалась, когда я не видела. Как просто, наверное, было моему отцу задремать на горной дороге, с мамой на соседнем сиденье и бабушкой на заднем. Темная дорога, темная ночь. Честно говоря, меня всегда удивляло, что такое не случается намного чаще.

Казалось чудом то, что настолько многие из нас продержались так долго и продолжают держаться.

Я сделала несколько глубоких вдохов и продолжила путь вниз, к Литтлпорту. Вдалеке солнце коснулось поверхности воды, и у меня екнуло в животе. Я миновала поворот на Хоукс-Ридж слева, с его каменными столбами и чугунными воротами. Затем еще одну развилку — дорогу, отходящую справа и ведущую к тем местам, где я выросла, с одноэтажными домами, обращенными тылом к лесу и с видом на горы. Дорога передо мной полого скатывалась к морю и центру города.

Улицы были не так запружены, как в выходные, и я, проезжая мимо, выхватила из вереницы прохожих несколько знакомых лиц. Я знала, что детектив Коллинз сейчас где-то здесь и разыскивает меня. Поджидает. Потому что убежден, что я хотела стать частью мира Сэди

Ломан, а когда она приняла решение изгнать меня оттуда, я пожелала ей смерти.

Они знали, на что я способна, когда зла.

Море вдалеке выглядело спокойным. Я повернула машину и продолжала путь уже вверх по склону, мимо полицейского участка на вершине холма, к «Мысу» вдалеке и к маяку.

Стоянка была заставлена наполовину, под медленно вращающимися колесами хрустнул гравий на подъездной дорожке. Выходя из машины, я услышала плеск волн о подножия скал за деревянными перилами. Ошеломляющую силу океана. Напоминание о том, что одно и то же место способно быть воплощением и страшного сна, и мечты.

Засмотревшись на семейство, выгружающее свой багаж из соседней машины, я чуть было не упустила из виду женщину, которая вышла из мини-отеля через заднюю дверь, обращенную к лесу. И направилась по тропе, по которой я промчалась год назад.

Последовать за ней меня побудила скорость, с которой она удалялась. И эти волосы, буйные и непослушные, собранные в конский хвост высоко на макушке. И быстрый взгляд через плечо, словно она не желала, чтобы ее кто-нибудь заметил.

Я держалась на расстоянии, следуя за ней по тропе, но была вынуждена отстать, иначе она неизбежно заметила бы меня. И к тому времени, как я приблизилась ко двору за «Голубой мухоловкой» — высокая живая изгородь вокруг бассейна, проблеск голубой обшивки стен дома, выглядывающего из-за изгороди, — я потеряла ее из виду.

Застыв неподвижно, я прислушалась, чтобы уловить шум ее движения или хоть что-нибудь.

Трепет веток. Листья, сорванные и сброшенные на землю быстрым порывом ветра. Плеск волн в отдалении.

А потом — скрип открывающейся двери.

Я выглянула из-за угла «Голубой мухоловки» как раз вовремя, чтобы увидеть, как закрывается дверь дома напротив, через улицу. И замерла, уставившись на нее. Она вошла в «Закатный приют».

Значит, дело не в разбитом окне и неисправном замке. Внутри она проникала не так.

У нее был ключ.

Глава 25

Я ждала на противоположной стороне улицы, прижималась к боковой стене «Голубой мухоловки» и наблюдала. Пыталась понять. В прошлом году Фейт побывала на вечеринке и поссорилась с Паркером. А теперь находилась в одном из сдающихся в аренду домов, принадлежащих Ломанам. Я силилась примерить эти сведения к призраку девчонки, которую когда-то знала.

Мне вспомнилось, как мы с Коннором и Фейт побывали в пустующем доме Ломанов. Как она открывала один за другим все шкафы, заглядывала внутрь — все мы критически оценивали жизнь, которая нам не принадлежала. Детектив Коллинз не ошибся: был один человек, в котором с годами разрослась одержимость. Тот, кто долго присматривался и нашел наконец щель, путь в ту жизнь. Только это была не я.

Я не переступала порог «Закатного приюта» с тех пор, как обнаружила в нем утечку газа. И сомневалась, что там безопасно, ведь после аварии прошло совсем немного времени.

Перебежав через улицу и прячась за деревьями, где только могла, я подобралась к окну на фасаде дома, привстала на цыпочки и заглянула внутрь. За тюлевыми занавесками Фейт водила ладонями по поверхностям, открывала шкафы, совсем как когда-то много лет назад. Она была и другой, и знакомой. И да, съежилась, как выразился Коннор, стала тише, скованнее в каждом жесте. И все-таки это была та самая Фейт, которой хватило духу пробраться в чужой дом и вообще носиться по городу, не зная удержу, будто он и породил ее. Теперь же она казалась невидимкой, какими нас и учили быть.

У меня на глазах она достала что-то из кухонного шкафа. Лишь прижавшись лбом к стеклу, я сумела разглядеть, что она делает: в руках она держала коробок-книжечку со спичками.

Нет. Нет. Я беззвучно выговорила губами ее имя, застрявшее у меня в горле. Туда или сюда. Остаться или удрать. «Фейт!» — позвала я с полными слез, широко раскрытыми глазами, но она не подняла головы.

Я ударила по стеклу как раз в тот момент, когда она чиркнула спичкой, но та не загорелась. Тогда-то Фейт и увидела меня, но не переменилась в лице. Она достала вторую спичку, а я сновахватила кулаком по стеклу.

— Стой! Подожди!

Думала я только об одном — о запахе газа.

Глядя на меня в упор, она чиркнула спичкой, и я вздрогнула. Спичка загорелась, Фейт смотрела на меня и прикрывала огонек пальцами. Я затаила дыхание, напрягла плечи. Но ничего не случилось, а она медленно поднесла спичку к свече.

— Фейт! — снова позвала я, уже зная, что стекло приглушает мой голос, а выражение лица за окном видится неопределенным, размытым. Я снова ударила по стеклу обеими ладонями. — Выходи!

Она не слушала, но и не попыталась остановить меня, когда я пробежала по передней веранде и ворвалась в дом. На пороге я застыла, стиснув кулаки и отклонившись назад, будто лишнее расстояние могло защитить меня.

— Задуй ее, — велела я, но она стояла неподвижно, не сводя с меня взгляда. — Здесь газ. Был. Утечка...

— Говорят, все починили, — перебила она и задула спичку. На кухонном столе мерцала свеча.

Я рванулась вперед, буквально в прыжке преодолела комнату и сама задула свечу. У меня тряслись руки.

— Мог случиться взрыв. Пожар. Фейт, ты могла... — Я встряхнула головой и как наяву услышала голос Сэди. Перечисляющей способы, которыми я могла умереть.

Фейт медленно моргала, слушая меня.

— Газ перекрыли. Никакой опасности нет.

Мы стояли лицом к лицу, между нами поднимался дымок свечи. Ее лицо стало более угловатым — с заостренным носом, высокими скулами, вытянутым подбородком. Годы обтесали ее, сделали серьезной и решительной.

— В полицию звонила? — спокойно, ровным тоном спросила она. Сбежать она не пыталась. Теперь, когда ее поймали с поличным, она даже не искала оправданий. Как будто только и ждала, когда я войду в дом.

А меня трясло, слишком много адреналина курсировало по моим венам, не находя выхода.

— Черт, что ты здесь делаешь, Фейт?

Она пожала плечами, затем медленно и обреченно вздохнула.

— Не знаю. Мне нравится иногда приходить сюда. Тут спокойно. Тихая улица.

— У тебя есть ключ?

Она закатила глаза.

— Ты же сама говоришь арендаторам оставлять ключ в почтовом ящике. Никто не приходит за ним, он лежит там *часами*. Не лучшее решение для бизнеса, Эйвери. Не тебе меня винить. Не удивлюсь, если так поступаю не только я. Ты же знаешь, что тут творится зимой. — Она уставилась прямо мне в глаза, бросая мне вызов, требуя опровергнуть ее слова. Напоминая, что когда-то я была одной из них и ей доподлинно известно, чем мы все вместе занимались.

Я думала о других объектах, о следах проникновения в них. Не только об утечке газа здесь, но и о разбитом экране телевизора в «Конце тропы», о признаках того, что кто-то побывал в «Голубой мухоловке», о зажженных свечах по всему «Шиповнику». Сколько их еще было?

— Так ты заказала еще и копии других ключей?

Она пожала плечами.

— Само собой, а что?

Я распахнула окна на кухне — на всякий случай. Для меня этот дом навсегда стал опасным.

— Это из-за Паркера? — спросила я.

Она прищурилась, кожа на лице натянулась. Зубами она прихватила губу, но покачала головой.

— Да пошел он.

Значит, все еще злится. И теперь ей представился шанс что-то предпринять.

— Я знаю, что ты побывала здесь в прошлом году. На вечеринке. Знаю, что ты поссорилась с ним. — Я подступила ближе, обходя кухонный островок. — Знаю, что ты разбила окно.

Фейт сделала шаг назад, невольно схватившись за локоть. От операции на нем остался шрам. Я продолжала наступать, она настороженно следила за мной взглядом.

— Я разозлилась. — Она упрямо смотрела мне в глаза. Как будто чувство злости нас объединяло. Будто мы одинаковы. — Он сволочь, но ты, наверное, уже знаешь. — Она отвела взгляд. — Всем нам следовало бы это знать, да? Надо было догадаться. — Наши взгляды вновь скрестились, и я поняла ее. Каково это, когда тебя затягивает на орбиту другого мира и ты думаешь, что тебе нашлось в нем место, хоть ты и не принадлежишь к нему.

— Что случилось между вами? — спросила я.

— Случился Паркер Ломан. Тебе ли не знать? Заявлялся к нам в отель, будто он там хозяин. Я знала, кто он такой, видела его каждый год, а тут вдруг он меня заметил, — при этом воспоминании она улыбнулась. — В то первое лето было даже забавно хранить тайну. А на следующий год он пожаловал вместе с *ней*.

— С Лус.

Она махнула рукой так, словно имя не играло роли. Поставила руку на бедро и оперлась на нее.

— Знаешь, он ведь и на этом не уgomонился. Все твердил мне, что это была ошибка — притащить ее в город. Что он больше видеть ее здесь не желает, но нельзя же просто взять и отослать ее домой... Он приходил повидаться со мной *даже тогда*, в ту ночь. Бросил свою подружку на вечеринке и завалился ко мне.

Я верила. После того как он стоял надо мной в ванной, а Лус была где-то в соседних комнатах. После слов Сэди о том, что ему все сходит с рук. О том, как он жаждет этого обожествления собственной персоны.

— И тебе надоело быть тайной? — спросила я.

— Я думала, будет забавно открыть тайну при всех. Гораздо больше поставлено на карту, понимаешь? Он так взбесился, когда я предупредила, что приду провести его на вечеринке, только попозже. Словно есть какие-то правила, о которых я понятия не имела. Он считал, что всем заправляет только он один. А оказалось, что нет. И что это не ему решать. Мы заспорили еще у меня, потом он заявил, что ему пора. К нашему отелю подъехала еще машина и спугнула его. Он сказал: не хватало еще, чтобы его *увидели*. — Она покачала головой. — Представляешь, его передергивало при одной мысли о том, что его застанут со мной... Вот все и перестало казаться забавным.

Паркер Ломан, ведущий столько жизней. Ложь как тогда, так и сейчас давалась ему без усилий. Неужели он все это время знал, что это была она? Подозревал, что она подкрадывается, наносит ущерб его собственности, но упорно молчал, чтобы не уронить достоинства? Чтобы не пришлось признаваться, что он встречался с местной и заморочил ей голову?

— Но ты последовала за ним, — подхватила я. — На вечеринку. Знаешь, Лус видела тебя там.

Она скрестила руки на груди.

— Так вот... явилась я не сразу. Сначала какое-то время раздувала в себе злобу. А потом да. Пришла за ним. Я знала, куда он идет. Где вы все. Хотя и не ожидала увидеть Коннора. — Ее глаза раскрылись. — Этот город во всех вселяет уверенность, что они лучше, чем на самом деле.

— Фейт, — перебила я, возвращая ее к реальности, — ты портила его собственность, чтобы насолить ему?

— Я не настолько мелочна. Я что, по-твоему, типичная брошенка, Эйвери? Да *неужели*? — она широкими шагами прошла через прихожую, распахнула переднюю дверь и указала на безлюдную улицу. Я вышла следом за ней, оглядела деревья, но не заметила ничего особенного. — Тебе известно, что происходит здесь, пока ты пляшешь под дудку Гранта Ломана? Ты знаешь, что творится в жизни нас, всех остальных, пока ты смотришь, как он скупает все, что только может, — еще, и еще, и еще?

Я покачала головой, потому что не знала. В финансовых делах Гранта я ориентировалась неплохо. Знала его надежды и стремления, связанные с городом, и мою роль в них. Знала, как досадовали местные, когда я продала бабушкин дом ему, но не представляла, о чем говорит Фейт.

— Я получила диплом в этом мае, вернулась домой работать и обнаружила, что наш мини-отель погряз в долгах. И не как-нибудь. А непоправимо. Мои родители пару лет назад взяли кредит на расширение бизнеса, надеясь вернуть его благодаря новым помещениям. Но не вышло. Из-за здешнего обилия других предложений. — Она посмотрела в окно. — Мы планировали расширяться здесь — это ты знала? Сделали заявку на покупку этих участков, собирались присоединить их к территории основного

корпуса. Но они достались не нам. Все были переданы по условиям контракта некой компании с ограниченной ответственностью. — Ее верхняя губа снова завернулась, открывая зубы.

— Больше я на них не работаю. Поверь мне, я...

— Да еще ты. — Она шагнула ближе, нацелив свою злость на меня. Спустилась по ступенькам веранды, заставляя меня попятиться. — Ты, неудачница... — она поморщилась и встряхнула головой. — Извини, но так и есть. Полное *ничтожество*. И теперь ты управляешь делами? А мы, такие люди, как я, которые делают все, как надо — получают диплом, проходят положенный этап ученичества, — и в итоге остаются ни с чем? Извини, что не стала сидеть сложа руки. Я просто старалась вернуть то, что принадлежит мне.

— Каким образом?

И вдруг я поняла. Она пыталась отпугнуть приезжих. Нанести чувствительный удар по балансу доходов и расходов Ломанов. По *нашему* балансу, как она считала. Я так и не поняла, на кого она злится сильнее — на них или на меня. А может, для нее все связалось воедино и подпитывало одно другое. Я, человек, который нанес ей физический ущерб; Паркер, разбивший ей сердце; компания Ломанов, лишившая ее будущего. Здесь рухнуло все.

— А наверху тоже была ты? У Ломанов?

Она вскинула разведенные руки так, словно ответ был слишком очевиден.

— Просто я пыталась выведать что-нибудь. Хотя что-то. Мне нужно то, что я смогу пустить в дело. Я хочу выжить их отсюда, — в этот момент ее затрясло. — Хочу выжить отсюда *тебя*. Это несправедливо, — на последнем слове ее голос дрогнул.

Те ночи, когда отключалось электричество и я считала, что вокруг нет ни души. Отпечатки ног на песке, незапертая задняя дверь, ощущение чужого присутствия. Вспышки на утесах.

— Тебя могут посадить, — прошептала я. — Они тебя погубят.

Чистая правда. Погубить они могли кого угодно.

Она села на ступеньку, глядя в сторону незастроенной части улицы, вытянула ноги перед собой и скрестила щиколотки.

— Ты скажешь полиции?

Я приехала сюда, чтобы спросить Фейт о Сэди, и думала, что узнаю правду, если буду при этом смотреть ей в глаза. А вместо этого

услышала от нее другое признание. Возможно, никак не связанное с тем, которого я ждала. А я отдала полиции найденный телефон, рассказала все, что мне известно, и этим добилась лишь одного — что их подозрения пали на меня. Я не знала, что еще я должна им. Или ей.

— Не знаю, — ответила я. По крайней мере, это была правда.

— А им? — снова спросила она. — Ломанам скажешь?

— Сейчас я с ними не общаюсь. Как и они со мной. Больше я на них не работаю. Меня уволили — и я теперь ничем не обязана Ломанам. Может, и не была никогда.

У нее задержался глаз от эмоций, которые я так и не сумела разгадать.

— Хочу, чтобы он знал, что это была я, — сказала она.

Она понятия не имела, насколько я сама была зла... А может, имела. Склонив голову набок, она внимательно изучала меня.

— Никто тебя и не останавливает, — ответила я. — Делай как знаешь. Но Ломаны считают, что у них все под контролем. Люди, недвижимость, весь город. Думают, что они заработали это право. Что заслужили возможность знать все. А может, и не заслужили.

Лично я сделала бы так, чтобы они терялись в догадках. Просыпались в страхе от звука шагов. Чтобы эта трещина расколола их ночи, их жизни.

— Тебе надо уходить, — продолжала я. — Надо валить отсюда. Прошу тебя, просто остановись. Ты же чуть не... В этом доме было полно газа. Кто-нибудь мог пострадать.

— Нет, никто не должен был. Просто... никто бы даже не заметил. Даже ты не замечала, пока не увидела свечи. Никто *ничего* не предпринимал.

По моему телу пробежал холодок. Сколько же их, этих невидимых жизней, скрытых вне поля зрения. Даже той ночью на вечеринке, находясь *прямо здесь*, Фейт оставалась за кадром, в тени, за разбитым стеклом.

— Ты видела, что случилось той ночью? — спросила я.

Она искоса взглянула на меня. Потом сжала губы. Что произошло, на ее взгляд? Неужели она, как и полиция, убеждена, что я причастна к смерти Сэди?

— Нет. Коннор велел мне уйти. Да я и сама не собиралась задерживаться там после всего, что было.

Это и были шаги, которые я слышала той ночью среди деревьев? Когда позвала Сэди по имени? И совсем забыла, сколько нас таких, способных передвигаться как призраки, никем не замеченные и невидимые, какими нас и учили быть?

Как бы там ни было, она дала ответ. Сказала, что ушла с вечеринки и направилась домой. Я всмотрелась в ее лицо, пытаюсь разглядеть...

Шум машины вдалеке отвлек меня. Я перевела взгляд на проезжую часть улицы, но ничего не увидела из-за деревьев.

— Фейт, пойдем к тебе. — Я потянула ее за рукав, побуждая подняться, но она только уставилась на мои пальцы, скомкавшие ткань ее рубашки. — Полиция присматривает за домом напротив, — я кивнула на «Голубую мухоловку». И задумалась, не детектив ли сейчас в той машине. Что, если он нашел нас здесь и все узнал?

Тогда она встала, посмотрев в ту же сторону, что и я.

— Никого не вижу, — сказала она.

— И тем не менее. Нам пора уходить.

Молча, бок о бок, мы обошли «Голубую мухоловку» и углубились в гущу деревьев по тропе, со стороны похожие на двух подруг. Постороннему человеку увиденное могло показаться просто прогулкой. Я дождалась, когда мы отойдем на достаточное расстояние от «Голубой мухоловки», чтобы нас не было видно изнутри, убедилась, что вокруг никого нет, понизила голос и спросила:

— Значит, все это — свечи, ущерб — никак не связано с Сэди?

На миг она остановилась, потом продолжала идти.

— С Сэди? Нет. *Нет*. А ты думала, что угробить ее могла я?

Могла ли? Я прикрыла глаза и покачала головой, но я соврала, и она об этом догадалась. Это мог сделать кто угодно. Вопрос заключался в другом.

— Если я и собиралась кому-то навредить, — продолжала она, на этот раз не сбиваясь с шага, — в моем списке она была бы последней из Ломанов.

Мне недоставало Фейт. Она была искренней и пылкой — как я могла не разглядеть ее тогда в тени? Все, что произошло на объектах в этом году, относилось к Паркеру и ко всему, что олицетворяли Ломаны, но не к Сэди.

Мы дошли до поляны, расчищенной под парковку, Фейт повернула к задней двери дома над морем.

— Фейт. Прошу тебя. Можешь ненавидеть их всех сколько хочешь, но в прошлом году они потеряли дочь. Разве этого мало?

Она засмотрелась в сторону обрыва, пряча глаза, но я знала, как это бывает — как можно погрузиться в свой гнев, скорбь и горечь настолько глубоко, что ничего другого уже просто не видно. Когда она повернулась ко мне, ее глаза были полны влаги, но я засомневалась, не жгучий ли соленый ветер тому причиной.

— Я знаю, вы с ней были близки, и сочувствую. Сожалею, что она умерла.

Она направилась к дому, а я — к своей машине; к этому времени стоянка уже опустела. Но думала я лишь о том, что машина Паркера была припаркована здесь, у мини-отеля, в ночь смерти Сэди. Он мог ускользнуть с вечеринки, съездить домой и вернуться.

— Фейт! — позвала я, прежде чем она скрылась за дверью. — Ты говорила, после Паркера сюда на стоянку той ночью заехала еще одна машина. Кто это был?

Неужели и Коннор припарковался здесь?

Она покачала головой.

— Я не рассмотрела. Два человека оттуда пешком дошли до места вечеринки. Я видела только, что на одной из них голубая юбка. Вот и все, что мне удалось рассмотреть при луне.

Фейт скрылась, ее шаги застучали по деревянным ступеням крыльца.

Я пыталась вспомнить, кто в ту ночь был в голубой юбке. Большинство гостей явились в джинсах, шортах-хаки, кое-кто — в сарафанах с жакетами. Оказалось, невозможно вспомнить, кто и как был одет. Я едва выкопала из памяти, как оделась сама. И лишь наряд единственного человека я помнила отчетливо.

Я закрыла глаза и вновь увидела, как кружится в дверях моей комнаты Сэди. «Ну и какого мы об этом мнения?» Поблескивало ее голубое платье. «Ты ведь понимаешь, что задубеешь?» Она натянула поверх платья мой коричневый свитер.

По телу побежали мурашки.

Издалека, с того места, где стояла Фейт, могло показаться, что на Сэди юбка.

И вдруг я увидела, как Сэди достает телефон и видит сообщение, которое я ей отправила: «Ты где?» И потом: «???»

Я видела ее со всей ясностью воспоминания, а не фантазии. Видела с отчетливостью, придавшей полную достоверность. Нахмутив брови, она смотрела в свой телефон, отправляя мне сообщение — последнее, которое я так и не получила. На моем телефоне перемигивались точки:

«Я уже здесь».

Лето
2017

День после вечеринки «плюс одна»

Я не спала. Вернувшись в гостевой дом, я в оцепенении сидела у окна, ждала, когда хоть что-нибудь обретет смысл. Но мир изменился, его картина никак не складывалась. Время двигалось рывками. В окно я видела, как среди ночи вернулись Грант и Бьянка. Видела, как еще до рассвета приехали и снова укатили несколько полицейских машин. А мои мысли ходили по замкнутому кругу, перед глазами в дверях стояла Сэди. В памяти звучало эхо ее голоса, она звала меня по имени.

Я увидела двоих мужчин еще до того, как они постучались в дверь, заметила, как они тихо переговаривались, приближаясь к дому.

Полицейские. Явились сюда, чтобы расспросить меня о минувшей ночи. О Сэди.

* * *

Мы сидели за моим кухонным столом, к чистой белой поверхности которого были придвинуты четыре стула. Я заняла место напротив детектива Бена Коллинза и офицера Пола Чамберса — так они представились, хотя я слышала, как детектив назвал своего молодого напарника «Поли», пока они доставали блокноты.

— Эйвери, я понимаю, что это наверняка покажется излишним, — начал детектив Коллинз. — И с учетом обстоятельств — даже жестоким, — он понизил голос, словно кто-то мог подслушать. — Но обычно бывает полезно прояснить некоторые моменты сразу же, пока они не стерлись в памяти. Или пока люди не разговорились друг с другом — так что у них в голове все перемешалось. — Он ждал от меня реакции, и я кивнула. — Когда вчера вы в последний раз видели Сэди?

Я невольно посмотрела в сторону коридора и открытой двери моей спальни. Ответ я знала, но мысли запаздывали, будто сперва им требовалось преодолеть какое-то расстояние.

— Кажется, около полудня. Она приходила, пока я была еще занята работой.

Он кивнул.

— Она говорила вам что-нибудь о своих планах на остаток дня?

Мне представилось, как она кружится в дверях моей комнаты. Как хватает мой свитер. Как теребит концы волос.

— Нет, не говорила ничего, но предполагалось, что мы встретимся на вечеринке. Мы ходим на нее каждый год.

Иначе для чего она готовилась и наряжалась?

— Значит, она вообще не говорила о том, что будет на вечеринке?

Не говорила, но это просто подразумевалось. А если нет, неужели она не предупредила бы меня?

— Она сказала Паркеру, чтобы не ждал ее, — даже мне собственный голос показался осипшим. — Так говорил Паркер.

— А вам? Вам она тоже говорила не ждать ее?

Я покачала головой.

— Она знала, что я уеду заранее, чтобы отпереть дом и все подготовить. Но на вечеринки «плюс одна» она ходила всегда. Я отправляла ей сообщения. Видите? — Я протянула ему телефон, чтобы он увидел отправленные эсэмэски — и отсутствие реакции на них. — Она писала мне ответ. Я видела бегающие точки.

Офицер Чамберс записал мой номер, время и содержание моих сообщений.

— Сколько порций вы выпили к тому времени? — спросил детектив Коллинз.

— Две, — ответила я.

Три.

Они быстро переглянулись.

— Ясно. Пока мы не сумели найти ее телефон. По-видимому, он был при ней, когда она... — он не договорил, а я невольно придвинулась ближе, пытаясь понять, что имелось в виду. *Когда она упала? Прыгнула? Была сброшена?*

Офицер Чамберс что-то записывал. Но вопросы задавал только детектив.

— Как она вела себя, когда вы видели ее в последний раз?

Я закрыла глаза, чтобы увидеть. Сообщить им хоть что-нибудь, все равно что. Будто я могла вызвать ее сюда силой одних только слов. Как она крутилась на месте. Закатывала глаза. Рылась в моем шкафу. Натягивала мой свитер, излучая энергию...

— Как Сэди, — ответила я.

Как будто все в полном порядке. Будто скоро я снова увижусь с ней.

Он откинулся на спинку деревянного стула так, что тот скрипнул. Я пыталась прочитать его записи, но они были отвернуты от меня и лежали под наклоном. В комнате слышалось только наше дыхание.

— Вы, Лусиана и Паркер прибыли на вечеринку по отдельности, — сказал он. — Еще раз: как это было?

Будто он уже слышал все это от кого-то и я просто подтверждала детали.

— Я приехала туда первой. Следующей была Лусиана. Последним — Паркер.

Тут он сделал паузу.

— А Коннор Харлоу? Мы слышали, что он тоже был на вечеринке.

Ощущение моей ладони, скользящей вниз по его руке и уводящей его в спальню.

Кивок.

— Коннор тоже был там.

В наступившей тишине детектив Коллинз вырвал листок из блокнота, нацарапал список имен и предложил мне написать время прибытия на вечеринку для следующих лиц: *Эйвери Грир, Лусианы Суарес, Паркера Ломана, Коннора Харлоу.*

Я постаралась указать время как можно точнее, на последнем имени задумалась. Нахмурилась, вглядываясь в листок. Перед глазами все плыло, их саднило от недосыпа.

— Коннор пришел раньше Паркера. Но, когда именно, я не уверена, — сказала я.

Детектив Коллинз повернул листок к себе, пробежал глазами список.

— Большой промежуток получается между вами и следующим по порядку.

— Да, я занималась подготовкой. А те, кто первый раз, всегда приходят рано. — В его глазах мелькнуло то, что я не сумела расшифровать: казалось, я только что провела линию — и мы очутились по разные стороны от нее. Я прокашлялась. — Я привезла

выпивку. Отперла дом. Это моя работа — надзор за объектами недвижимости, принадлежащими Ломанам.

— Да, вы уже говорили. Как вы туда добирались вчера вечером? — спросил он.

— На своей машине, — ответила я. В багажнике еще лежал полный ящик спиртного — остатки из кладовки.

— И где теперь эта машина? — Он демонстративно обвел взглядом комнату, будто рассчитывал заметить, что она припрятана где-то поблизости.

Я прерывисто вздохнула.

— Когда приехала полиция, я покинула место проведения вечеринки вместе с Паркером. Не задумываясь, просто последовала за ним. К тому времени мою машину все равно заперли возле дома напротив, через улицу. — Я выглянула в окно на пустое место, куда обычно ставила машину. — Наверное, она и сейчас там.

Он отложил ручку и пристально посмотрел мне в глаза, словно обнаружил неувязку в моих показаниях и вознамерился разобраться в ней. Но он продолжал расспросы:

— После того как прибыли полицейские и вы вернулись сюда вместе с Паркером... — он сверился со своими записями, — Паркер и Лусиана ушли в большой дом. А вы? — Он поднял глаза, уже зная ответ. Ведь это он меня нашел.

— На утесы за домом.

— Почему?

Потому что меня тянуло туда. Ощущение возникло раньше, чем я увидела все своими глазами. Ее жизнь была моей жизнью.

— Брейкер-Бич охраняет полиция, — объяснила я и взглянула на Чамберса — может, он был с теми, кто махал нам, приказывая проезжать мимо? Но он не поднимал глаз. — Какой-то полицейский не дал нам подъехать ближе. Но здесь есть другой путь на пляж. Мне хотелось увидеть.

— И что же? Вы увидели?

Я покачала головой:

— Нет.

Он придвинулся ближе и понизил голос, словно эти слова не предназначались для протокола, а были сказаны строго между нами:

— Когда я увидел вас там, вы словно были как в панике.

— Все верно. Она была моей лучшей подругой. Я не верила. Но...

— Но?

— Ее сандалии. Я увидела ее сандалии. И тогда поняла... — У меня снова задрожали руки, я крепко сжала их, чтобы успокоить.

Он внимательно смотрел на меня, а мой взгляд, блуждая, устремился за окно справа. Пронзил деревья, достиг океана, его пугающей безбрежности. Со сливающимися течениями и бездонными глубинами, с тайнами, которые они хранят.

— Ясно. — Детектив откинулся на спинку стула. — Пройдемся еще раз по прошлому вечеру, — он смотрел в список, который я отдала ему. — Паркер и Лусиана почти всю вечеринку провели вместе, — он поднял глаза, ожидая от меня подтверждения. В тот момент упоминать о ссоре наверху было бессмысленно. Или о минутах, которые я пробыла наедине с Паркером. Они приехали вместе. Уехали вместе. Провели вместе почти весь вечер.

Я кивнула.

— Вы ведете поиски на месте вечеринки? — спросила я, не понимая, почему им так важны детали. Сэди там не было. Вечеринка прошла на другом конце города.

— Нет, мы ведем поиски здесь, — ответил детектив. Офицер Чамберс обвел взглядом мою гостиную, словно в ней могли найтись упущенные улики. — В доме, на утесах, внизу, на Брейкер-Бич. Это место происшествия. А про вечеринку я расспрашиваю вас затем, — он подался вперед, — чтобы выяснить, не пропадал ли оттуда кто-нибудь. — Он взялся за ручку и поднял бровь. — Итак. Может ли кто-нибудь поручиться за то, что вы все время провели там, Эйвери?

В растерянности и отчаянии я покачала головой.

— Паркер, Лус... там же набился полный дом народу. Все меня видели. Я была там.

— Вы могли выйти. Не следили же за вами каждую минуту.

— Но я не выходила. Как я уже говорила вам, она посылала мне сообщения. С ней все было в порядке.

— А Коннор Харлоу?

— А что насчет него?

— Вам известно, в каком настроении он был прошлым вечером?

Стянув рубашку через голову, он повел меня к постели...

— Нет, понятия не имею. Мы с Коннором больше не общаемся.

— Но вы видели его там.

Лицо Коннора в нескольких дюймах от моего лица. Его ладони на моих бедрах.

— Да, — ответила я. — Я его видела.

— Он пробыл там все время?

От напряжения этого момента сжался воздух. На самом деле никто не смог бы сказать наверняка, кто где был и когда. Когда речь идет о таких вечеринках, говоришь только то, что, как ты надеешься, скажут о тебе остальные. Глубинный инстинкт, предписывающий защищать своих.

— Да. Никто из нас не уходил.

* * *

Позднее тем же утром, после того как полиция ушла в большой дом, я увидела одинокую фигуру у гаража — не замечая ничего вокруг, она смотрела в телефон.

Я открыла дверь и шепотом позвала ее по имени:

— Лус!

Она вздрогнула, обернулась ко мне, я двинулась навстречу. Вблизи оказалось, что глаза у нее заплаканы, лицо осунувшееся и ненакрашенное.

— Мне надо выбраться отсюда, — объяснила она, качая головой. Ее волосы были безжалостно прилизаны и туго стянуты на затылке. — Мне здесь не место. Я пыталась... — она раздраженно постучала по телефону. — Пыталась выяснить, как доехать до автовокзала. Мне бы только попасть в Бостон, а там и до дома недалеко.

Только тогда я заметила у нее в другой руке дорожную сумку, на кожаных ручках которой она крепко сжимала пальцы. Она вглядывалась в меня испытующе, будто я могла что-то знать.

— Я бы отвезла тебя сама, но я без машины. Она все еще там, у дома, где была вечеринка. — Я сглотнула. — Может, возьмешь машину Паркера? Раз уж Грант и Бьянка сейчас здесь.

У нее раскрылись глаза.

— К нему мне сейчас лучше не обращаться. — Она оглянулась через плечо на большой дом и передернулась. — Мне здесь нет места.

Я не в своей тарелке. Это...

— Ладно, пойдем. Лус, идем за мной, — я взяла ее за локоть, чтобы увести к себе в гостиную.

На диване она сидела прямо, как палка, не касаясь спиной подушек, старательно сложив руки на коленях и поставив сумку на пол перед собой. Я дала ей номер такси, чтобы она попробовала позвониться; она была явно растеряна и не могла сосредоточиться, чтобы найти номер самостоятельно.

— Побудь здесь. А я за своей машиной. Если не уедешь до моего возвращения, я сама отвезу тебя к автобусу.

Она кивнула, глядя в никуда.

Такой я видела ее в последний раз.

Я отправилась в путь пешком. По Лэндинг-лейн, мимо Брейкер-Бич, где полицейские машины по-прежнему перегораживали стоянку и вся территория была обнесена лентами. Прошла через городской центр — атмосфера потрясения и мрачности сгустилась повсюду, словно туман.

У меня перехватило горло, я наклонилась, стоя на тротуаре и уперевшись ладонями в колени.

— Эйвери? — Какой-то мужчина повернулся ко мне от своего внедорожника, припаркованного у бордюра. Отец Фейт, только что поставивший коробку с кофе в багажник машины. — Ты как там, ничего?

Я выпрямилась, провела костяшками пальцев по щеке.

— Машину оставила, — объяснила я, и голос застрял у меня в трахее, будто я поперхнулась. — Там, где вчера была вечеринка.

Он оглянулся через плечо в сторону улицы, ведущей к тому дому.

— Ну так садись, подброшу тебя туда.

У него в машине пахло молотым кофе и свежевыстиранным бельем, мир продолжал вращаться независимо от того, существовала в нем Сэди или нет. Мы проехали вверх по Харбор-драйв, мимо полицейского участка на вершине холма.

— Жуткие новости насчет этой дочки Ломанов. Я слышал, ты с ней дружила.

Я сумела только кивнуть. Не могла думать о Сэди в голубом платье, стоящей на самом краю босиком. Слушающей, как беснуются внизу волны.

Он повернул машину к «Мысу» и прокашлялся.

— Тебе есть куда податься?

— Да, — ответила я, не понимая смысла вопроса. Еще до того, как осознала, что без Сэди само основание моей жизни пошатнется.

— Если что, — продолжал он, — дай нам знать. Конец сезона, комната у нас найдется, если понадобится.

Я повернулась к нему: обветренное лицо, глубокие морщины на нем, длинные седеющие волосы, зачесанные назад, будто приглаженные ветром, нос заостренный, как у Фейт.

— Мне кажется, Фейт будет не в восторге, — сказала я.

— Так ведь сколько времени уже прошло. — Он проехал мимо мини-отеля, направляясь к домам на высоком берегу.

— Это вышло случайно.

Он ответил не сразу.

— Ты нас всех тогда напугала. Но, с другой стороны, у тебя же все в конце концов сложилось, Эйвери. — Он свернул на Оверлук-драйв, к «Голубой мухоловке».

— Все хорошо.

Впереди показалась моя брошенная машина. Мне хотелось остаться одной. Не думать о том, что я натворила и что должна предпринять. На что я способна, если меня не сдерживают путы.

— Уверена?

— Да. Спасибо.

Он указал на обсаженную деревьями улицу от места, где мы находились, до «Закатного приюта» и «Голубой мухоловки».

— Стало быть, здесь будут только дома под аренду? Все до единого? Их строительство продолжают?

— Не прямо сейчас, но да, есть такие планы. — Я вышла из машины. — Спасибо, что подвезли.

Он кивнул, но смотрел не на меня, а на длинную улицу с незастроенными участками.

Я шла по улице, представляя себе поток людей, которые накануне вечером устремлялись сюда на вечеринку, а затем, после появления полиции, поспешили разъехаться. Сама я не видела, что было потом, но гости явно разбегались в спешке. На поросшей травой обочине остались следы шин. Повсюду виднелся брошенный мусор. Пустая бутылка. Раздавленные темные очки.

Моя машина стояла на подъездной дорожке «Закатного приюта», передом к выезду. Но похоже, кто-то проехался по двору перед домом — шины взрыли дерн до самой земли. Мне представилось, как возник затор из автомобилей, у кого-то лопнуло терпение и он рванул в объезд всех остальных.

Передняя дверь «Голубой мухоловки» осталась приоткрытой, тьма за ней манила к себе.

Я шагнула через порог и внимательно огляделась. Сам воздух пульсировал, словно дом был живым.

Полупустые бутылки на столах, постукивание вентилятора на высокой скорости, вонь пота и пролитой выпивки. И свечи, догоревшие до состояния восковых лужиц. Большинство потухли сами собой, но у разбитого окна, прямо под паутиной трещин, еще горела одна. Я задула ее, проводила взглядом поднявшийся вверх дымок и увидела в стекле осколки ночи.

Наверху в первой комнате на кровати нашлось несколько забытых курток. И вдобавок, надо же, туфля.

Мои пальцы подрагивали от энергии, до сих пор не находившей применения. Слишком многое вышло из-под моего контроля. Слишком многое я никакими стараниями не смогла бы изменить.

Я вытащила телефон и позвонила в клининговую компанию. Попросила приехать как можно скорее и прислать счет напрямую мне: не хотела, чтобы с ним пришлось иметь дело Ломанам. Им было незачем знать, как бездумно мы свинячили, пока умирала их дочь.

Внизу я закинула в стиральную машину полотенца из ванной, черные от грязи и косметики. У белых полотенец и белого постельного белья есть свое преимущество — ощущение свежести, простора и чистоты. Иллюзия, которую так просто поддерживать с помощью половины мерки отбеливателя.

В спальне выяснилось, что сундук с запасными одеялами открыт, но все его содержимое было, кажется, на месте и им не пользовались — стопка свернутых одеял выглядела аккуратно, так что я просто закрыла крышку.

Потом, постепенно приходя в себя от возвращающегося чувства, что я держу все под контролем, я нашла номер оконной компании и оставила им сообщение. О том, что нам надо заменить разбитое окно в

доме номер три по Оверлук-драйв и с просьбой позвонить мне, когда им потребуется доступ в дом, чтобы снять мерки.

После этого я вышла и плотно прикрыла входную дверь, но не заперла ее — ключей у меня не было. Предстояло еще вернуться и проверить состояние дома после уборки.

Я шла по улице к своей машине, и у меня жгло глаза. Где бы я ни проходила, что бы я ни видела, это были места, которых никогда больше не увидит Сэди. Даже собственная машина показалась мне сейчас смутно незнакомой. Песчинки в ногах у водительского сиденья остались здесь с незапамятных времен, но я, глядя на них, видела только, как Сэди отряхивает ноги после того, как мы жгли костер на Брейкер-Бич. В выемку дверной ручки была напихана бумага, и мне вспомнилось, как Сэди комкала очередной чек и засовывала его куда-нибудь с глаз долой. Мои очки от солнца, заткнутые поверх защитного козырька, воскресили в памяти сцену, в которой Сэди опускала этот козырек, замечала свое отражение в зеркале и восклицала: «Господи, да что ж я бледная такая?»

На обратном пути меня преследовал запах, которым пропитался дом. Выпивка, пот, с еще каким-то почти звериным оттенком. Поэтому окна я держала открытыми, по машине гулял свежий ветер Литтлпорта.

Я направлялась в противоположную сторону, к извилистым горным серпантинам, где солнечный рисунок света и тени в ветках деревьев, раскачивающихся на ветру, словно предвещал затмение.

Лето
2018

Глава 26

Фейт скрылась за дверью мини-отеля, а я по-прежнему стояла снаружи. Будто приклеилась к месту, пытаюсь осмыслить то, что сейчас услышала от нее. Здесь, у мини-отеля, во время той вечеринки останавливалась еще одна машина, и в ней сидела Сэди.

Сэди побывала *прямо здесь* годом ранее, вышла из машины на стоянке мини-отеля, направилась по тропе к дому, где проходила вечеринка. Я смотрела на деревья вдоль тропы, и мне мерещился ее призрак.

* * *

Сидя за рулем, я направлялась обратно к «Шиповнику», мне требовалось побыть одной и подумать. Все, в чем я была уверена насчет той ночи, оказалось ошибочным. Неужели я так же ошибалась и насчет Сэди?

За годы наши жизни неразрывно переплелись, так что отделить одну от другой было бы немислимо. Детали сливались и наслаивались. Мой дом был ее домом, мы носили на связках ключи, принадлежащие нам обеим, отпечаток моего большого пальца был сохранен на ее телефоне, мы сделали одинаковые татушки — или это было клеймо?

И все же, как я умудрилась не заметить ее *там*? Она приезжала на вечеринку. Но каким-то образом попала обратно на утесы за своим домом, и ее вынесло на Брейкер-Бич. Как?

Я объехала по краю городской центр, выбирая боковые улочки, где поменьше транспорта, а потом кратчайшим путем направилась к побережью и «Шиповнику». Все это время в голове воспроизводились воспоминания о том вечере. О том, что я рассказала полиции и чего рассказывать не стала.

Фейт поскандалила с Паркером возле дома и разбила окно. Потом Коннор заспорил с Фейт в тени, к тому времени меня разыскала Лус. Дверь спальни была заперта. Я думала поискать в ванной липкую

ленту, чтобы временно закрепить разбитое стекло в окне, но смежную с ней спальню кто-то занял. Я постучала в дверь, но мне не ответили.

Неужели Сэди была в спальне, пока я стучала в дверь? Я нашла ее телефон в доме, в этой самой комнате. Может, никто его туда и не приносил. Может, это Сэди потеряла его. Положила в сундук. Спрятала.

Но это же бессмысленно. Как получилось, что никто не видел ее уходящей? Ее вообще никто не видел, а если и видел, то промолчал. Кто-то наверняка должен был ее заметить, а как же иначе? Грег Рэндолф — наверняка. И мы увидели бы ее, если бы она ушла через патио и дальше по тропе, направляясь к стоянке у мини-отеля.

Но! Отключился свет, в патио поднялась суматоха. Элли Арнолд упала — или ее столкнули — в бассейн. Она уверяла, что ее столкнули. И упрямо стояла на своем, и бесилась, потому что ей не верили.

В патио сразу бросились все. Слетелись на крики и суету, как мотыльки на пламя.

Неужели Сэди ускользнула через переднюю дверь, пока все мы отвлеклись?

Я попыталась представить себе, как это было. Кому-то понадобилось вывести ее из дома. Последовали отчаянные поиски наилучшего варианта из возможных. О выходе через заднюю дверь уже не могло быть и речи. Машина возле мини-отеля, слишком далеко. Как же быть? Безликий неизвестный заглядывает в шкафы в ванной, в ящики комода — ищет хоть что-нибудь. Роется в сумочке Сэди, видит в ней ключи. Вместо ее ключей находит мои.

И эти следы шин на траве, которые я видела на следующий день, когда отец Фейт подвез меня, — следы объезда, потому что мою машину заперли.

Я резко втянула в себя воздух. Она побывала здесь. А вдруг прямо здесь, в этой самой машине?

Я резко затормозила у поворота дороги, ведущей обратно в город, и уставилась на пассажирское сиденье. Поискала следы повреждений. Провела ладонями по бежевой обивке, вытертой и потрепанной. Поставила машину на ручник и заглянула под сиденье. Там не было ничего, кроме земли, песка, мусора — воспоминаний годичной давности.

Но я помнила, как вернулась за машиной на следующее утро после вечеринки. Как сидела за рулем и ощущала в атмосфере машины что-то смутно незнакомое. В то время я решила: дело в том, что весь мой мир и мое восприятие изменились с потерей Сэди. Но теперь...

У меня кружилась голова, я заглушила двигатель. Обошла вокруг машины и трясущимися руками вставила ключ в замок багажника. Включилась тусклая лампа, я заглянула в пустое пространство.

В нем слабо пахло тканью, бензином и морем.

У меня дрожали руки, пока я водила пальцами по обивке багажника. Темный фетр был слегка свалявшимся, покрытым обрывками каких-то волокон. По краям он отошел, на уголках протерся от износа и времени.

Стараясь держать себя в руках, я сделала глубокий вдох. Может, просто мое воображение сделало три лишних шага — вперед и обратно.

Я включила фонарик в телефоне и посветила в дальние углы багажника, но он был совершенно пуст. В углу ближе к переднему краю виднелось справа темное пятнышко. Просто немного отличающееся по цвету. Я пощупала его пальцами, но так и не поняла, откуда оно. От водки, пива — полупустых бутылок, содержимое которых могло пролиться в день вечеринки. Или протек какой-нибудь из пакетов с покупками в последующие месяцы. Машина была старой. Пятно могло появиться откуда угодно.

Я положила телефон в багажник, чтобы присмотреться повнимательнее, свет отразился от поверхности, выхватил бороздку снизу на металлической крышке. С противоположного края, слева. Я сунула голову под крышку, провела по бороздке пальцами. Впадинка, несколько царапин. Еще одна впадинка рядом. Размером как раз с костяшку моего пальца. Я заскользила ладонями по холодной изнанке крышки. Возле шва на ней обнаружилась целая паутина царапин.

Они могли означать что угодно. Могли и вовсе ничего. Мой разум, как и разум Сэди, рисовал всевозможные способы, которыми смерть могла приблизиться к нам вплотную. Я пригладила фетр, отстающий в уголке, и там блеснул в луче фонарика металл. Я наклонилась ниже, повернувшись корпусом вполоборота, чтобы дотянуться до находки.

Металлическая штучка была маленькой. Наверное, отвалилась от сумки. Золотистая, закрученная спиралью, и...

Я выронила ее. Отшатнулась. Снова присмотрелась.

На золотистых сандалиях Сэди, хранящихся в коробке с вещдоками, недоставало детали пряжки. Я думала, это потому, что они были не новыми — отверстия в ремешках растянулись, строчки разошлись, края обтерлись. Но недостающая деталь пряжки обнаружилась *здесь*, в багажнике моей машины.

Я перевела взгляд на выбоины и царапины.

Как будто она била сандалиями в крышку багажника. Еще и еще.

Господи. Господи боже. Я выронила находку, схватилась обеими руками за край багажника, чтобы не упасть.

Сэди находилась в этом багажнике живая. Сэди была здесь и пыталась выбраться. Пыталась выжить.

Я опустилась на землю. Покрытие дороги, холодившее колени, руки, хватающиеся за бампер, желчь, подкатывающая к горлу. Единственный свет на темной дороге, тошнотворно-желтый, исходил из багажника, а я даже не могла как следует вздохнуть. Сэди. Сэди была здесь. Возле самого дома, где продолжалась вечеринка. Она находилась *здесь*. В моей машине, ждала, когда я найду ее. Чтобы ее спасти.

Эти царапины на крышке — она хотела жить. После стольких лет заигрывания со смертью, шуток о ней она ей противилась. Отдала все, что у нее было. Сэди, для которой, как я когда-то верила, не существует препятствий.

Я не могла дышать. Только сипела, хватая воздух ртом.

Фары другой машины осветили дорогу, и я схватилась за бампер, чтобы подтянуться на руках и встать. Колеса прошуршали и остановились рядом, открылась дверца, но двигатель по-прежнему урчал, лучи фар лежали на дорожном покрытии.

— Вы там как, в порядке?

Мужской голос.

Я повернулась к нему, но пришлось поднять руку, прикрывая лицо от слепящего света, и при мысли о Сэди у меня навернулись слезы. О Сэди живой, а потом мертвой. Задержавшейся на полпути.

Я заморгала, пытаюсь сфокусировать зрение, и слезы потекли из глаз.

— Ну, ну... — Тень, заслонившая фары, увеличилась в размерах. Широкие плечи, выставленные вперед руки. Передо мной стоял

детектив Бен Коллинз. Он взял меня одной рукой за локоть, другой за плечо и повел от машины к бордюру.

Перед глазами был по-прежнему раззявлен багажник, у меня опять судорожно сжался желудок, пришлось положить голову на руки, сложенные поверх согнутых колен. Детектив присел на корточки, так что наши глаза оказались на одном уровне, я потрясла головой, стараясь сфокусировать взгляд.

— Выпили? — мягко спросил он, придвинувшись настолько близко, что пахло мятой у него изо рта.

— Что?.. Нет-нет. — Я сделала глубокий вдох и медленно подняла голову.

Он посмотрел на машину, потом снова на меня. До меня наконец дошло, как той ночью Сэди попала с вечеринки на утесы. Дошел весь ужас случившегося.

Наконец-то у меня появилась улика, подтверждающая все мои подозрения, улика, которую наверняка воспримут всерьез — отправная точка для начала расследования. Моя машина с открытым багажником, в котором побывала Сэди, — вот только все опять сводилось ко мне.

Я не могла сказать ни слова, не подставив саму себя.

Обыскивать машину без причины детектив не имел права, разве что подумал бы, что я пьяна или под кайфом. Требовалось срочно взять себя в руки.

— Укачало, — объяснила я, хватаясь за живот. — Да еще... — я безнадежно махнула рукой, подыскивая слова.

— Понимаю, понимаю, — кивнул он, похлопав меня по колену. — Завтра церемония. Вот все и нахлынуло заново. Я знаю, что вы были близки. — Он помолчал, глядя через плечо. — Вам нужно было что-то из багажника? — Он указал на машину, приманчивую в противном тусклом свете.

— Нет. Я думала, у меня там есть с собой вода или еще что-нибудь попить. Но оказалось, нет ничего.

Я не хотела, чтобы он туда заглядывал. Не хотела, чтобы он увидел то, что видела я, обнаружил то же, что недавно стало моей находкой. Я вздохнула, и вдох прозвучал как всхлип.

— Посидите спокойно, — велел он. Я была не в силах остановить его. Не в силах помешать ему заглянуть в багажник, если он захочет. Та металлическая штучка все еще на виду — насколько она заметна?

Но он направился к собственной машине, остановленной позади моей. Машина не полицейская, только сейчас заметила я, а седан, голубой или серый — в темноте не различишь. Детектив заглушил двигатель, и из всех звуков остались только я, он, сверчки и ночь.

Он вернулся с наполовину пустой бутылкой воды.

— К сожалению, это все, что у меня есть, но... — Он вылил остатки воды на полотенце для рук и приложил его к моему лбу. Влажная прохлада успокоила мой желудок, придала ясность мыслям. Он переложил полотенце мне сзади на шею, а я, открыв глаза, обнаружила, что он стоит вплотную ко мне. — Полегчало? — спросил он. Тревожные морщинки вокруг его глаз обозначились отчетливее.

Я кивнула:

— Да. Спасибо вам. Полегчало.

Я подобралась, чтобы встать, и он протянул руку, чтобы помочь мне.

— Все в порядке, я вас держу. — Сочувствие, пусть даже от него, в этот момент было кстати. — Слушайте, я ведь вас искал. Надеялся поговорить с вами. Можно, я поеду следом? Или заскочу позднее? Перед завтрашней церемонией в память о Сэди нам надо бы кое-что прояснить.

— Это... — начала я. Прокашлялась, чтобы голос звучал четко и внятно. — Это насчет расследования? Дело вновь открыли?

Он нахмурился, но в темноте выражение его лица было трудно различить.

— Нет, насчет того, что мы нашли в ее телефоне. Просто задались вопросом, кто сделал некоторые фотографии. Сэди это была или вы. — Он натянуто улыбнулся. — Ничего серьезного, но было бы полезно знать.

В тот момент я не смогла определить, ловушка это или нет. Не заманивает ли он меня под вымышленным предлогом, готовясь нанести удар. Но мне требовалось выиграть время.

— Сегодня я не могу, — сказала я. Пока еще нет. Не сейчас, не рядом с машиной. Нет, до тех пор, пока я не выберу путь, по которому направлю его. Его лицо закаменело, и я добавила: — А если завтра утром?

Он еле заметно кивнул:

— Ладно. Где вы остановились?

При этих словах я поняла: он уже слышал, что произошло у Ломанов. И что там я больше не живу. Что от меня отказались и выгнали взашей. Все события до единого, все, что только ни происходило прямо сейчас, побуждало его присмотреться ко мне.

— У друзей, — ответила я.

Он слегка отпрянул, словно кто-то вклинился между нами.

— А у этих друзей есть адрес?

— Может, встретимся утром за кофе? В «Харбор-Бине»?

Его губы вытянулись в прямую линию, лицо в ночи было непроницаемым.

— Я рассчитывал на более приватную обстановку. Вы могли бы приехать в полицию, если хотите... или я заеду за вами, и мы поговорим по пути к месту церемонии.

Я кивнула.

— Я отправлю вам адрес сегодня же, когда доберусь до места.

— Отлично, — кивнул он. — Вы уверены, что в состоянии сесть за руль?

— Да, — отвечая, я захлопнула багажник и вдохнула сухой воздух.

Его фары следовали за мной на всем протяжении пути по центру, пока я не объехала вокруг квартала — тогда он направился вверх по склону холма к полицейскому участку. Я припарковалась на расстоянии квартала от «Шиповника» и дошла до дома пешком. Мне никак не удавалось отделаться от ощущения, что безопасных мест здесь нет вообще. Ни для Сэди, ни для меня. Некто следит в темноте. Нечто до сих пор меня подстерегает.

Что здесь есть нечто токсичное по самой сути — темная изнанка в зазоре между нами, куда больше никто не заглядывал.

* * *

В «Шиповнике» я достала из сумки список имен с указанием времени прихода на вечеринку. И добавила последнее имя: «Сэди».

Значит, она пробралась в дом, пока я говорила с Лус и Паркером? Проскользнула в переднюю дверь и направилась напрямик по коридору в спальню?

Я пыталась ощутить ее присутствие там, обнаружить в своих воспоминаниях. Найти момент, когда могла бы обернуться и увидеть ее, позвать по имени, вмешаться. Изменить ход всех последующих событий.

Кто-то привез ее туда. Причинить ей вред мог любой, но кто-то еще знал, что она побывала там, и молчал. В доме, полном знакомых и незнакомых лиц. Лус подытожила эти мысли, вылетев из комнаты наверху: «Никогда еще не видела столько лжецов в одном месте».

* * *

Через полтора года после смерти моей бабушки Грант Ломан купил ее дом и помог мне материально. Он взял ситуацию под свой контроль, когда я едва держалась на плаву, и позаботился о том, чтобы я справилась. Но в какой-то момент мне пришлось вспоминать, как вести журнал учета, как следить за финансами.

Так я и узнала, что к моменту смерти моей бабушки от всех крупных регулярных выплат, которые она когда-либо получала, ничего не осталось. После ее смерти я перевела небольшую сумму, сохранившуюся на ее счете, на свой собственный. Поэтому легкого способа найти депозит, обнаруженный Сэди, у меня не было.

Но он, возможно, существовал где-то в другом виде — свидетельства могли сохраниться.

Все, что мне осталось в память о бабушке, хранилось в единственной коробке, которую я привезла с собой в гостевой дом Ломанов, — в коробке с наклонной буквой «О» — «оставить», когда-то давно помеченной рукой Сэди. И вот теперь я выставила ее на кухонный стол и принялась выкладывать содержимое: альбомы с фотографиями, блокнот с рецептами, связки писем, вырезки из газет, посвященные аварии, в которую попали мои родители, личная папка со всеми бумагами о переходе прав на активы.

Я не нашла никаких чеков и других свидетельств больших трат.

Единственным принадлежащим бабушке крупным активом был ее дом.

После того как я продала ее дом, я сохранила все бумаги по этой сделке, тщательно упорядочила документацию, как научил меня Грант.

Это был мой первый опыт организации документов, в их содержание я особо не вдумывалась, да и зачем мне это могло понадобиться? Но документация у меня уцелела вместе с историей платежей, сохраненной в компьютерных файлах.

Теперь сведения об ипотечных платежах на своем ноутбуке я просматривала свежим взглядом. По-видимому, последние годы перед смертью бабушка платила небольшую сумму, которая ежемесячно и автоматически списывалась с ее счета. Но раньше сумма выплат была выше. В какой-то момент ее ипотечный платеж заметно снизился.

Когда она частично погасила ипотеку, разом перечислив одну крупную сумму.

Вот. Вот она. Деньги списаны со счета. Одно из свидетельств все-таки уцелело.

Я поискала дату, ведя пальцем по экрану.

Это случилось через месяц после смерти моих родителей.

Я откинулась на стуле, комната вдруг стала холодной и пустой. Я-то думала, мы получили выплаты по страховке жизни родителей — об этом упоминал Грант, помогая мне упорядочить записи. Это мне здорово помогло.

Я снова взглянула на цифры. Ровно сто тысяч долларов. Та же самая сумма, которая, как обнаружила Сэди, была перечислена со счета Ломанов на счет моей бабушки. Значит, никакая не страховка жизни. И не наследство. Деньги вдруг объявились там, где их никогда не было.

У меня скрутило желудок, детали головоломки стремительно складывались в голове.

Я открыла файлы, скачанные с телефона Сэди, — фотографии, которые она делала. Извилистая горная дорога с деревьями по обе стороны. И вдруг я поняла, что узнала Сэди. То, что связывало меня с Ломанами. Перечисление, которое она обнаружила.

Этим деньгами заплатили за смерть моих родителей.

Глава 27

А вот и новая игра: если бы я знала, что Ломаны причастны к аварии, в которой погибли мои родители, как бы я поступила?

Эту игру я вела всю ночь. В темноте дома, в компании одних только теней и призраков. Что бы я сказала, что бы сделала — как бы прищучила их и вывела на чистую воду. Нет: что бы я вместо этого отняла у них.

Я сидела в темноте, поглощенная ощущениями, но не ползучих плетей скорби, тянущих меня вниз. А совсем другими. Раскаленной добела ярости, проникающей до мозга костей. Приливов, заставляющих меня собраться с силами и толкающих вперед.

Мне хотелось завизжать. Хотелось прокричать правду на весь мир и посмотреть, как она приведет их к падению. Хотелось заставить их поплатиться за все, что они натворили.

Но у этого знания имелась и обратная сторона. Потому что этот платеж можно было истолковать иначе: как мотив. *Мой* мотив. Все свидетельства указывали на меня. Телефон, который нашла я. Следы борьбы — в *моем* багажнике. Я сама, блуждающая за домом Ломанов в ту ночь в поисках оставленных улик. И записка на кухонном столе. Это был мой почерк. Мой гнев. Моя месть. Она была *моя*.

* * *

В переднюю дверь постучали, я выглянула в щель между занавесками, ожидая увидеть Гранта или Паркера, которые каким-то образом вычислили, где я. Или Бьянку, явившуюся еще раз прогнать меня. Но за дверью стоял Коннор. Я увидела его фургон у тротуара, такой заметный на полупустой улице.

— Эйвери, ты там? — позвал он.

Черт, черт. Я отперла дверь, и он вошел так, будто я его приглашала.

— Как ты узнал, где я? — спросила я, пока он озибался в незнакомом доме. Его взгляд остановился на стопке семейных

альбомов и писем на кухонном столе.

На миг он помедлил, уставившись на газетную вырезку сверху на стопке — черно-белое фото разбитой машины и заголовок «Супруги из Литтлпорта погибли в аварии с участием одной машины».

— Коннор?..

— Она рассказала мне. — Он перевел взгляд на меня. — Фейт, — он тяжело дышал, взвинченный приливом адреналина.

— Как ты узнал, что я здесь? — повторила я. Мне казалось, я действовала так осторожно, а он взял и явился без предупреждения. Мне не нравилось, как он шарит взглядом по моим вещам. Не нравилось, как он стоял — весь на нервах.

— Что? — Он встряхнул головой, будто пытался поймать нить разговора. — Найти нетрудно, если знаешь, что ищешь. — Я попятилась, а он нахмурился, прищулив глаза. — Ты же сама сказала, что у Ломанов больше не живешь. Но и у Фейт тебя не было, а большинство отелей до сих пор битком... Куча народу говорила, что тебя видели в этом районе. Я обошел пару домов, потом заметил на улице твою машину. А этот дом ближайший к ней. — Он начал вышагивать по комнате, выплескивая энергию, которая не находила иного выхода. — Фейт ничего не делала Сэди, я же тебе говорил. Ты ей веришь?

— Стоп! — Я закрыла глаза, вскинула руку. Уследить за двумя нитями разговора сразу мне не удавалось. — Кто-то сказал тебе, что видел меня неподалеку?

А разве сама я этого не замечала с недавних пор? Как люди смотрят на меня, как следят за мной взглядами. Как будто что-то знают обо мне. Я думала, это из-за расследования слухи поползли вновь. Но, может, так было всегда. А я, подобно Ломанам, потеряла чувствительность к таким взглядам, перестала замечать их.

— Ясно, — сказала я, схватившись обеими руками за край стола передо мной, отделяющего меня от Коннора. — «Эта девчонка путается с Ломанами — теми, что с утесов». Такие ходят разговоры?

Он сглотнул, дернув горлом, но не стал отпираться.

— «У этой девчонки какие-то *дела* наверху, на утесах».

Я смотрела в сторону, на зашторенные окна и темную ночь за ними. И не понимала, зачем он здесь, что ему надо. Сколько еще

людей знают, что я скрываюсь в этом доме? Неужели жизнь меня ничему не научила, если я решила, что невидима?

— Это была не Фейт, — снова сказал он.

— Да, знаю, что не Фейт. И теперь знаю, за что эти деньги. — Я стиснула кулаки. Вся моя взрослая жизнь строилась на лжи. На страшной тайне. Ее создали люди, которые, как я думала, так много дали мне, а на самом деле отняли все.

Коннор перестал вышагивать и внимательно уставился на меня. Может, мой недостаток — по сути дела, излишняя доверчивость; стремление предпочитать одиночеству общество хоть кого-нибудь. Вдобавок убежденность, что людьми движет не только корыстный интерес. В доме мы были одни, поблизости — ни души. Ему уже случалось многое скрывать от меня, и мы оба помнили об этом. Но Коннор находился *здесь*. И пришел ради меня той ночью год назад, когда Сэди отправила ему сообщение с моего телефона. Отношения с ним никогда не были гладкими. Логика в них противостояла чутью. Я не знала, что привело его сюда среди ночи, но давно убедилась: такие поступки идут в счет, только когда знаешь чьи-либо недостатки и все равно выбираешь этого человека.

— Ломаны откупились от моей бабушки после того, как умерли мои родители.

Он заморгал, я увидела, как его поведение в целом изменилось.

— Что?..

Я сделала глубокий вдох, боясь расплакаться. А потом вдруг перестала сопротивляться, потому что какой в этом смысл, черт возьми?

— Они убили моих родителей. Они как-то в этом замешаны.

Коннор оглянулся через плечо на закрытую дверь, и я насторожилась: неужели кто-то прошел мимо?

— Кто?.. Как?..

И тогда я с самого начала увидела каждую проведенную с ними минуту, пока одна из них не оказалась в фокусе — медленно и ужасающе отчетливо.

Фото Паркера в гостиной, с юным лицом без каких-либо отметин. Сэди, которая упорно дразнила его шрамом все прошлое лето, никак не желая униматься. Зловещие взгляды, которые он бросал на нее, —

один из них заметила Лус. От встряски с этой картинки слетело все лишнее.

Как Паркер удивился, застав меня в комнате Сэди в день нашего знакомства, — он знал, кто я. Разумеется, знал. *Эйвери Грир, уцелевшая.*

— Паркер, — тихо произнесла я в ночь. — Это был Паркер.

Шрам через бровь — напоминание для него. След не драки, а аварии, — Сэди догадалась сама. Аварии, которую он и вызвал. Но Паркер Ломан был неуязвимым. Каким-то образом даже это сошло ему с рук. Сто тысяч долларов — вот во сколько оценили жизнь моих родителей. Отдали за наше последующее молчание. Один из двух платежей, которые нашла Сэди. Я не знала точно, имеет ли второй платеж отношение к первому — служит ли он, чтобы заткнуть рот еще кому-то, знающему правду, — или Ломаны совершили больше одного преступления.

«Паркеру буквально все сходит с рук».

«Ради короля они пожертвуют чем угодно».

Вот сколько мы стоили, с их точки зрения. Две жизни. Сплошные потери. Будущее, каким оно должно было стать для меня, просто исчезло.

Я ошибалась. Этот город ничего у меня не отнимал. Виноваты были не горная дорога, не отсутствие уличных фонарей и не безжалостные крайности. А люди там, на утесах, которые смотрели на весь мир свысока. Прикрывали своих. Сколько ему тогда было — четырнадцать? Пятнадцать? Слишком мало, чтобы садиться за руль. В тот раз он бы так легко не отделался, какие бы ни нашел для себя оправдания. Существуют законы, которые невозможно обратить в свою пользу или обойти.

Его вопрос тем вечером, когда он стоял надо мной в ванной, — думаю ли я, что он хороший человек. Его стремление получить от меня отпущение грехов. Нет. *Нет* в нем ничего хорошего. Внутри у него вообще ничего нет, кроме убежденности, что он заслуживает каждой малости, какая ему только достается.

Вместо простой истины, единственной, имеющей значение: Паркер Ломан убил моих родителей.

— Завтра у меня назначена встреча с детективом Коллинзом, — выпалила я. — Если я ему скажу, в дальнейшем ход расследования

будет невозможно предугадать. — Это было предостережение. Я произнесла его, чтобы увидеть, что сделает или скажет Коннор. Я уже не смогу помешать полиции подозревать Коннора или меня.

Коннор снова оглянулся на входную дверь, и я была готова поверить, что он явился сюда не один. А может, я просто вдруг начала видеть опасность во всех и каждом — поняла, на что мы все способны.

— Сэди погибла из-за Паркера? — спросил он.

— Не знаю, — ответила я. И вспомнила слова Лус о том, что отношения Сэди с Паркером — потемки. Сэди считала, что я ее секрет, и я была им. Причина, по которой меня приняли, причина, по которой этот поступок был правильным, — та же самая, по которой Паркер странно отреагировал, впервые увидев меня там. Он точно знал, кто я. И Сэди наконец узнала его настоящего.

Я не знала, кто расправился с Сэди и почему. Знала только, что она открыла тайну, которую берегли обе наши семьи, и теперь была мертва. Увезена с вечеринки обратно к себе домой в моей машине.

Все мы были там в тот вечер. Сделать это мог кто угодно.

Внезапно мне понадобилось, чтобы Коннор ушел. Мне требовалось разобраться в своих мыслях, найти способ защитить себя. Я скрестила руки на груди.

Он переступил с ноги на ногу.

— Будешь завтра на церемонии? — спросил он.

— Да. А ты?

— Все будут. — Он удерживал взгляд на моем лице.

Я покачала головой и отвернулась.

— Там и поговорим. — Лучи фар взрезали занавески на передних окнах и заскользили дальше. — Тебе пора, — добавила я.

— Можешь поехать со мной. В квартире одна спальня, но я посплю на диване...

Однако я точно знала, что должна сделать. Для того чтобы разобраться с Ломанами, одних слов мало. Нельзя сражаться против такой силы, не имея за душой ничего, кроме веры. Нужны доказательства.

— Увидимся завтра на церемонии, Коннор, — сказала я, распахивая входную дверь. И затаивая дыхание. С Коннором, вдруг поняла я, никогда не было полной ясности, как он поступит дальше.

Он повернулся на пороге, хотел что-то сказать. Потом передумал. Окинул взглядом темную улицу, прищурился.

— Не следует тебе оставаться здесь.

Я не ответила, начиная медленно закрывать дверь, пока он не отступил. В щель между занавесками я смотрела, как он идет к своему фургону — тень в ночи. А потом провожала взглядом удаляющиеся тормозные огни, пока не убедилась, что он уехал.

* * *

Теперь, с моим новым пониманием прошлого, Литтлпорт глухой ночью стал восприниматься совсем иначе. Уже не как город извилистых дорог, аварий, отсутствия уличных фонарей и трагедий из-за того, что кто-то задремал за рулем. А как место, где бродят виновные, и не думая каяться. Место, которое делает из людей убийц.

Я нервничала и постоянно поглядывала в зеркало заднего вида, надеясь, что мой переезд в «Голубую мухоловку» пройдет незамеченным.

Преступление совершилось именно там — так я считала. Не в доме Ломанов, не на утесах и не на пляже, как в прошлом году объявила полиция. А здесь, на другом конце города.

Стоит мне только обо всем рассказать в полиции, как дом обыщут, оцепят, закроют для гражданских. А мне требовались доказательства в подтверждение всему, во что я верила.

Фонариком в телефоне я осветила себе тропу от подъездной дорожки до входной двери. Здесь, на высоком берегу, по соседству со множеством незастроенных участков, каждый порыв ветра казался угрожающим, и я то и дело пускала луч света на деревья и пустую дорогу, пока наконец благополучно не укрылась в доме. Свет я включать не стала. На случай если кто-нибудь следит за домом. Я ощущала присутствие каждого из них в тени моей памяти: Фейт, полиция, Паркер у стены гаража. Столько людей, которые что-то видели и что-то знали. А теперь здесь еще и Грант с Бьянкой, и я, точно так же, как Лус, понимала: ради защиты короля они пойдут на все.

Ориентируясь по памяти, я провела ладонью по дивану, стульям, кухонному столу и продолжала ходить по дому. Фонарик я старалась держать низко, подальше от окон. Мамина картина на стене, ее голос в ушах: «Вглядись, присмотришься еще раз. Скажи мне, что ты видишь».

Я понимала, в этом весь фокус. Не сменить угол зрения или подробности истории, не подступить на шаг ближе или отойти дальше, а измениться самой. Мне вспомнился тот вечер, когда я стояла за маминой спиной, а она делала снимки в лодке Харлоу — снимки, которые в конечном итоге привели ее к этой картине. К пейзажу, который она снимала и рисовала раз за разом, словно гналась за чем-то. Теперь я видела все, что осталось за кадром, все, что помещало эту картину в контекст — лодку, в которой она стояла, нас с Коннором, играющих в «Что я вижу» у нее за спиной. Неприкрытую ясность того момента, пока тени перед нами продолжали тускнеть, растворяться в ночи. Как будто жизнь, которую она вела, и жизнь, к которой она стремилась, все это время была одной и той же.

Я отошла от картины, направилась к закрытой двери в конце коридора. Мы с Лус тем вечером пробовали нажать ручку этой двери, но она была заперта. Тогда я хлопнула ладонью по панели, надеясь этим ударом заставить вздрогнуть тех, кто там, внутри.

Теперь дверь скрипнула и подалась, из темноты зловеще проступили очертания мебели. Здесь шторы были плотно задернуты, и я наконец включила свет, отвоевавший у темноты белое покрывало на постели, сундук темного дерева, стопку одеял возле него. Откинув крышку, я заглянула внутрь — запах сосны, старых стеганых одеял и пыльного чердака.

Он был открыт, насколько мне помнилось, когда я пришла сюда на следующий день после вечеринки, чтобы навести порядок. Был ли ее телефон внутри уже тогда?

Вдоль постели, ведя рукой по мягкой ткани, я прошла по твердому дереву, по слегка пружинящим половицам, мимо стенного шкафа, к ванной.

Под самым потолком в туалете имелось окно для освещения, но оно не открывалось. Длинное зеркало в белой рамке. Туалетный столик на крепких деревянных ножках, упирающихся в кафель. Мы вытирали воду с пола, Паркер и я, после того как Элли Арнолд

согревалась здесь под душем в компании подружек. Вода была повсюду, испачканные полотенца остались брошенными по углам.

Я провела пальцами по гранитной поверхности туалетного столика — в мраморных разводах, серых с белым. Острые уголки. Встала на колени, вспоминая, каким мокрым был пол тем вечером — и кучу полотенец в углу, которые я сложила в пластиковый пакет.

На следующий день я постирала их в машине с отбеливателем, чтобы вернуть им чистый вид.

Я заглянула под столик, всмотрелась в потемневшую затирку — там грязь было труднее заметить и отчистить. Снова выпрямилась и упиралась сбоку в столик, пока он не заскользил от стены, скребя ножками по кафелю. Я толкала его дюйм за дюймом, пока не поставила наискосок к душевой кабинке и не остановилась, чтобы отдышаться. Освободившийся угол был пыльным и замусоренным, с потемневшими швами между плиткой, в разводах от высохшей воды.

Я встала на колени и провела пальцами по меловому осадку.

Ржаво-красное пятнышко в углу. Оставшееся незамеченным. Я откачнулась на пятках, передернулась, как в ознобе, и с трудом выбралась из ванной, на этот раз отчетливо представив себе все.

Схватка за запертой дверью, выбитый из ее рук телефон, трещина на экране. Борьба, успешные попытки оттеснить ее от двери, от выхода. Вталкивание в ванную. Падение, удар головой. Кровавая лужа. Лихорадочные попытки вытереть ее. Поиски запасных полотенец, устранение беспорядка. Необходимость передвинуть ее.

Поиски в ее сумочке, находка — ключи. Взгляд в окно над унитазом, нажатые кнопки на брелоке для ключей — и у моей машины на другой стороне улицы вспыхивают фары.

Одеяло выхвачено из сундука, чтобы накрыть ее. В суматохе при этом потерял ее телефон. Завалился на дно сундука, там и остался — в ожидании, когда его найдут.

Ее заворачивают. Господи, какая она маленькая. Проскальзывает в коридор и щелкает тумблерами, отключая электричество... но кто?

Неужели ради этого и устроили отключение и сцену в темноте? В качестве отвлекающего маневра, пока кто-то перенес умирающую или потерявшую сознание Сэди в машину?

Если так, я сама замела все следы сразу, вернувшись в дом на следующий день. Постирала улики с отбеливателем в стиральной

машине, договорилась о замене окна, захлопнула деревянный сундук — и оставила там ее телефон. Я уничтожала ее по частям, пока она не стала невидимой. И теперь мне требовалось снова взять ее в фокус.

Дрожащей рукой я начала делать телефоном снимок за снимком: пол под туалетным столиком с ржаво-красным пятнышком крови, сундук с одеялами, электрощиток в коридоре, расстояние оттуда до входной двери. Собирать доказательства, пока меня не выгнали отсюда. Доказательства случившегося, единственной свидетельницей которого была я, а призрак Сэди заполнил пробелы в моих воспоминаниях.

Я видела, как развивалось это действие. На три шага назад, три шага вперед. Девчонка в голубом, яркое пятнышко цвета моря, крутнувшееся у меня в дверях, бледная нога, зацепившаяся за камень — и повисевшая там, пока ее не нашли.

* * *

На обратном пути я свернула от пристани и от побережья. В противоположную сторону, к горам. И неожиданно для себя обнаружила, что еду по извилистой тихой улочке, где не бывала много лет.

От этой длинной бетонки разбегались подъездные дорожки — плотно утопанные, ведущие к домам старой постройки в окружении деревьев.

Я сбавляла скорость, пока не приблизилась к последнему дому на этой улице: строению в стиле ранчо, отодвинутому от дороги и отделенному от нее газоном в проплешинах земли. Харлоу все еще жили по соседству, их уличный фонарь был виден за деревьями. Я поставила машину у широкого въезда дорожки к моему прежнему дому, под низко нависшими узловатыми ветками.

В темноте деталей было не различить, так что мне оставалось лишь представлять себе пестрые керамические вазоны на передней веранде, раскрашенную вручную табличку «Добро пожаловать» на входной двери. Деревянные стулья, сколоченные мамой, облупившуюся тускло-зеленую краску, низкий столик.

Мне представилось, как мама читает, сидя на передней веранде. Отец держит стакан и мамины ступни у себя на коленях. Оба то и дело поднимают голову, проверяя, как там я.

Прямо здесь моя жизнь однажды глухой ночью достигла развилки.

Но это — это жизнь, которая должна была мне достаться. Отец ловил меня при попытке вбежать в дом. «Ты вся извозилась», — со смехом говорил он. Мама пожимала плечами: «Да пусть идет».

Воспоминания и воображение. Все, что осталось от жизни, которую у меня отняли.

* * *

Должно быть, я задремала прямо в машине, и гудок телефона разбудил меня, приведя в состоянии паники.

Мне понадобилось мгновение, чтобы сообразить, что я сплю на боку, свернувшись на водительском сиденье. «Музыка ветра» вместо пестрых керамических вазонов, табличку «Добро пожаловать» заменил венок из виноградных лоз. Ярко-синие металлические стулья на передней веранде, броское пятно среди горного пейзажа.

Мой телефон снова загудел — пришли две эсэмэски от Бена Коллинза.

«Заеду за вами через полчаса».

«Мне все еще нужен ваш адрес».

Какой-то мужчина вышел из дома, сошел с крыльца, направился к припаркованной сбоку от дома машине, но заметил меня и остановился. Потом сменил курс и двинулся ко мне.

Я ответила детективу Коллинзу: «Извините, возникли дела. Встретимся на церемонии».

Незнакомец медленно подошел по дорожке, я опустила стекло в окне, на языке уже вертелись тысячи оправданий.

— Мы только что переехали, — сообщил он с улыбкой. Ему было, пожалуй, столько же лет, сколько моему отцу на момент его смерти. Но в моей памяти он навсегда остался молодым. — Дом уже продан.

Я кивнула.

— В детстве я жила здесь. Прошу прощения, мне просто... хотелось узнать, как он сейчас выглядит.

Он оглянулся через плечо.

— Красавец, правда? У него давняя история.

— Да. Извините за беспокойство. Я просто заехала в эти края...

Солнце блеснуло на «музыке ветра» у них на веранде, незнакомец качнулся на каблуках. Я подняла стекло и завела машину.

Паркер отнял у меня все, а мне по-прежнему было нечем доказать его виновность. Но я знала, что поискать стоит еще в одном месте, и у меня есть единственный и последний шанс сделать это.

Сердце гулко колотилось в груди. Пора было ехать. Вскоре начиналась церемония в память о Сэди.

Там соберутся все.

Глава 28

Даже здесь, на расстоянии четырех кварталов от Брейкер-Бич, я насилу нашла место для машины. Я оказалась права: собрались все. Церемония вскоре должна была начаться. Я заняла первое место, какое только заметила, затем забежала в «Шиповник», чтобы собрать все, чем располагала, — все свидетельства, которые направляли меня по нынешнему пути. Их надо было поместить все в одно место, чтобы представить детективу Коллинзу после церемонии.

Я направилась к месту ее проведения, повесив сумку через плечо.

* * *

Я увидела их всех. Люди заполнили Брейкер-Бич, теснились на стоянке, заняли места на камнях за дюнами. Машины стояли на улице в два ряда, образовался затор из транспорта и зрителей. Было утро вторника, но люди не пожалели времени, пожертвовали ради церемонии своей работой и другими делами. Разыгрывалось грандиозное шоу в поддержку погибшей девушки, как дань уважения ей. Единственное, что оставалось ей отдать.

Толпа собралась у входа на пляж, центром толпы был колокол с вырезанными на бронзе вручную словами.

Я увидела, как Бьянка стоит рядом с Грантом на возвышении — стоическая поза, опущенная голова. Грант придерживал ее за талию, Паркер стоял за их спинами, обводя взглядом толпу.

Рэндолфы, Арнолды — все они были там, ближе к первым рядам. Я пробиралась по людскому морю, перегородившему дорогу. Видела при этом семьи Силва, Харлоу, другие, которые знала всю жизнь, и все они явились сюда почтить память еще одного человека, потерянного для Литтлпорта. Комитет выстроился за импровизированным возвышением, Эрика рядом с детективом Беном Коллинзом в темных очках, оба выглядели торжественно и стояли не шелохнувшись.

Глава комитета выступила вперед, из микрофона донесся ее энергичный и звонкий голос:

— Спасибо всем, кто собрался здесь этим утром в знак уважения к Сэди Дженетт Ломан, оставившей память о себе в этом городе и у всех, кто ее знал.

Слушатели склонили головы, приглушенный гул голосов затих.

«Прости меня, Сэди».

Я двинулась дальше, проталкиваясь через толпу по краю и направляясь вверх по наклонной Лэндинг-лейн.

Один раз я оглянулась через плечо, но поблизости никого не заметила. Никто не смотрел, куда я иду.

Машина Гранта и Бьянки отсутствовала — должно быть, они уехали на Брейкер-Бич вместе. Дойти туда было бы нетрудно и пешком, только не под уклон, почти неприступный для модельных туфель.

Несмотря на то что я видела их внизу, на месте проведения церемонии, сначала я заглянула в дом через передние окна, поставив ладони козырьком над глазами и сбоку. Свет не горел, внутри я не заметила никакого движения. Я позвонила в дверь, досчитала до десяти и только потом воспользовалась ключом, который они так и не потребовали вернуть.

Но оказалось, что он не нужен — дверь уже была отперта. Величайший обман Литтлпорта — «это совершенно безопасное место, где нечего бояться». Будто даже теперь они заявляли: «Здесь секретов нет».

— Привет! — крикнула я, шагая через порог. Мой голос разнесся по нижнему этажу.

Дом был безлюдным. Но не без признаков жизни. Пара туфель у входа, жакет, брошенный на кухонный табурет, неровно отодвинутые стулья в столовой. На этот раз я не удосужилась осмотреть нижний этаж, точно зная, куда мне надо.

Наверху я миновала закрытую дверь большой спальни, прошла мимо залитой светом комнаты Сэди с ее безупречным порядком и направилась в кабинет Гранта. Запертый стенной шкаф. Папки.

Стол выглядел не так, как на прошлой неделе, — сверху его вытерли, все разложили как следует. Как будто Грант занял свое законное место, а Паркера выселил куда-нибудь. Я открыла верхний ящик стола, разгребла кучу флешек — и запаниковала.

Ключа нигде не было.

Кто-нибудь, наверное, пользовался им недавно и перепрятал. Я выглянула в окно кабинета, потом начала выдвигать ящики один за другим. Пусто, пусто, пусто.

У меня участился пульс. В отчаянии я принялась водить ладонями снизу по дну ящиков, надеясь отыскать хоть что-нибудь. Сердце дрогнуло: я зацепилась ногтями за металлическую скобку еще одного крошечного отделения. И продолжала ощупывать его пальцами, пока не нашла кнопку, после нажатия которой вперед выскочил ящичек.

Ключ я крепко зажала в ладони.

Предоставлю Гранту самому расставить вещи по местам. Разгребать беспорядок после его сына и разбираться с его безалаберностью.

А я целеустремленно направилась к стенному шкафу. Принялась вытаскивать папки и складывать их стопками на стол Гранта.

Фейт так далеко не заходила. Она проникла в дом, как мы делали много лет назад, но на этот раз с конкретной целью. Мне она рассказала, что искала что-нибудь — хоть что-то. Что могла бы использовать против Ломанов. Но до этих материалов она не добралась. Папки со сведениями по благотворительности, с планами и чертежами. С подробностями сделок по домам, сдающимся в аренду.

Здесь хранилось лишь то, что имело отношение к Литтлпорту. Я знала, что непременно зацепило бы меня, если бы я заглянула в этот шкаф хотя бы раз: медицинская папка. Из-за всего, что наверняка хранилось в ней.

Я открыла папку с этикеткой «Медицина». Внутри были свидетельства визитов частных врачей, какие приняты у семейств вроде Ломанов, — визитов на дом, чтобы не приходилось ждать в коридорах пункта неотложной помощи. Любой каприз за ваши деньги.

Первыми в папке я увидела результаты стрептококкового теста Сэди, сделанного два лета назад. Затем — записи о лечении сильной сыпи, реакции на ее новое солнцезащитное средство. Затем был кашель у Гранта, затянувшийся до тех пор, пока Бьянка не позвонила врачу сама, удивив мужа его приездом в середине рабочего дня. Курсы лечения, истории болезни.

Я возвращалась назад во времени, проходили годы, пока взгляд не зацепился за слово «швы». Страница была только одна, подробностей немного.

Имя Паркера и дата рождения. Диагноз — рваная рана. Медицинское заключение по результатам. Записи о симптомах, на которые следует обратить внимание, и о возможном сотрясении. Рецепт на обезболивающее. Направление к пластическому хирургу, если он понадобится. У меня задрожали руки.

А дальше, в самом низу, рядом с подписью врача, — дата. Через два дня после аварии, в которую попали мои родители. Как будто Ломаны сначала всеми силами старались скрыть случившееся, избежать подозрений, и лишь потом поняли, что их сыну необходима медицинская помощь.

Я задумалась: неужели поэтому у него и остался шрам — из-за того, что они слишком долго медлили, ждали, когда закончится следствие по аварии с участием всего одной машины.

Может, второй платеж, сведения о котором Сэди скопировала на флешку, был отправлен ему — тому врачу, который знал, что Паркер серьезно пострадал, потому и получил плату за молчание. Вознаграждение за то, что не стал задавать лишних вопросов.

Это была она. Информация, максимально подпадающая под определение доказательства, какую я только могла добыть. Я выглянула в окно, но подъездная дорожка по-прежнему пустовала. Я сфотографировала документ о травме Паркера, в том числе дату врачебного осмотра, и отправила снимок на номер детектива Бена Коллинза с припиской: «Мне надо поговорить с вами о Паркере Ломане».

Потом послала эсэмэску Коннору: «Церемония еще идет?»

Снова выглянула в окно. Машины все еще не было.

Я начала было убирать папки, потом остановилась. Мне все равно, узнают они или нет. В ушах зазвучали слова Гранта, его жестокий шепот, — о том, что он переоценил меня. Как и Фейт, мне захотелось, чтобы они узнали. Кому еще известно лучше, где искать, чем человеку, которого они приняли в свой дом?

Из-за них моя жизнь отклонилась от курса. Из-за них я потеряла все, что имела.

Мой телефон дзынькнул, пришел ответ. Не от детектива, а от Коннора: «Уже заканчивается. Ты где?»

Мне хотелось увидеться с Коннором, рассказать ему. Хоть он и хранил секреты Фейт, но ведь и мои тоже. И после всего, что было, он

заслужил право знать истину.

Но сначала требовалось отыскать детектива Коллинза, попросить о встрече с ним в полиции, выложить все, что я разузнала, — спокойно и четко. Я по-прежнему не знала наверняка, кто убил Сэди. И не могла доказать, что это сделал Паркер, но теперь у меня появился его возможный мотив. Теперь самое важное — чтобы мне поверили.

Я начала собираться, готовясь к выходу, как вдруг где-то в доме хлопнула закрывшаяся дверь.

Мои руки зависли над столом, я застыла. Даже не дышала. На лестнице послышались шаги, я в отчаянии огляделась в поисках укрытия. Единственным местом, где я могла бы спрятаться, был шкаф — если бы я не вынула из него все папки. Если шаги повернут по коридору в другую сторону, можно попробовать бегом добраться до...

— Эйвери? — Голос прозвучал совсем близко. Мужской. Не Паркера. И не Гранта. Прятаться не было смысла. Кто бы это ни был, он уже искал именно меня.

А потом в дверях кабинета возник детектив Бен Коллинз, озадаченно нахмурив лоб. Обвел взглядом письменный стол и мои руки, зависшие над ним. Сделал шаг в комнату.

— Что вы делаете в этом доме?

Сглатывать было нечего, в горле пересохло.

— Вы получили мое сообщение?

— Да. — Он подходил к столу. — И видел раньше, как вы направлялись сюда. Вы не ответили на мой вопрос. Что вы здесь делаете?

Я вломилась в чужой дом, а он меня застукал. Он знал, что я ищу и где искать меня. Загнал меня в угол и поймал с поличным.

— Подождите, — взмолилась я, выставив руки перед собой. — Просто подождите, пожалуйста.

Мне надо было показать ему сразу же — пока он не передумал, не привлек меня, не позвонил Ломанам, и тогда у меня не останется ни единого шанса. Ломаны способны уничтожить любого.

— Я должна кое-что показать вам. — Я вывалила из сумки все, что принесла с собой. Попыталась расчистить место на столе. — Вот что я вам послала, — я показала медицинские записи с именем Паркера. — Видите?

Его лоб собрался в сосредоточенные морщины, он прочел бумагу.

— Не понимаю, что я должен здесь увидеть.

— Это доказательство тому, что Паркер получил травму в то же время, когда мои родители погибли в дорожной аварии.

Он уставился на меня, в его зеленых глазах отразился свет со стороны окна. Выражение лица осталось непроницаемым: я так и не смогла определить, верит ли он мне, собирает ли сам подробности в общую картину.

— Сэди, — продолжала я, протягивая ему флешку, и ее имя царапнуло мне горло. — Она нашла доказательство тому, что ее семья откупилась от моей бабушки после гибели моих родителей. Сто тысяч долларов. Все здесь.

Он взял у меня флешку и нахмурился. Повертел ее в руках.

— Это еще не все, — продолжала я. Остальное было у меня под рукой. Перечисляя улики, я придвинула папку по столу в сторону детектива. Совпадающий номер счета из бабушкиной чековой книжки. Одного его было вполне достаточно. — Вот доказательство, что моя бабушка расплатилась по ипотеке этими деньгами сразу после смерти моих родителей. И еще, — я протянула телефон трясущимися руками, — доказательство, что в прошлом году Сэди пострадала в доме, где проводилась вечеринка. Детектив, она была *там*. — Я открыла только недавно сделанные снимки, показала ему телефон, и слова посыпались из меня скороговоркой. Я старалась провести его по всей цепочке событий — пятно крови в ванной, моя убежденность, что кто-то вынес ее из дома, закутанную в одеяло, и при этом потерял ее телефон.

— Они воспользовались моей машиной. Моим багажником. — У меня вырвался всхлип. — Место преступления было *там*. А не здесь. Она не спрыгивала.

Углы его рта опустились, он покачал головой.

— Эйвери, помедленнее.

Но так было неправильно. Следовало прибавить скорость. Сэди не нужен гребаный колокол и печальная надпись. *Вот* что ей нужно. Чтобы ее поняли. Отомстили за нее. А он не слушал. Что еще мне сделать, чтобы заставить его понять?

Он уставился на снимки на экране моего телефона, его рука еле заметно дрожала, будто я передала ему свой страх напрямую. Его

взгляд метнулся в сторону окна за моей спиной, и я поняла, о чем он думает, — что скоро вернутся Ломаны.

Он должен был поверить мне до их прихода.

— Наверняка в полиции есть люди, которые помнят аварию, — продолжала я. — Кто знает что-нибудь. Времени прошло немало, но такое не забывается.

Это был кошмар — так сказал первый полицейский, прибывший на место аварии. В папке, лежащей на столе, сохранилась газетная вырезка.

— Может, нам удастся поговорить с человеком, который прибыл туда первым. Может, какие-нибудь подробности не вписывались в общую картину.

Еще одна деталь, чтобы связать воедино оба дела.

Я открыла папку, вынула статью, чтобы он вспомнил. Детектив Коллинз однажды сказал мне, что знает, кто я, через что прошла и что расклад мне достался говенный. Он старше меня. Он наверняка помнит это дело.

— Можно... — он прокашлялся, показывая мой телефон. — Можно мне взять его?

Я кивнула, он сунул мой телефон к себе в карман, вытащил пачку сигарет, вытянул из нее одну и достал зажигалку.

— Вредная привычка, сам знаю, — сказал он. Его рука дрожала, пришлось дважды щелкнуть зажигалкой, чтобы появилось пламя. Медленный выдох дымом, прикрытые глаза. — Но иногда помогает.

Мне представилось, как дым впитывается в стены Ломанов, в узорчатый ковер под нашими ногами. Как они взбесятся. И чуть было так и не сказала, но одумалась. Мне-то что?

В статье был черно-белый снимок дороги — как же я раньше не заметила, что это то же самое место, которое сняла на свой телефон Сэди? Деревья, образующие дугу, выглядели иначе при дневном свете, но в целом вид соответствовал.

В газете поместили и снимок разбитой машины. Груда металла, смятого о дерево. У меня защемило сердце, пришлось зажмуриться даже после стольких лет.

Я пробежала глазами несколько абзацев, пока не нашла тот, который мне запомнился, врезался в память еще много лет назад.

— Первый полицейский, прибывший на место аварии, рассказал об этом журналисту, — объяснила я и прочла слова, которые так долго хотела забыть. — Вот: «Я ничего не смог поделать. Это был ужас. Кошмар. Я думал, что мы уже потеряли их всех, но, когда прибыла «Скорая», оказалось, что женщина на заднем сиденье еще жива. Просто без сознания. Утрата будет ощутима для всего сообщества, в том числе для молодого полицейского...»

Я умолкла, комната словно опустела. Было невозможно дочитать. Выговорить эти слова. И оставалось лишь наблюдать, как все меняется.

Он поднял брови и снова щелкнул зажигалкой. Поднес ее к краю документа о травме Паркера, дал бумаге загореться и бросил ее в мусорную корзину из нержавеющей стали.

Я перевела взгляд на газетную вырезку у меня в руке. Истина, всегда находившаяся на расстоянии нескольких дюймов, только и ждала, когда я присмотрюсь к ней еще раз.

Незаконченное предложение, наши пути — пересекающиеся снова и снова, незримо, неведомо. «...полицейского Бена Коллинза».

Глава 29

Дым поднимался над мусорной корзиной, воздух ожил, стал зловещим.

— Вы знали, — произнесла я и попятилась.

Детектив Бен Коллинз стоял между мной и дверью, не глядя мне в глаза. И время от времени ронял в мусорное ведро страницу за страницей. Все доказательства, которые я отдала ему, все улики. Одну за другой — в горящую корзину. Мой мобильник был у него. И моя флешка. И свидетельства платежей...

В том числе и второго, который Сэди нашла и сфотографировала, а потом сохранила на флешке вместе с платежом, поступившим на счет моей бабушки. Этот второй платеж был отправлен ему.

— Ломаны и от вас откупились, — сказала я.

Только тогда он наконец посмотрел на меня. Мужчина весь из острых углов, из негативного пространства.

— Это была авария. Если что, он не хотел. Пронесся мимо меня как угорелый среди ночи. Я не знал, что это Паркер Ломан, когда помчался за ним. Он не видел, что приближается другая машина. Наверное, их ослепили фары на крутом повороте. Обе они съехали с дороги, но другая машина...

— Другая... — Я поперхнулась. Мои *родители*. Там, внутри, были люди. Которых отняли у меня.

Сколько же он ждал, прежде чем вызвать «Скорую» уже после того, как Паркер Ломан вышел из машины? Может, Паркер, зажимающий ладонью рану на лбу, сам просил его подождать, когда увидел, что натворил? Или это Грант Ломан позвонил Коллинзу, объяснил, что к чему, убедил отпустить его сына — ведь ничего уже не поделаешь, зачем губить еще одну жизнь: угроза под видом уговоров?

А мои родители истекали кровью, пока он ждал? И боролись, противились мраку, а молодой Бен Коллинз взвешивал собственную жизнь и выбирал?

В мусорной корзине потрескивало пламя, жар нарастал между нами, пока мы стояли по разные стороны письменного стола.

— Эйвери, послушайте, все мы были молоды.

Мне ли не знать. Сколько раз мы делали выбор, не задумываясь, насколько ясно мыслим. На эмоциях, по наитию, очертя голову, просто чтобы что-нибудь прекратилось. Изменилось.

— Я часто думаю об этом, — сказал он. — Наверное, как все мы. И теперь мы делаем все, что в наших силах, все мы до единого. Случилось ужасное, но Ломаны оказывали поддержку этому городу и в горе, и в радости, помогали ему всякий раз, когда могли. Мне было двадцать три, когда я принял решение, и с тех пор я пытаюсь примириться с ним. — Он вытянул руку в сторону. — Этому городу я отдал *все*.

Теперь его глаза были широко раскрыты, словно он умолял меня увидеть ее — личность, отражающуюся в глазах. Увидеть, как он изменился к лучшему. Если вдуматься, в самом деле: он всегда и во всем участвовал на добровольных началах. Организовывал шествия и другие события. Его звали в комитеты. Но я видела одну только ложь. Которая теперь была встроена в самую ткань его существа.

— Они *погибли*! — не выдержав, закричала я. Наконец-то у меня появилось на кого излить гнев. Вместо того чтобы погружаться все глубже в себя. Вместо того чтобы поддаваться движению по спирали, которая захватила меня и отказывалась отпускать.

Он вздрогнул.

— Чего вы хотите, Эйвери?

Деловито. Будто бы все в жизни решается переговорами.

Я встряхнула головой. Он оставался таким спокойным, а потрескивающее пламя выбрасывало языки в воздух, продолжая уничтожать все, что ему доставалось.

Мне требовалось покинуть комнату, но он преграждал путь.

Он сделал шаг в сторону, и я инстинктивно попятилась к стене.

— Мы поговорим с Грантом и что-нибудь придумаем, хорошо? — предложил он.

Но он ошибался. Разумеется, ни о чем таком и речи быть не могло.

— Сэди, — выговорила я, наконец догадавшись. Она, как и я, доверилась не тому человеку. Моя жизнь была ее жизнью. Она следовала по тому же пути, узнала его имя — и уверовала, что он скажет ей правду.

— Вы ее убили, — прошептала я и зажала рот ладонью от ужаса, вызванного этой правдой.

Это он привез ее на вечеринку. Человек, которого никто не видел.

Он прикрыл глаза и поморщился.

— Нет, — выговорил он. Но отчаянно, умоляюще.

Я уже видела, как разворачивались события, как она действовала — три шага назад, и она нашла Бена Коллинза в статье, как нашла его и я. Попросила заехать за ней, назвала адрес, где намечалась вечеринка. Сэди, которой ее открытие придало сил, считала, что собрала всех в одном месте так, как и хотела, — для финального, рокового удара. О выслеженных платежах она умолчала; ей нужен был только он. И деньги, которые она украла из компании, понадобились для этой цели. Для него. Но она не усматривала опасности в тех местах, где она действительно таилась.

— Все, что ей было нужно от вас, — правда, — сказала я.

Он дважды моргнул со стоическим выражением лица, потом заговорил:

— И что бы это дало теперь? Я бы похоронил нас всех. И ради чего? Мы же не в силах изменить прошлое.

Ради *чего*? Как он мог спрашивать такое? Ради справедливости. Ради моих родителей. Ради меня.

Чтобы сказать правду — это Паркер виноват в смерти моих родителей. Потому что внутри этой семьи велась постоянная борьба за власть, и Сэди наконец нашла способ подорвать позиции брата. Рассчитанным, гибельным шагом.

Но за запертой дверью во время вечеринки произошло что-то еще. Она ошиблась в оценке своего собеседника. Как она повела себя — отстаивала свою правоту, предлагала деньги, верила, что он на ее стороне, пока он не нанес удар? Или они заспорили, опасность постепенно нарастала, намечался сдвиг от слов к насилию, пока не стало слишком поздно?

— Кровь в ванной. Вы ударили ее, — прошептала я. Не машина, ненароком сбившая другую с дороги. А руки, кулаки по живому телу.

— Она поскользнулась, — поправил он. — Это вышло случайно. Я не знал, что делать, и запаниковал. Ее было уже ничем не вернуть.

Но эти слова — пустая, ничего не содержащая ложь. Сэди дышала. Он не мог не заметить, что она дышит. Иначе зачем повез ее

на утесы? Вода в ее легких, возможность выдать случившееся за самоубийство, место, выбранное для ее обуви, — последний штрих в его заметании следов. Его холодный, резкий ум спланировал положить конец чужой жизни, чтобы спасти то, что осталось от его собственной.

Неужели Ломаны много лет назад сделали из него душегуба? Превратили его в соучастника преступления, провоцировали сдвиг его морали до тех пор, пока он не научился оправдывать даже убийство?

Он снова подкинул флешку на ладони и сунул ее в карман.

— Она говорила мне, что доказательства есть кое у кого еще. Я всегда думал, что у вас.

Но нет, не у меня. А у Коннора, хотя он об этом не знал. Должно быть, вот почему Сэди захотела видеть его на вечеринке и позвала туда их обоих. Безопасность — в знаниях и в числах. В толпе.

К тому времени на столе не осталось ничего, кроме вырезки из газеты со статьей о гибели моих родителей. Словно он опять стирал все следы Сэди.

— Она была в сознании, — сказала я. — Она пыталась выбраться из багажника. У меня есть доказательства.

То, что он не мог уничтожить прямо в этой комнате.

И тут все опять изменилось. Его лицо, дым, треск пламени.

— Из вашего багажника, — безучастно уточнил он. — Телефон, который нашли *вы*, принадлежал человеку, с которым ссорились *вы*, улики нашлись в *вашем* багажнике. И этот человек — дочь семьи, которая только что *уволела* вас. Поверьте, все это вам совершенно ни к чему.

Будто я — ничто. Беспомощна как тогда, так и сейчас. Человек, которого он обвинит во всем. Человек, который поплатится.

Теперь-то мне было ясно, почему он так упорно расспрашивал нас про вечеринку. Допытывался, кто мог видеть его или Сэди. Кто мог заметить, как он выносит ее обмякшее тело через переднюю дверь. Кто мог быть свидетелем того, как он сбрасывал ее с утесов, или приводил обратно мою машину, или пешком возвращался к своей машине, оставленной на парковке у мини-отеля.

А потом там появилась я. Он увидел меня на утесах, как раз когда «нашел» ее сандалии. Если он нашел их, тогда, само собой, на них должны быть его отпечатки. То же самое он сказал обо мне, когда я принесла ему телефон Сэди.

Вот почему он вновь и вновь расспрашивал меня про тот вечер. Вот почему так внимательно наблюдал за мной во время допросов, пытаюсь понять, что я скрываю. Он боялся, что мне известно больше, чем я говорю.

Последняя деталь головоломки. Невысказанный вопрос, на который он искал ответ с той самой ночи: видела ли я *его*?

— Просто скажите мне, чего вы хотите, — с этими словами он потянулся за вырезкой, лежащей на столе.

— Стоп! — и я сама схватила вырезку, хоть дорожить ею — глупее не придумаешь. Можно было бы найти другую в печатном или электронном виде. Если бы не осознание, что у меня опять отнимают что-то без моего разрешения.

Вырезка была уже у меня, но он метнулся ко мне и схватил за руку.

Кристально ясная картина.

Этот человек убил Сэди за то, что она знала правду. У меня нет ни малейшего шанса доказать мою невиновность, представить мою сторону дела. Он убил, чтобы защитить самого себя, — только и всего. А теперь я стала для него угрозой.

Я отшатнулась, стряхивая с себя его пальцы, и кинулась в обход стола к двери. Он снова ринулся в мою сторону, сбил мусорную корзину, вывалил из нее пылающие бумажные потроха. Увидел, как задымился узорчатый ковер. Широко раскрыл глаза.

Я побежала прочь. Вылетела из комнаты, слыша за спиной шаги Бена Коллинза. Он звал меня по имени, вслед нам летел запах дыма. На лестнице — открытой, винтовой — он догнал бы меня слишком легко. И я шмыгнула в ближайшую комнату, захлопнув за собой дверь.

Комната Сэди.

Там не было замков. И спрятаться было негде — в интерьере, демонстрирующем чистоту линий. Под кроватью — голые половицы. Открытое пространство. Здесь не было места секретам.

Сработала и пронзительно, на одной ноте, завывала пожарная сигнализация.

Может, придут пожарные. Но их еще надо дождаться.

Я рывком раздвинула застекленные двери балкона, запарусила на ветру ткань. Прыгать слишком высоко. Без опасений можно выпрыгнуть лишь из одной комнаты — большой спальни, где прямо

под балконом начинался поросший травой склон. Оттуда мы с Коннором и Фейт забрались в дом много лет назад.

Все, что мне оставалось, — вжаться спиной в стену за дверью спальни, прежде чем она снова распахнулась. Бен Коллинз пронесся прямо к открытым дверям в патио, наклонился, выглянул наружу. Улучив момент, я вылетела в коридор и побежала в обратном направлении.

Он, должно быть, слышал мои шаги — здесь каждый звук разносило эхо, — потому что снова позвал меня по имени, перекрывая гулким голосом завывание сигнализации.

Но я уже была в другом конце коридора, а из кабинета между нами клубами валил дым.

Захлопнув дверь большой спальни, я пронеслась к балкону. Перекинула ногу через перила, повисла на руках, представляя себе, что Коннор внизу и мои ступни у него на плечах. Шесть футов высоты. Я справлюсь.

Я разжала пальцы, когда услышала, как открывается дверь, удар об землю сотряс меня. Пошатнувшись, я сумела удержать равновесие и побежала к тропе, ведущей к пляжу с утесов. На бегу я звала на помощь, но мои крики тонули в плеске волн.

— Стой! — требовал он, и голос слышался слишком близко — настолько, что я различала не только слова, но и топот ног. — Не убегай от меня!

Свидетели. Все, о чем я только думала, — *свидетели*. Сэди очутилась за запертой дверью, в запертом багажнике. Там не было никого, кто бы увидел, что с ней стало.

Я не преступница, чтобы убегать от полицейских. Я не такая, что бы там ни говорила обо мне его версия случившегося.

Ближе к краю утесов на тропе вдруг возник человеческий силуэт, от неожиданности я чуть не врезалась в него. Паркер.

— Что тут про?..

Я попятилась, а детектив Коллинз замер в нескольких шагах от нас обоих. Внизу под нами билась о камни вода. Ступени, ведущие к Брейкер-Бич, были уже видны совсем рядом...

— Он убил ее! — завопила я. Мне хотелось, чтобы еще кто-нибудь услышал и увидел нас.

— Что? — Паркер перевел взгляд с меня на детектива, потом на дом, вой сигнализации в котором отсюда был еле слышен.

— Она знает про аварию, — тяжело дыша, сообщил детектив Коллинз. Сбивая, отвлекая внимание. Я смотрела то на одного, то на другого, гадая, не удвоилась ли опасность для меня. На что способен каждый из них, лишь бы сохранить свои тайны. Детектив стоял, уперевшись руками в ноги выше коленей, и едва перевел дыхание, как сунул руку под пиджак, и стало видно, что под ним оружие.

Паркер повернулся ко мне, взгляд его темных глаз стал испытующим.

— Это был несчастный случай, — еле выговорил он. С трудом шевеля губами. То же самое, по уверению детектива Коллинза, утверждали родители Паркера, и он цеплялся за их слова. Но я обратила внимание на то, чего он не сказал. Ни он, ни его сестра не умели извиняться.

Паркер перевел взгляд на детектива.

— Вы ей сказали?

— Сэди узнала, — опередила я Коллинза. Никто мне ничего не говорил. Сэди привела меня к отгадке. Я шла по ее стопам. А теперь здесь нас было всего трое — и бушующие волны внизу, вместе со страшными тайнами, которые они хранили. — Она выяснила всю правду, и он ее убил.

Детектив помотал головой, подступая ближе.

— Нет, послушайте...

Паркер моргнул, внизу разбилась еще одна волна.

— Что ты сказала, Эйвери?

Но шанса ответить мне не представилось.

Наверное, детектив заметил в глазах Паркера то же, что и я. Внезапную вспышку ярости, нарастающий гнев и еще что-то, выплеснувшееся в кровь. Детектив Коллинз схватился за пистолет как раз в тот миг, когда Паркер сделал рывок.

Я так и не поняла, кто был первым. Кто совершил действие, а кто отреагировал на него. Но Паркер накинулся на детектива в тот же момент, как оружие оказалось в его руке, хотя детектив так и не смог поудобнее перехватить его, направить в ту сторону, в которую собирался.

Выброс ярости пронзил Паркера до мозга костей, вся его жизнь теперь балансировала на этой точке опоры. Он толкнул Бена Коллинза, и пистолет вылетел у него из рук и ударился о камень.

Пуля срикошетила и отлетела вверх. Звук выстрела рассек молчание, от него все мы на миг оцепенели. Стая птиц взлетела со скал в тот же момент, когда в жизни каждого из нас наметился сдвиг, был достигнут перелом. Впервые я заметила его в раскрывшихся глазах Бена Коллинза. В отчаянном жесте ничем не занятых рук, потянувшихся ко мне. В ногах, оступившихся раз, другой, пока инерция увлекала его назад, в пустоту.

Я смотрела. Яркое пятно его рубашки мелькнуло в воздухе и исчезло за краем обрыва. А потом — ничего, ничего, больше ничего. Только звук удара о воду и камни под ней.

И вот тогда-то я и услышала визг.

И увидела чуть ли не все население Литтлпорта: собравшись внизу на пляже, люди смотрели в нашу сторону, становились свидетелями.

Глава 30

Вдалеке звонил колокол на бакене. Кричал ястреб, кругами летая в небе. Волна прихлынула к скалам и разбилась. Время не остановилось.

— Это был несчастный случай, — сказал Паркер, оседая на землю, пока к нам бежали люди.

Сколько же их, этих несчастных случаев.

Первый же полицейский, добжежавший до утесов, велел остальным отойти.

Снизу доносились голоса, люди забредали в воду со стороны пляжа. Но было уже слишком поздно, и все мы это понимали.

— Никому не двигаться, — распорядился полицейский, взобравшийся по каменным ступеням. Тогда я и узнала его — офицер Пол Чамберс, второй присутствовавший на наших допросах в прошлом году.

Офицер Чамберс взглянул в сторону дома, над которым поднимался дым. Потом на Паркера, который сидел на земле, тяжело дыша и схватившись за руку.

— Он убил Сэди, — сказал Паркер. — И хотел прикончить Эйвери.

Взгляд, брошенный при этом на меня, был умоляющим. Даже в эту минуту он торговался.

— У него был пистолет. Он не оставил мне выбора. Я должен был остановить его.

Никогда еще я не чувствовала в себе такой силы, как в те моменты, когда он затаил дыхание под пристальными взглядами всех вокруг. Я ничего не стала ни подтверждать, ни отрицать.

Я ощущала взгляд Паркера сбоку на своем лице. Слышала его отчаянный шепот. «Умоляю».

— Больше ни слова, Паркер, — это предостерегающий голос Гранта взвился над толпой зрителей.

В толпе я видела знакомые лица. Семьи Силва, Харлоу, Ломанов; Грант кому-то звонил, пока Паркер сидел, схватившись за руку. Коннор протолкнулся в первые ряды, но подоспевший полицейский велел всем отступить. Слышались сирены. И опять крики снизу. Приказы увести

машины, оттеснить людей — службы экстренной помощи не могли пробиться через толпу. За нашими спинами дым достиг открытой двери балкона и валил изнутри клубами.

Дом Ломанов горел, погиб человек, а мы все так же стояли на скальном карнизе.

— Ты убил моих родителей, — сказала я. Громко, чтобы слышали остальные. Не только офицер Чамберс, но и собравшиеся поблизости зрители. Коннор, Фейт, Грант и Бьянка.

Паркер поморщился, качая головой, но мы оба знали, что это правда.

— Я знаю, что это был ты. И Сэди погибла потому, что тоже об этом узнала.

Ко всем моим утратам был причастен он, и мне хотелось отплатить ему.

Паркер по-прежнему качал головой. И хранил молчание, как велел ему отец. Даже когда ему велели встать. Даже когда надели наручники на его сложенные за спиной руки. Взгляд Паркера метался из стороны в сторону, пока его вели через толпу, — он будто отчаянно высматривал кого-нибудь, кто все исправит.

Дальше он шел молча, опустив голову. Такой же человек, как любой другой.

* * *

В полиции я выложила все. Но слишком многое у меня отняли огонь и море.

Улики сгорели. Мой телефон. Флешка. Все это пропало. Но я скопировала файл с флешки на свой ноутбук. И туда же перенесла снимки с телефона Сэди. У полицейского Чамберса вид стал явно удивленный, когда я упомянула про телефон Сэди: похоже, Бен Коллинз оставил эту информацию при себе, ни с кем не стал делиться известием о том, что телефон нашелся.

Я так и не поняла, хватит ли того, что у нас осталось.

* * *

Затем я стояла в вестибюле участка и понимала, что у меня больше нет ничего. Моя машина и мой ноутбук остались в полиции в качестве вещдоков. Я попросила у секретаря разрешения воспользоваться телефоном, но поняла, что не помню наизусть ни единого номера.

— Эйвери!

Я обернулась на голос Коннора. Увидела сквозь застекленные двери за ним фургон — припаркованный кое-как, словно в расчете на недолгое ожидание.

Не спрашивая, куда мы едем, я пристегнулась; я понятия не имела, куда теперь мне может понадобиться. Но, когда Коннор повернул вверх, к высокому берегу, я догадалась.

Он остановился на усыпанной гравием парковке у мини-отеля и заглушил двигатель. Коробка с моими вещами уже стояла на веранде. Коннор открыл дверцу машины, но помедлил, прежде чем отойти и выпустить меня.

— Конец сезона, всегда есть свободные комнаты.

Лето
2019

Первый день лета

Через открытые окна доносился плеск волн, разбивающихся об утесы. С побережья дул ветер, над головой шелестели листья.

Солнечные зайчики проскальзывали между качающимися ветками и незадернутыми шторами.

Я доставала бокалы и стаканы,ставляла бутылки и тарелки с едой из холодильника. Взбивала и оправляла диванные подушки, переносила в комнату все имеющиеся стулья. Занималась приготовлениями.

Вскоре все начнут съезжаться — вверх по Лэндинг-лейн.

* * *

Спасти дом было невозможно. Его вообще не следовало строить. Сэди еще много лет назад намекала, что он небезопасен. Да еще с такими размерами и смещением за границы участка. На этапе строительства они дали кому-то взятку, чтобы получить разрешение. Больше такого не повторится.

Кое-какие следы уцелели — для тех, кто знал, куда смотреть. Где трава была не такой густой и оттенком светлее. Где образовалась небольшая впадина на том месте, на котором раньше находился бассейн.

Но из гостевого дома все это смотрелось как причуды природы, поляна среди деревьев, сразу за которой начинались утесы. Изумительный, ничем не заслоненный вид, который встречал меня каждое утро.

Награда за риск.

* * *

В городе я слышала, что насчет Паркера договорились о сделке. Что его поместили под домашний арест. Что надели ему на щиколотку

электронный браслет. И выгнали из компании.

Почти все это наверняка были домыслы. Мне требовалось только одно — знать, что он исчез. И что больше они сюда не вернуться.

Зимой, после того как я продала участки на высоком берегу, я предложила невысокую, но неплохую цену за эту недвижимость. Все равно было маловероятно, чтобы кто-нибудь решил заново строиться здесь. Только гостевой дом, отодвинутый к границе участка, соответствовал правилам. Но именно он и был мне нужен.

Я выбрала его за открывающийся вид на весь Литтлпорт и все, что было мне знакомо.

Только об одном я сожалела: что я не видела лицо Гранта в тот момент, когда до него дошло, что именно я сделала.

* * *

Зимой прошлого года я продала семье Силва всю свою недвижимость. Целую полосу участков на высоком берегу, которые приберегала для себя. Скрываясь под названием компании с ограниченной ответственностью.

Я начала инвестировать средства в недвижимость много лет назад, на деньги от продажи бабушкиного дома. Которые выплатили мне сами Ломаны, когда купили бабушкин дом и участок. Одной только Бьянке пришло в голову спросить, куда я девала эти деньги. Грант, видимо, про них не вспоминал.

В моем контракте с Ломанами не значилось никаких пунктов, которые препятствовали бы моему ведению собственной деятельности. Не давали бы мне заниматься инвестированием средств. И я взяла ту первую сумму и совместно с небольшой группой инвесторов вложила ее в участок земли на побережье, в одном из соседних городков.

Мы сразу же перепродали эту землю, получили каждый свою долю от прибыли и продолжали в том же духе.

У меня имелся не только нюх на выгодные сделки, но и хватало духу, чтобы проворачивать их. И они, по-видимому, оказались двумя главными ингредиентами успеха. Способности рисковать всем ради шанса.

В Литтлпорте начинался очередной сезон отдыха, и мы собирались здесь сегодня выпить за начало нового совместного предприятия с семьей Фейт, сдающей в аренду свою новую недвижимость.

Грег Рэндолф однажды назвал меня «чудовищем Сэди», но он ошибся. Если я и была чьим-то чудовищем, то скорее всего меня сотворил Грант.

Впитать все, чему он учил меня, вложить первые же полученные деньги, не имея путей к отступлению. Снова и снова рисковать всем, инвестируя средства в недвижимость в небольших городках южнее и севернее по побережью. Твердо верить: есть нечто заставляющее людей постоянно возвращаться сюда — мощь океана, его безбрежность, обещанные им тайны, — и они в самом деле возвращались.

Может, это и было опрометчиво — без путей к отступлению, без каких-либо гарантий.

Но Литтлпорт всегда покровительствовал смелым.

Благодарности

Спасибо всем, кто помогал осуществлять этот проект — от искры замысла до завершённой книги:

Моему литагенту Саре Дэвис за превосходную поддержку с этой и всеми остальными книгами.

Моим редакторам Карин Маркус и Мэрисю Руччи — за проницательность, руководство и ободрение на каждом шагу долгого пути от идеи до ее реализации. Спасибо также всей редакции Simon&Schuster — вам, Ричард Рорер, Джонатан Карп, Зак Нолл, Аманда Лэнг, Элизабет Бриден и Мари Флорио. Мне несказанно повезло работать со всеми вами!

Спасибо вам, мои товарищи и критики Меган Шеферд, Эшли Элстон и Эль Козимано, за все ваши замечания, отзывы и поддержку.

И наконец, благодарю, как всегда, мою семью.

Об авторе

Меган Миранда — автор национальных бестселлеров «Все пропавшие девушки» и «Идеальная незнакомка». Она выросла в Нью-Джерси, окончила МТИ и сейчас живет в Северной Каролине вместе с мужем и двумя детьми. Подпишитесь на @MeganLMiranda в «Твиттере» и «Инстаграме» или на @AuthorMeganMiranda в «Фейсбуке».

www.meganmiranda.com

notes

Сноски

С последнего понедельника мая по первый понедельник сентября. — *Здесь и далее примеч. пер.*

«Разрушители, узурпаторы».